От автора мирового бестселлера
ДЖОНАТАН СТРЕНДЖ & МИСТЕР НОРРЕЛЛ

СЮЗАННА КЛАРК

ПИРАНЕЗИ

Пиранези
Сюзанна Кларк

Аннотация
Сюзанна Кларк. Пиранези
Сюзанна Кларк. Пиранези
  Часть первая. Пиранези
    Когда в Третьем северном Зале взошла Луна, я отправился в Девятый Вестибюль
    Описание Мира
    Список всех когда-либо живших людей и то, что о них известно
    Мои Дневники
    Статуи
    Существуют ли деревья?
  Часть вторая. Другой
    Шарф-бери
    Белый крест
    Птицы молча сидят в Шестом западном Зале
    Затопленные Залы
    Облака над Девятнадцатым восточным Залом
    Разговор
    Адди Домар
    Ботинки
    Список вещей, которые я получил от Другого

Никто из Мертвых не откликнулся на имя Адди Домар
Путешествие
Сто девяносто второй западный Зал
Восемьдесят восьмой западный Зал
Другой объясняет, что говорил это все раньше
Мир не подтверждает уверения Другого, что у меня провалы в памяти
Я пишу письмо
Другой предостерегает меня насчет 16
Я обновляю сведения о 16
Первый Вестибюль
Часть третья. Пророк
Пророк
Я обдумываю слова Пророка
Другой излагает обстоятельства, при которых правильно будет меня убить
Мои мысли по поводу слов Другого, что при определенных обстоятельствах он может меня убить
Я изменяю внешность к появлению 16
Предметный Указатель
Я решаю лучше о себе заботиться
Сильвия Д'Агостино
Бедный Джеймс Риттер

Записи о Сильвии Д’Агостино и бедном Джеймсе Риттере: предварительные соображения
Часть четвертая. 16
Я забираю клочки бумаги из Восемьдесят восьмого западного Зала
Сомнение
Лимон
Еще кандидаты на убийство
Я нахожу надпись, которую сделал 16
Я спрашиваю Другого о надписи, которую сделал 16
Свет во тьме
Я стираю послание 16
Я задаю Другому вопрос
Я решаю поискать Лоренса Арн-Сейлса в Указателе
Лоренс Арн-Сейлс
Я сохраняю спокойствие
Будет Великий Потоп
Ты Мэтью Роуз Соренсен?
Я…
Часть пятая. Валентайн Кеттерли
События 15 ноября 2012 г.
Часть шестая. Волна
Я ошибался!
Мой друг — 16, а вовсе не Другой

Подготовка к Потопу
Волна
Рафаэль
Я утешаю доктора Кеттерли
Когда в Первом Вестибюле пролегли тени, Рафаэль вернулась
Другие люди
Странные чувства
Я ухожу
Часть седьмая. Мэтью Роуз Соренсен
Валентайн Кеттерли исчез
Мэтью Роуз Соренсен нашелся
Тело Валентайна Кеттерли, ученого и чародея
Вновь статуи
В голове у меня все приливы
Пошел снег
Михаил Назаренко. Примечания

Аннотация

Шестнадцать лет назад Сюзанна Кларк выпустила «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» — книгу, разошедшуюся по миру тиражом свыше 4 миллионов экземпляров и признанную легендарным шедевром: «Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс» *(А. Генис)*;

«Лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет» *(Н. Гейман)*. И вот наконец мы дождались второго романа Кларк. «Это событие первостепенной важности в мире литературы» *(Daily Telegraph)*. Для человека, которого мы знаем как Пиранези, Дом с большой буквы — это целый Мир. «С начала Мира в нем точно существовали пятнадцать человек», и Пиранези — пятнадцатый. Он исследует бесконечные Залы, украшенные величественными Статуями, и составляет расписание Приливов, захлестывающих нижние этажи. На верхние этажи заплывают Облака и залетают птицы, а по вторникам и пятницам Пиранези встречает Другого. «Красота

Дома несказанна, — пишет Пиранези в своем дневнике. — Доброта его беспредельна». Но однажды он обнаруживает следы человека номер шестнадцать…

«„Пиранези“ — изысканная шкатулка с сюрпризами, и внутри она намного, намного больше, чем снаружи», — пишет Дэвид Митчелл. «Фантастическое, ни на что не похожее и совершенно необходимое чтение», — вторит ему журнал *The Bookseller*.

Сюзанна Кларк
Пиранези

О романе «Пиранези»

Обычно писать книгу принимаешься с крошечного зародыша истории, с чего-то, что, засев глубоко в подсознании, начинает ветвиться во все стороны. Некоторые идеи поселяются у тебя в голове, обживаются там, становятся привычными, как мебель. Так, меня всегда восхищал Пиранези с его атмосферными офортами

воображаемых тюрем — все эти огромные лестницы, тающие в полумраке своды, невозможная геометрия. А в графическом романе Алана Мура «Прометея» встретилась такая фраза: «Все мы когда-нибудь грезили о том, как бродим в необъятном доме», — и я подумала: да, очень знакомо! Я как раз пыталась вымыслить такое место действия, чтобы читатель поразился, но в то же время подумал: «Погодите! Я же тут бывал… кажется?..» На это же работают многочисленные отсылки к Нарнии и к притчам Борхеса, особенно к его переделке мифа о минотавре в рассказе «Дом Астерия». К. С. Льюис и Борхес — не самое очевидное сочетание! Все мы, выросшие на книгах о Нарнии, свято уверены: где-нибудь когда-нибудь перед нами обязательно откроется платяной шкаф. И дорога на ту сторону.

Сюзанна Кларк

Что за мир Сюзанна Кларк создает на наших глазах, какой точный часовой механизм сюжета, какого чистого героя, каких бессовестных персонажей второго плана, сколько красоты, напряжения и сдержанности и какой виртуозный финал! «Пиранези» — изысканная шкатулка с сюрпризами, и внутри она намного, намного больше, чем снаружи.

Дэвид Митчелл

«Пиранези» меня ошеломил. Это чудо литературного мастерства, разом увлекательная загадка, приключения в блистательном вымышленном мире и глубокие раздумья о человеческой природе, о потерянности и обретении. Мне уже хочется вернуться в эти пугающие и прекрасные залы!

Мадлен Миллер (автор «Песни Ахилла» и «Цирцеи»)

«Пиранези» — великолепная, завораживающая детективная загадка, которая раскрывается страница за страницей. Именно такие книги я люблю вручать молча, чтобы не портить людям удовольствия самостоятельно открыть запрятанные внутри тайны. Эта книга — сокровище, выброшенное на пустынный берег и ждущее, когда его найдут.

Эрин Моргенштерн (автор «Ночного цирка»)

Воображение Кларк неисчерпаемо, темп повествования выбран мастерски, и она умеет поставить иронию на службу величия.

Грегори Магвайр (The New York Times)

Никто не пишет о магии, как Кларк… Она пишет о магии так, будто и впрямь ее практикует.

Лев Гроссман (TIME Magazine)

Почти невозможно отложить книгу… выразительный, завораживающий, трогательный и пронизанный магией, которая знакома преданным читателям Сюзанны Кларк, «Пиранези» понравится любителям «Джонатана Стренджа» и завоюет ей много новых поклонников.

Bookpage

Читатели, которые вместе с Пиранези будут следить, как он учится понимать себя, увидят, что в наш мир вернулась магия. Странная, пугающая и прекрасная.

Kirkus Reviews

Кларк прячет детективный сюжет в метафорической литературной сказке… Безусловно, самая неординарная книга года.

Publishers Weekly

По мере того как множатся вопросы и нарастает напряжение в этой завораживающей мистической притче, невольно думаешь, что доброта и благодарность героя Кларк и есть единственная настоящая мудрость.

Booklist

Кларк создает мир, в существование которого читатели почти готовы поверить.

Library Journal

Магия Сюзанны Кларк универсальна.

Salon

Подобно всеобщим любимцам «Джонатану Стренджу и мистеру Норреллу», «Пиранези» также творит магию, но совершенно другого сорта. Он напоминает нам о способности литературы переносить нас в иной мир и расширять понимание мира этого.

Guardian

Восхитительная загадка — и на стольких уровнях сразу! Фантастическое, ни на что не похожее и совершенно необходимое чтение.

The Bookseller

Эмпатия открывает новые горизонты в этой поразительной и бесконечно трогательной книге про оккультистов, утраченные эпохи и силу веры.

Foreword Reviews

«Пиранези» — это событие первостепенной важности в мире литературы.

Daily Telegraph

Поистине волшебный дом с коридорами-лабиринтами и приливами, что захлестывают лестницы.

The Times

По изобретательности и красоте «Пиранези» — достойный наследник «Стренджа с Норреллом». Это книга, к которой вы будете возвращаться снова и снова — отворяя двери, размышляя о статуях, прислушиваясь к приливам.

Observer

Бесконечно хитроумная книга, среди страниц которой можно благоговейно затеряться.

Washington Post

О романе «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»

Безусловно лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет. Смешная, трогательная, страшная, потусторонняя, практическая и магическая, путешествие сквозь тень и свет. Упоительное чтение, изящный и точный стиль: госпожа Кларк выстраивает слова так же хитроумно и грозно, как герцог Веллингтон выстраивал свои полки, а финальная часть истории таит множество неожиданных поворотов, словно лабиринт старых лондонских улочек или темный английский лес. Закрывая «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» на восьмисотой странице, я жалел лишь, что книга не оказалась вдвое длиннее… Чистое наслаждение от первой до последней строки.

Нил Гейман

Роман захватил меня и увлек так, что я не мог его отложить, пока не прочел до конца. Тон рассказчика выбран превосходно. Он полон иронии, преподносимой с серьезной миной, а его сдержанность позволяет читателю самому составить мнение о персонажах. Меня восхищала вымышленная ученость, завораживала смесь исторического реализма и чудесных событий. Я почти верил, что и впрямь существовала традиция «английской магии», о которой мне не доводилось слышать. Автор убедительнейше воспроизводит время и его литературные условности. И часть удовольствия от книги — наблюдать, как легко магия вписалась в роман XIX века. Настоящий шедевр. Не могу припомнить ничего хоть сколько-нибудь похожего.

Чарльз Паллисер

До ужаса правдоподобная параллельная история Британии, в которой волшебники играют не меньшую роль, чем известные нам исторические лица.

Мишель Фейбер

Книга для ума, книга для души, повод для разговоров и легкое чтение в дорогу — все это соединилось для меня в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле»... Я буквально не мог оторваться от этого романа.

Джулиан Феллоуз

Истощенная расточительным постмодернистским эпилогом литература, впав в детство, вернулась к своему истоку и стала тем, чем в сущности всегда была — рассказом о чудесах. За что мы ее готовы простить и снова полюбить. Со мной такое произошло, когда я прочел 800-страничный фолиант 50-летней дебютантки из Кембриджа Сюзанны Кларк под обманчиво скучным названием «Джонатан

Стрендж и мистер Норрелл». Восторженные критики уже успели назвать ее «„Гарри Поттером“ для взрослых», но, по-моему, это сомнительный комплимент для автора, открывшего новый способ обращаться с чудесами.

Так мог бы выглядеть роман «Мастер и Маргарита», если бы его написал Диккенс.

Дело в том, что книга Кларк — грандиозный анахронизм: она написана так, будто мы еще живем в Викторианскую эпоху. Презрев «страх влияния», автор перебралась в XIX век, чтобы медленно и верно выткать подробный гобелен давно умершей эпохи.

Англия Сюзанны Кларк — страна великих магических традиций. Деяния средневековых волшебников, выходцев из смежного, но невидимого мира, — непреложный факт, документированная часть британской истории. Однако, вступив на путь прогресса, Англия утратила древнее магическое искусство, которое и взялся возродить тщеславный мизантроп мистер Норрелл со своим добродушным

учеником Джонатаном Стренджем.

Тут-то и начинается самое интересное. Чудеса в книге изображены с той же неторопливой дотошностью, что и все остальное. Ирония уже давно научила сказку встречаться с прозой жизни, как это бывало у Гофмана, Андерсена и Шварца. Но кажется, впервые магия, реанимировав старомодный жанр, сошла на страницы толстого реалистического романа. Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис (Иностранная литература)

Сюзанне Кларк удалось неподдельное чудо: ее «викторианская фэнтези» — всамделишная литература, без кавычек и оговорок; не постмодернистская игра, не изящный жанровый эксперимент — живая, сильная книга. Содержащая вдобавок ноу-хау. Да, были уже Толкин и последователи, Урсула Ле Гуин, в конце концов — Нил Гейман (назвавший, между прочим, «Стренджа...» «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет»), но только Кларк столь естественно удается вплести свою волшебную нить, свалянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен. Ну подумаешь, магия. Чем не занятие для джентльмена. В сущности, рутина: кто-то воюет с Бонапартием, кто-то торгует в заморских колониях, кто-то колдует и общается с эльфами. Бывает.

Александр Гаррос (Эксперт Online)

Удивительная неспешность повествования, заставляющая вас позабыть о том, что на свете уже существуют метро, интернет и авиастроение. Абсурдное внимание к деталям (ко всем деталям: историческое и фантастическое Кларк живописует с одинаковой дотошностью). Ну и главное — язык, конечно. О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века — языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта простительна: Сюзанна Кларк — прирожденный стилист; она пишет — ты веришь. Вероятно, именно это ощущение подлинности, которое, точно пряный запах старинного фолианта, насквозь пропитывает книгу, и превращает «Джонатана Стренджа…» в блестящий сеанс магии — причем без последующего разоблачения. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно, как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец (Гудок)

Девятисотстраничный фолиант Сюзанны Кларк способен понравиться самым разным читателям. Во-первых, это исторический роман, в котором дотошно воссозданы не только реалии эпохи, но и ее язык, ее стиль, — история современной литературы знает только один подобный подвиг: «Имя Розы» Умберто Эко. Радует то, что языковые прелести книги доступны и россиянам: книга великолепно переведена, что заставляет вспомнить и сдержанную прозу Пушкина, и достоверные гоголевские гротески. Во-вторых, Кларк должна прийтись по нраву каждому поклоннику фэнтези. «Стрендж и Норрелл» — дальние родственники «Волшебника Земноморья»: автор использует магию не только как прием авантюрного романа, но описывает очертания границ, за которые не следует заглядывать человеку, и причины, по которым их порой все же стоит пересекать. В-третьих, «Стрендж и Норрелл» — подарок для англомана: за тем, что покажется

иным читателям занудством и бесчувственностью, поклонники Вальтера Скотта и Кольриджа увидят английскую сдержанность, способ передавать через недосказанность массу косвенной информации. Кларк обставила свою выдумку с беспримерным вкусом и вниманием: обилие ссылок на несуществующие труды по магии, исторических ироничных анекдотов, вставных новелл и красочных описаний иных миров заставляет читателя поверить, что перед ним не просто огромный роман, но достоверный исторический рассказ о возрождении магии.

Иван Якшин (Книжная витрина)

Что же такое «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»? Самым коротким ответом будет: Джейн Остен в Стране чудес. Викторианская Англия, Наполеоновские войны, зеленые лужайки, экипажи, кукольные домики, мильные столбы и вересковые пустоши. Это не только место действия, это время написания. Представьте себе роман Чарльза Диккенса или Джейн Остен, где чопорные политики

становятся жертвами зловредных эльфов, а на приеме у тетушек, жаждущих пристроить своих племянниц замуж, появляется пара волшебников, только что отчитавшихся в Министерстве внутренних дел об исполнении поручения о предотвращении разлива рек в графстве Суффолк.

Стилизация выполнена настолько идеально, что даже вызывает оторопь. Это что, всерьез? Ну кому сейчас придет в голову писать, а уж тем более издавать викторианский роман? Его многословие, пространные описания чувств и пейзажей, неторопливая размеренность были хороши во времена, когда скорость передвижения не превышала 15 километров в час, а новости недельной давности считались последними известиями. Но в наше время читать эти 890 страниц, где динамичность повествования развертывается со скоростью перемещения дамы в кринолине? Как выясняется, и в карете прошлого можно уехать далеко, если она находится в рабочем состоянии.

Приключения мистера Норрелла, задумавшего воскресить в Англии утраченное искусство магии, и его ученика Джонатана Стренджа, однажды покинувшего учителя, прибирают тебя к рукам постепенно и исподволь, и вскоре ты, успокоившись, перестаешь досадовать на неспешность езды и начинаешь получать удовольствие от забытых, а то и никогда не испытанных ощущений альтернативного способа перемещения в альтернативном мире.

Вадим Нестеров (Gazeta.Ru)

Эта Кларк оказалась такой изобретательной и остроумной рассказчицей, что нет ни одной причины, по которой взрослый человек может позволить себе проигнорировать этот роман про волшебников; и вам вовсе не нужно быть литературным критиком, предсказуемо реагирующим на подмигивания в сторону Джейн Остен и Мэри Шелли, чтобы понимать, ознакомившись с первой же сотней страниц, что в ваших руках — классическое произведение, которое будут читать в вашей семье еще в нескольких поколениях. «Гарри Поттер» для взрослых? Дж. Роулинг со своей метлой «Нимбус-2000» может наниматься к Кларк в дворники.

Лев Данилкин (Афиша)

Изумительно… Роман, в котором темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов… Уникальность «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» — в отношении к магии. Магия у Кларк печальна и зловеща; она соткана из дождя, снега и зеркал и описана с абсолютным реализмом… У Кларк есть и другое редкое достоинство: она умеет живописать зло… через темные, спутанные корни жанра она углубляется в Средневековье и страшную, фрейдистскую составляющую сказок. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» объясняет живучесть литературного вымысла: он говорит на языке наших снов. И наших кошмаров.

Time

Кларк мастерски вместила в свои восемьсот страниц мир Джейн Остен, готический роман, светскую новеллу, военно-исторические приключения в духе «Стрелка Шарпа» и «Хозяина морей», романтический байронизм и вальтер-скоттовскую страсть к героическому прошлому Севера. Есть книги, которые читаешь, книги, которые изучаешь, и книги, в которых живешь. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» — из тех книг, в которых живешь.

The Washington Post

О сборнике «Дамы из Грейс-Адьё и другие истории»

Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм. Волшебно во всех смыслах!

Spectator

Мир волшебных английских сказок окружает нас с детства. Но только со

временем мы начинаем обнаруживать, насколько он огромен. Вначале это «Робин-Бобин-Барабек», потом — истории о Робин Гуде и короле Артуре, дальше — «Хоббит» и «Нарния», еще дальше — «Властелин Колец», «Земноморье»... Пределы страны Фантазии раздвигаются до бесконечности. Роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» собрал в себе такое количество традиций истинно английского волшебства, совместив их с традициями собственно литературными, что этого могло бы хватить на создание целого мира. Да, строго говоря, Кларк и создала не роман, но мир.

Сборник «Дамы из Грейс-Адьё» примыкает к «Стренджу и Норреллу» не сюжетно, а скорее духовно. Кларк показывает общность своего творчества с самой Британией, с народами малыми и великими, ее населяющими, с ее деревьями, камнями, реками, с духами прошлого, таящимися в каждой расщелине. Они — соседи, живущие рядом. Они — плоть от плоти и кость от кости тех, кто живет в мирах реальном и вымышленном. И граница миров тонка.

Книжное обозрение

Эти восемь рассказов напоминают «Стренджа и Норрелла» тем, что волшебные создания меняют историю, сквозь XIX век просвечивает современность, и сами страницы книги буквально источают очарование.

Bookmarks Magazine

Сюзанна Кларк
Пиранези

Колину[1]

Я великий ученый, чародей, я посвящен в тайные знания, я ставлю опыт. Конечно, мне нужны подопытные.

К. С. Льюис. Племянник чародея (Перевод Н. Трауберг)

Меня называют философом, ученым, антропологом, но все это неверно. Я — анамнезиолог[2]*. Я изучаю забытое. Я прозреваю безвозвратно утраченное. Я работаю с отсутствием, с тишиной, с таинственными зазорами между предметами. То, чем я занимаюсь, ближе всего к магии.*

Лоренс Арн-Сейлс. Интервью. «Таин-

---

[1] Примечания: 1

Колину. — Роман посвящен английскому писателю-фантасту Колину Гринленду (р. 1954), мужу Сюзанны Кларк.

[2] Примечания: 2

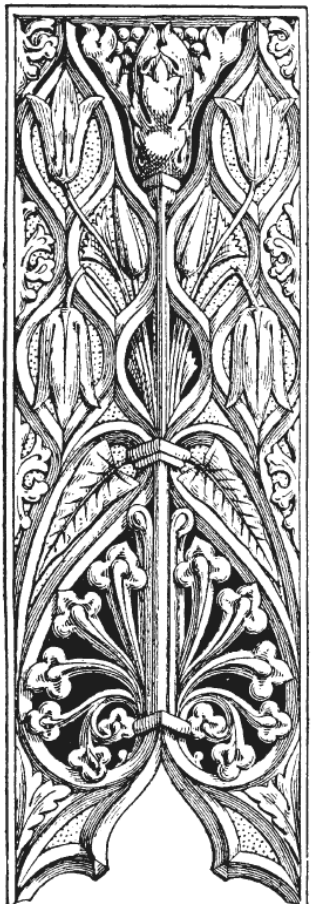
Анамнезиолог — от греч. ἀνάμνησις, «воспоминание». Отсылка к теории Платона о знании как припоминании (см. его диалоги «Федон» [73a–78b] и «Менон» [81b–86b]).

ственный сад»[3]*, май 1976*

[3] Примечания: 3

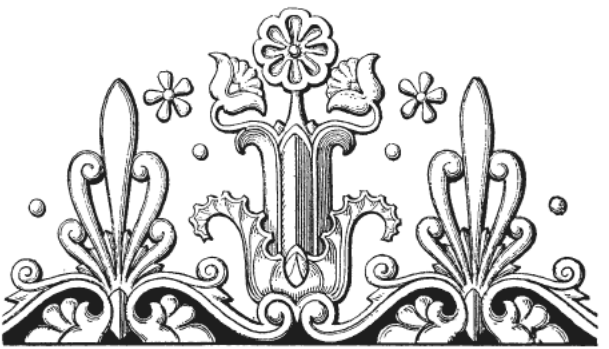
«Таинственный сад» — вымышленный журнал назван в честь популярной детской книги Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт (1849–1924), впервые опубликованной в 1910–1911 гг. Герои повести — девочка и мальчик — меняются к лучшему, попав в заброшенный сад, который хоть и не находится в другом мире, как Нарния, но отделен от обычной жизни усадьбы стеной и запертой дверью. Мальчик при этом собирается «посвятить свои великие научные открытия» Магии, разлитой в мире.

Часть первая
Пиранези



Когда в Третьем северном Зале взошла Луна, я отправился в Девятый Вести-бюль

Запись от Первого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Когда в Третьем северном Зале взошла Луна, я отправился в Девятый Вестибюль наблюдать слияние трех Приливов. Оно бывает лишь раз в восемь лет.

Девятый Вестибюль примечателен тремя огромными Лестницами. Вдоль его Стен, ярус над

ярусом, уходят в вышину сотни сотен мраморных Статуй.

Я лез по западной Стене, пока не добрался до Статуи Женщины, несущей Улей, в пятнадцати метрах от Пола. Женщина выше меня раза в два-три, а Улей усеян мраморными Пчелами размером с мой палец. Одна Пчела — от нее мне всегда немного не по себе — ползет по левому глазу Женщины. Я втиснулся в Нишу к Женщине и стал ждать. И вот в Нижних Залах послышался рев Приливов, а Стены содрогнулись от их натиска.

Первым начался Прилив Дальних Восточных Залов. Вода прибывала по Восточной Лестнице, безбурная и неопределенного цвета. Она разлилась по Плитам серым зеркалом в разводах мутной Пены, не глубже чем по щиколотку.

Затем хлынул Прилив Западных Залов. Он с ревом накатил по Западной Лестнице и ударил в Стену так, что все Статуи содрогнулись. Пена его была цвета старых рыбьих костей, а бурлящие глубины — свинцовыми. Через несколько секунд Вода уже стояла по пояс первому ярусу Статуй.

И наконец загрохотал Прилив Северных Залов. Он ворвался по Средней Лестнице и захлестнул Вестибюль взрывом блистающей льдисто-белой

Пены. Я промок и ослеп. Когда зрение вернулось, Вода сбегала со Статуй. Тогда-то я и понял, что ошибся, рассчитывая высоту Второго и Третьего Приливов. Исполинский Вал вздыбился, словно огромная Рука Воды, грозя оторвать меня от Стены. Я обхватил Ноги Женщины, несущей Улей, и взмолился к Дому о защите. Воды накрыли меня, и на мгновение наступила странная тишина, какая бывает, когда Море прокатывает над тобой, заглушая собственные звуки. Я думал, что умру или что меня унесет в Неведомые Залы, далеко от рокота и плеска Знакомых Приливов. Я цеплялся за Статую изо всех сил.

Затем, так же внезапно, как началось, все закончилось. Объединенные Приливы выплеснулись в соседние Залы, с грохотом ударяя о Стены. В Девятом Вестибюле Вода быстро убывала, и над ней показались Пьедесталы нижнего яруса Статуй.

Я понял, что сжимаю в кулаке какой-то предмет, и, раскрыв ладонь, увидел мраморный Палец некой Далекой Статуи, занесенный сюда Приливом.

Красота Дома несказанна; Доброта его беспредельна.

Описание Мира

Запись от Седьмого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я намерен исследовать Мир, сколько успею до конца жизни. Для этого я путешествовал до Девятьсот шестидесятого Зала к западу, до Восемьсот девяностого к северу и до Семьсот шестьдесят восьмого к югу. Я поднимался к Верхним Залам, где Облака проплывают медленной чередой и в Туманах внезапно проступают Ста-

туи. Я исследовал Затопленные Залы, где Темная Вода затянута белыми кувшинками. Я побывал в Разрушенных Залах на востоке, где Полы, Потолки — порой даже Стены — обвалились и мглу пронзают столбы серого Света.

В каждом из этих мест я подходил к Дверному Проему и смотрел дальше. Нигде я не видел каких-либо признаков, что Мир скоро кончится, только чинную анфиладу уходящих вдаль Залов и Коридоров.

Нет Залов, Вестибюлей, Лестниц и Коридоров без Статуй. По большей части они стоят сплошь, хотя там и сям видишь Пустой Пьедестал, Нишу, Апсиду или даже свободное место на Стене, уставленной Статуями. Эти Зияния по-своему так же загадочны, как и сами Статуи.

Я заметил, что, хотя в конкретном Зале все Статуи примерно одинакового размера, между Залами в этом есть значительные различия. В некоторых фигуры высотой два-три человеческих роста, в других они примерно натуральной величины, в третьих доходят мне только до плеча. В Затопленных Залах Статуи исполинские — от пятнадцати до двадцати метров, — но они исключение.

Я начал составлять Каталог, куда намерен вне-

сти Положение, Размер и Сюжет каждой Статуи, а также их примечательные особенности. На сегодня я описал Первый и Второй юго-западные Залы и приступил к Третьему. От огромности задачи у меня порой кружится голова, но, как исследователь и ученый, я обязан свидетельствовать о Великолепии Мира.

Окна Дома выходят во Внутренние Дворы — пустые и вымощенные камнем. Дворы по большей части четырехугольные, хотя попадаются с шестью, восемью и даже с тремя углами — эти последние довольно странные и унылые.

За пределами Дома есть лишь Небесные Тела: Солнце, Луна и Звезды.

Дом состоит из трех Уровней. Нижние Залы — Сфера Приливов, Окна их — когда смотришь через Двор — серо-зеленые от мятущихся Вод и белые от клочьев Пены. Нижние Залы дают пищу: рыб, моллюсков и морские растения.

Верхние Залы, как я уже говорил, — Сфера Облаков; Окна у них светло-серые и туманные. Иногда целый ряд Окон внезапно озаряется вспышкой молнии. Верхние Залы дают Пресную Воду; она Дождем изливается в Вестибюли и стекает Ручьями по Стенам и Лестницам.

Между этими двумя (по большей части непри-

годными для жизни) Уровнями расположены Средние Залы, Сфера птиц и людей. Прекрасная Упорядоченность Дома — источник нашей Жизни.

Сегодня утром я глянул в Окно Восемнадцатого юго-восточного Зала. На дальней стороне Двора я увидел Другого, смотрящего в Окно. Благородное лицо Другого с его высоким лбом и аккуратно подстриженной бородкой обрамлял Переплет в углу темного высокого Окна. Другой был, по обыкновению, погружен в задумчивость. Я помахал ему. Он меня не заметил. Я замахал сильнее, запрыгал с большой живостью. Однако в Доме великое множество Окон, и Другой меня не увидел.

Список всех когда-либо живших людей и то, что о них известно

Запись от Десятого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

С начала Мира в нем точно существовали пятнадцать человек. Возможно, их было больше, но я ученый и должен следовать фактам. Из пятнадцати человек, чье существование доказуемо, сейчас живы только я и Другой.

Дальше я перечислю эти пятнадцать Лиц, указывая по мере необходимости их местоположение.

Первое Лицо: Я

Полагаю, что мне лет тридцать — тридцать пять. Мой рост примерно 1 метр 83 сантиметра, телосложение худощавое.

Второе Лицо: Другой

По моим оценкам, возраст Другого от пятидесяти до шестидесяти лет. Его рост примерно 1 метр 88 сантиметров, телосложение, как и у меня, худощавое. Для своих лет он силен и подтянут. Кожа у него смугловатая, короткие волосы и усы — темно-каштановые. Бородка, седеющая, почти белая, аккуратно подстрижена и заострена. Скулы аристократические, лоб — высокий, благородный. В целом он производит впечатление дружественного, но несколько сурового человека, посвятившего себя умственной деятельности.

Он ученый, как и я, и единственное, кроме меня, живое человеческое существо, так что я, естественно, высоко ценю его дружбу.

Другой убежден, что где-то в Мире сокрыто Великое Тайное Знание, которое, когда мы его найдем, даст нам огромную силу. В чем это Знание заключается, он точно не знает, но в разное время намекал мне, что, обретя его, мы сможем:

1. победить Смерть и стать вечными
2. научиться читать чужие мысли
3. преображаться в Орлов и летать по Воздуху
4. преображаться в Рыб и плавать в Приливах
5. двигать предметы одной лишь силой мысли
6. гасить и вновь зажигать Солнце и Звезды
7. подчинять низшие разумы нашей воле

Мы с Другим прилежно ищем это Знание. Мы встречаемся дважды в неделю (по вторникам и пятницам) и обсуждаем нашу работу. Другой тщательно составляет свое расписание и следит, чтобы наши встречи длились не больше часа.

Если я нужен ему в иное время, он кричит: «Пиранези!», пока я не приду.

Пиранези. Так он меня зовет.

Что странно: ведь, насколько я помню, это не мое имя.

Третье Лицо: Человек с Коробкой из-под Печенья

Человек с Коробкой из-под Печенья — это скелет, обитающий в Пустой Нише Третьего северо-западного Зала. Кости уложены определенным образом: длинные распределены по размеру и увязаны — каждая кучка отдельно — сплетенной из водорослей веревкой. Справа находится череп, а слева — коробка из-под печенья, куда сложены мелкие кости: фаланги пальцев, косточки плюсны, позвонки и так далее. Коробка из-под печенья красная. На ней нарисовано печенье и написано: «Хантли Палмерс» и «Семейный круг»[4].

---

[4] Примечания: 4

…нарисовано печенье и написано: «Хантли Палмерс» и «Семейный круг». — «Семейный круг» — набор печений британской фирмы «Хантли Палмерс» (основана в 1822 г. как «Дж. Хантли и сын»).

Когда я впервые обнаружил Человека с Коробкой из-под Печенья, он выглядел довольно неаккуратно, потому что водорослевая веревка пересохла и рассыпалась. Я сделал новый шнурок из рыбьей кожи и связал кости, как было. Теперь он снова в надлежащем состоянии.

Четвертое Лицо: Завалившийся Человек

Как-то, три года назад, я поднялся по Лестнице в Тринадцатый Вестибюль. Увидев, что Облака ушли из Области Верхних Залов и те залиты Солнечным Светом, а Воздух в них чист и прозрачен, я решил продолжить исследования. В Зале, расположенном непосредственно над Восемнадцатым северо-восточным, я нашел скелет, частично завалившийся в щель между Пьедесталом и Стеной. По теперешнему расположению костей я могу заключить, что изначально он сидел, подтянув колени к подбородку. Мужчина это или женщина, мне определить не удалось. Если бы я вытащил кости для осмотра, то не сумел бы убрать их на прежнее место.

Лица с Пятого по Четырнадцатое: Обитатели Ниши

Все Обитатели Ниши представляют собой скелеты. Их кости уложены рядышком на Девятом

пьедестале в самой северной Нише Четырнадцатого юго-западного Зала.

Я предположительно определил три скелета как женские и три — как мужские; пол четырех мне выяснить не удалось. Одного из них я назвал Человеком с Рыбьей Кожей. Скелет его не полон, и кости сильно окатаны Приливами, так что от некоторых остались только маленькие кругляшки. На концах лучше сохранившихся костей просверлены дырочки, и в них продеты обрывки рыбьей кожи. Из этого я сделал несколько выводов:

1. Скелет Человека с Рыбьей Кожей старше других.

2. Скелет Человека с Рыбьей Кожей был некогда скреплен ремешками из рыбьей кожи, но со временем они порвались.

3. Люди, жившие после Человека с Рыбьей Кожей (предположительно, Обитатели Ниши), настолько чтили человеческую жизнь, что тщательно собрали его кости и положили рядом со своими мертвецами.

Вопрос: когда я почувствую приближение Смерти, должен ли я пойти и лечь с Обитателями Ниши? По моим оценкам, там есть место еще для четырех взрослых. Я молод, и (надеюсь) день

моей Смерти далеко, но все же об этом думаю.

Рядом с Обитателями Ниши лежит еще один скелет (хотя он не входит в число когда-либо живших людей). Это останки существа длиной примерно 50 сантиметров с хвостом примерно такой же длины. Я сравнил кости с различными Существами, которых изображают Статуи, и думаю, что они принадлежали обезьяне. Мне не случалось видеть в Доме живых обезьян.

Пятнадцатое Лицо: Скорченное Дитя

Скорченное Дитя — это скелет, как я полагаю, женского пола, лет примерно семи. Она сидит на Пустом Пьедестале в Шестом юго-восточном Зале. Колени у нее подтянуты к подбородку, Руки обнимают Колени, Голова наклонена. На шее — ожерелье из коралловых бусин и рыбьих костей.

Я много размышлял о том, как это дитя связано со мной. Живых в Мире (как я уже объяснял) только двое: я и Другой; мы оба мужского пола. Когда мы умрем, откуда в Мире возьмутся Обитатели? Я убежден, что Мир (или, если угодно, Дом, поскольку в практическом смысле это одно и то же) желает для себя Обитателей, дабы те созерцали его Красоту и пользовались его Благодеяниями. Я догадываюсь, что Дом предназначил Скорченное Дитя мне в Жены, но что-то помешало замыслу

осуществиться. С тех пор как у меня возникло это предположение, я считаю правильным делиться с ней всем, что у меня есть.

Я навещаю Мертвых, но особенно Скорченное Дитя. Я приношу им еду, воду и кувшинки, которые растут в Затопленных Залах. Я говорю с Мертвыми, рассказываю, чем занимался, и описываю увиденные в Доме Чудеса. Так они понимают, что не одиноки.

Только я так делаю. Другой так не делает. Насколько мне известно, он не совершает религиозных обрядов.

Шестнадцатое Лицо

И ты. Кто ты? Для кого я пишу? Путник ли ты, который одолел Приливы, превозмог Обваленные Полы и Рухнувшие Лестницы? Или же ты обитаешь в моих Залах после моей Смерти?

Мои Дневники

Запись от Семнадцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Свои наблюдения я записываю в тетради и делаю это по двум причинам. Во-первых, Письмо воспитывает навык тщательности и аккуратности. Во-вторых, я хочу сохранить мои знания для тебя, Шестнадцатый. Тетради я складываю в коричневую кожаную сумку через плечо; она обычно хранится за Статуей Ангела, застрявшего в Розовом Кусте, что в северо-восточном углу Второго северного Зала. Там же я держу часы, которые бывают нужны по вторникам и пятницам, когда я встречаюсь с Другим в 10 утра. (В остальные дни я хожу без часов из страха, что Соленая

Вода попадет внутрь и механизм испортится.)

В одной тетради я составляю Таблицу Приливов. Там я записываю Время и Высоту Приливов и Отливов, а также рассчитываю будущие Приливы. Еще одна тетрадь — мой Каталог Статуй. В прочих я веду Дневник, куда заношу мои мысли, воспоминания и отчет о прошедших днях. На сегодня мой Дневник занимает девять тетрадей, эта — десятая. Все они пронумерованы и по большей части подписаны датами начала и окончания.

№ 1 датирована: «Декабрь 2011 — июнь 2012».

№ 2 датирована: «Июнь 2012 — ноябрь 2012».

№ 3 была изначально датирована: «Ноябрь 2012», однако эти слова вычеркнуты и сверху написано: «Тринадцатый день Двенадцатого месяца в Год Плача и Рыданий — Четвертый день Седьмого месяца в Год, когда я нашел Коралловые Залы».

И в № 2, и в № 3 зияют пустоты на месте вырванных страниц. Я много размышлял, кто это мог сделать и зачем, но пока ни до чего не додумался.

№ 4 датирована: «Десятый день Седьмого месяца в Год, когда я нашел Коралловые Залы — Девятый день Четвертого месяца в Год, когда я дал имена Созвездиям».

№ 5 датирована: «Пятнадцатый день Четвертого месяца в Год, когда я дал имена Созвездиям — Тринадцатый день Девятого месяца в Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена».

№ 6 датирована: «Первый день Десятого месяца в Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена — Четырнадцатый день Второго месяца в Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов».

№ 7 датирована: «Семнадцатый день Второго месяца в Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов — последний день того же года».

№ 8 датирована: «Первый день Года, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала — Пятнадцатый день Десятого месяца того же года».

№ 9 датирована: «Шестнадцатый день Десятого месяца в Год, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала — Четвертый день Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос».

Этот Дневник (№ 10) начат в Пятый день Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос.

Когда ведешь Дневники, трудно вновь отыс-

кать важную запись, поэтому я веду отдельную тетрадь, в которой составляю указатель к остальным. Я отвел определенное количество страниц под каждую букву (больше для самых частых, вроде О и П, меньше для тех, что встречаются реже, например Ц и Ю). Под каждой буквой я записываю темы и отмечаю, где в Дневниках они упомянуты.

Перечитывая написанное, я кое-что осознал. Я использовал две системы нумерации лет. Почему я не заметил этого раньше?

Я допустил оплошность. Система нумерации должна быть одна. Две привносят сомнения, неопределенность и путаницу. (И неприятны эстетически.)

В соответствии с первой системой я обозначил два года как 2011 и 2012. Мне это кажется до крайности прозаичным. Кроме того, я не помню, что важного произошло две тысячи лет назад и почему я решил вести отсчет с того года. По второй системе я давал годам такие названия, как «Год, когда я дал имена Созвездиям» или «Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена». Это мне нравится гораздо больше. Так у каждого года есть свое лицо. Этой системы мне следует держаться впредь.

Статуи

Запись от Восемнадцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Некоторые Статуи я люблю больше остальных. Одна из них — Женщина, несущая Улей.

Другая — возможно, самая любимая — стоит у Двери из Четвертого в Пятый северо-западный Зал. Это Статуя Фавна, полукозла-получеловека

с курчавой Головой. Он чуть заметно улыбается и прижимает палец к губам. Мне всегда кажется, что он хочет мне что-то сказать или от чего-то предостеречь. «Тсс! — как будто говорит он. — Осторожнее!» Но какая здесь может быть опасность, я так и не узнал. Однажды Фавн мне приснился: он стоял в заснеженном лесу и разговаривал с ребенком женского пола.[5]

Статуя Гориллы в Пятом северном Зале всегда останавливает мой взгляд. Горилла сидит на корточках, подавшись вперед и опираясь на могучие Кулаки. Лицо этого Животного всегда меня завораживало. Его Мощный Лоб нависает над Глазами и у человека выглядел бы грозно нахмуренным, но мне представляется, что у Гориллы это означает нечто прямо противоположное. Это символизирует многое, в том числе Мир, Спокойствие, Силу и Терпение.

У меня есть и другие любимые Статуи — Мальчик, бьющий в Кимвалы, Слон, несущий Башню, Два Царя, играющие в Шахматы. Последней упомяну Статую, которую не особенно люблю.

---

[5] Примечания: 5

Однажды Фавн мне приснился: он стоял в заснеженном лесу и разговаривал с ребенком женского пола. — Пиранези видит во сне мистера Тумнуса и Люси из книги К. С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф» (1950), приквелом к которой является «Племянник чародея».

Правильнее сказать, эта Статуя, вернее — пара Статуй приковывают мой взгляд всякий раз, как мне случается их увидеть. Роста они примерно шестиметрового, обрамляют восточную Дверь Первого западного Зала и обладают двумя примечательными особенностями: во-первых, они много больше других Статуй в Первом западном Зале, а во-вторых, не завершены. Их Торсы выступают из Стены по пояс, Руки, заведенные назад, отталкиваются от нее, Мышцы вздулись от натуги, Лица искажены. Смотреть на них тягостно. Они как будто мучительно рвутся на свет; усилия могут оказаться тщетными, но оба не сдаются. Их Головы украшены великолепными Рогами, поэтому я назвал их Рогатыми Великанами. Они представляют Упорство и Борьбу с Жестокой Участью.

Неуважительно ли по отношению к Дому любить одни Статуи больше других? Иногда я задаю себе этот вопрос. Я убежден, что сам Дом одинаково любит и благословляет все им созданное. Должен ли я стараться быть таким же? И все же я понимаю, что в природе человека предпочитать одно другому, находить что-то более значительным, чем остальное.

Существуют ли деревья?

Запись от Девятнадцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Есть много неизвестного. Однажды — месяцев шесть или семь назад — я увидел, как медленный Прилив под Четвертым западным Залом несет что-то маленькое и желтое. Не зная, что это, я сту-

пил в Воду и поймал его. Это оказался лист, очень красивый, скрученный по краям. Разумеется, он мог быть частью невиданного водяного растения, но мне в такое не верится. Его поверхность отталкивает Воду, как будто предназначена для жизни в Воздухе.

Часть вторая
Другой

Шарф-бери

Запись от Двадцать девятого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром в десять часов я пошел во Второй юго-западный Зал на встречу с Другим. Когда я вошел в Зал, Другой был уже там, стоял, прислонившись к Пустому Пьедесталу, и тюкал пальцем по одному из своих блестящих устройств. Он

был в прекрасно скроенном черном костюме и белоснежной рубашке, красиво оттенявшей его смугловатую кожу.

Не поднимая глаз от устройства, он сказал:

— Мне нужны данные.

С ним такое бывает часто: он настолько сосредоточен на своем деле, что забывает поздороваться и спросить, как я поживаю. Я не обижаюсь. Меня восхищает его преданность науке.

— Какие данные? — спросил я. — Могу ли я тебе помочь?

— Конечно. Собственно, без тебя мне не обойтись. Тема моего сегодняшнего исследования, — тут он поднял взгляд от своего занятия и улыбнулся, — ты.

Улыбка у него очень приятная, когда он не забывает пускать ее в ход.

— Правда? — спросил я. — Что ты хочешь выяснить? У тебя есть гипотеза касательно меня?

— Есть.

— Какая?

— Не могу тебе сказать. Это может повлиять на данные.

— О! Да. Верно. Виноват.

— Все в порядке. Нет ничего естественней любопытства. — Он положил свое блестящее

устройство на Пустой Пьедестал и сказал: — Сядь.

Я сел на Плиты, скрестил ноги и стал ждать вопросов.

— Удобно? Отлично. Теперь скажи мне. Что ты помнишь?

— Что я помню? — в растерянности переспросил я.

— Да.

— Вопрос чересчур общий, — сказал я.

— И все же попробуй на него ответить.

— Что ж. Полагаю, ответ: все. Я помню все.

— Довольно смелое утверждение. Ты уверен?

— Уверен.

— Приведи примеры того, что ты помнишь.

— Допустим, — сказал я, — ты назовешь какой-нибудь Зал во многих днях пути отсюда. Если я там бывал, то сразу отвечу, как туда добраться. Перечислю все Залы, через которые предстоит идти. Опишу примечательные Статуи по его Стенам и сумею довольно точно указать их местоположение: у какой Стены они стоят, северной, южной, восточной или западной, и на каком от нее расстоянии. Смогу также назвать…

— А как насчет Шарф-бери? — спросил Другой.

— Мм… Что?

— Шарф-бери. Ты помнишь Шарф-бери?

— Нет… я… Шарф-бери?

— Да.

— Не понимаю.

Я ждал объяснений, но Другой только молча за мной наблюдал. Я видел, что вопрос чрезвычайно важен для его исследования, однако понятия не имел, какого ответа он от меня ждет.

— Шарф-бери не слово, — сказал я наконец. — Оно ничего не значит. Ничто в Мире не соответствует такому сочетанию звуков.

Другой по-прежнему молчал и все так же пристально смотрел на меня. Я беспокойно заглянул ему в лицо.

Вдруг меня осенило, я воскликнул:

— О! Я понял, что ты делаешь! — и засмеялся.

— И что же я делаю? — с улыбкой спросил Другой.

— Тебе надо проверить, правду ли я говорю. Я только что сказал, что могу описать путь в любой Зал, до которого когда-либо доходил. Однако ты не можешь проверить истинность моего утверждения. Например, если бы я описал, как идти до Девяносто шестого северного Зала, ты не мог бы определить, все ли я верно говорю, поскольку сам ты там не бывал. Поэтому ты задал мне вопрос с

бессмысленным словом — Шарф-бери. Ты очень умно выбрал слово, похожее на имя какого-то места — такого холодного, что, идя туда, надо брать шарф. Если бы я сказал, что помню Шарф-бери, и описал, как туда идти, ты бы догадался, что я вру. Ты бы знал, что я просто хвастаюсь. Это был проверочный вопрос.

— Именно так, — сказал он. — Именно для того я и спросил.

Мы оба рассмеялись.

— У тебя есть еще вопросы? — спросил я.

— Нет. Больше никаких.

Другой повернулся, чтобы внести данные в свое блестящее устройство, но что-то в моем лице привлекло его внимание, и он удивленно на меня уставился.

— В чем дело? — спросил я.

— Что с твоими очками?

— С моими очками?

— Да. Они выглядят как-то… странно.

— В каком смысле?

— Дужки много раз обернуты какими-то полосками, — сказал он. — И концы полосок свисают.

— А! — сказал я. — Да! Дужки постоянно ломались. Сперва левая. Потом правая. Соленый Воздух разъедает пластмассу. Я пробую разные

способы их чинить. Левую я обмотал полосками рыбьей кожи с рыбьим клеем, а правую — водорослями. Водоросли держат хуже.

— Да, — согласился он. — Логично.

В Залах под нами в Стену ударил Прилив. Бум. Отхлынул, выплеснулся через Дверь в следующий Зал. Бум. Бум. Бум. Снова отхлынул, снова накатил. Бум. Второй юго-западный Зал гудел, как струны музыкального инструмента.

Другой забеспокоился.

— Вода довольно близко, — заметил он. — Не лучше ли отсюда уйти?

Он в Приливах не разбирается.

— Незачем, — сказал я.

— О'кей, — ответил Другой, но не успокоился. Глаза у него расширились, дыхание участилось. Он то и дело поглядывал на Двери, словно ожидая, что в них хлынет Вода.

— Не хочется, чтобы меня тут затопило, — сказал он.

Как-то Другой был в Восьмом северном Зале. Сильный Прилив из Северных Залов затопил Десятый Вестибюль, а мгновениями позже не менее сильный Прилив из Восточных Залов хлынул в Двенадцатый Вестибюль. Большое количество Воды вылилось в соседние Залы, включая тот, где

находился Другой. Вода сбила его с ног и понесла через Дверные Проемы, ударяя о Стены и Статуи. Он захлебывался и уже думал, что утонет. Наконец Прилив выбросил его на Плиты Третьего западного Зала (в семи Залах от того, в котором подхватил). Здесь я его и нашел. Я принес ему одеяло и суп из моллюсков и водорослей. Как только Другой смог встать, он поднялся и молча ушел, куда — не знаю. (Мне вообще неизвестно, куда он уходит.) Это случилось в Шестой месяц Года, когда я дал имена Созвездиям. С тех пор Другой боится Приливов.

— Никакой опасности нет, — сказал я.

— Ты уверен? — спросил он.

Бум. Бум.

— Да, — ответил я. — Через пять минут Прилив достигнет Шестого Вестибюля и выплеснется вверх по Лестнице. Второй южный Зал — через два Зала к востоку отсюда — будет затоплен на час. Однако Вода будет по щиколотку и до нас не доберется.

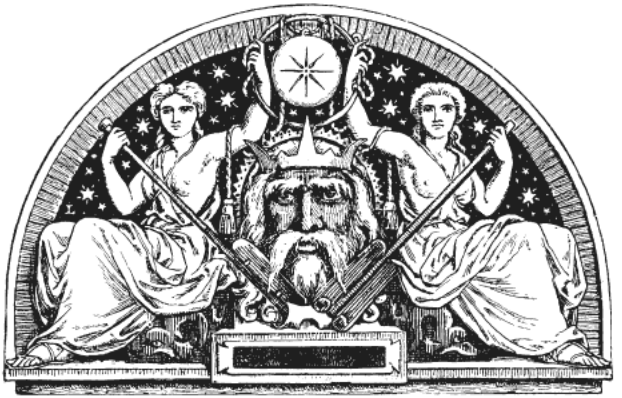
Он кивнул, однако тревожиться не перестал и довольно скоро ушел.

Вечером я пошел в Восьмой Вестибюль ловить рыбу. Про разговор с Другим я не думал, а думал про ужин и как прекрасны Статуи в Закатном

Свете. Но когда я забрасывал сеть в Воды Нижней Лестницы, у меня перед глазами возник образ. Я видел черную загогулину на сером Небе и проблеск красного; слова плыли на меня — белые слова на черном фоне. Одновременно раздался грохот, а во рту появился металлический привкус. И все эти образы — на самом деле не более чем призрачные обрывки образов — были как-то связаны со странным словом «Шарф-бери». Я пытался удержать их и рассмотреть, однако они растаяли, как сон.

Белый крест

Запись от Тридцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Если ты прочтешь мой предыдущий Дневник (тетрадь № 9), то увидишь, что я очень мало писал в последние месяцы прошлого года и в первые полтора нынешнего. (Так иногда бывает по причине, которую я объясню дальше.) За это время случилось событие, которое мне хочется описать. Я сделаю это сейчас.

Это произошло в самый разгар Зимы. Снег нападал на Ступеньки Лестниц. На каждой Статуе в Вестибюлях был плащ, покрывало или шапка снега. Каждая Статуя с простертой Рукой (а таких много) держала сосульку, словно обращенный книзу меч, либо сосульки висели по всей длине

Руки, точно оперение.

Я знаю, но всегда забываю, насколько сурова Зима. Холода тянутся и тянутся; согреваться очень трудно. Каждый год с приближением Зимы я поздравляю себя, что насушил много водорослей для костра, однако с течением дней, недель и месяцев все больше сомневаюсь, что мне хватит запасов. Я ношу столько одежды, сколько могу на себя натянуть. Каждую пятницу я проверяю запасы и рассчитываю, сколько водорослей можно жечь в день, чтобы хватило до Весны.

В Двенадцатый месяц прошлого года Другой приостановил свои поиски Великого Тайного Знания и отменил наши встречи, поскольку, как он сказал, было слишком холодно стоять и разговаривать. Пальцы у меня немели, почерк ухудшился, и я через какое-то время вообще перестал делать записи.

Примерно в середине Первого месяца налетел Ветер с юга. Он дул несколько дней кряду, и, хотя я изо всех сил старался не жаловаться, для меня это было тяжелым испытанием. Ветер заносил в Залы колючий снег. Дул на меня ночами, когда я спал в Третьем северном Зале. Завывал в Вестибюлях, подхватывая пригоршни снега и обращая их в призраков.

Ветер — это не только мучения. Иногда он задувал в трещинки и мелкие полости Статуй, и те обретали голос. Я впервые слышал, как Статуи пели и свистели, и смеялся от восторга.

Однажды я встал рано и пошел в Сорок третий Вестибюль. Залы, через которые я шел, были серыми и сумрачными; в Окнах лишь угадывался Свет — и даже не сам Свет, а его идея.

Я намеревался собрать водорослей и для еды, и для костра. Обычно я жду, пока Весна, Лето и Осень их высушат. Зимой слишком холодно и сыро. Однако мне подумалось, что если развесить водоросли (возможно, в Дверных Проемах), то Ветер их быстро высушит. Трудность была одна: как закрепить водоросли, чтобы не унесло. Я придумал три разных способа, и мне не терпелось их опробовать и найти лучший.

Когда я пересекал Одиннадцатый западный Зал, Ветер толкал меня с Плиты на Плиту, будто шахматную фигуру. (Я делал весьма неординарные ходы!)

Я спустился по Лестнице в Сорок третий Вестибюль и вошел в Нижний Зал, тот, что под Тридцать седьмым юго-западным. Из-за Ветра Приливы стали выше и бурливее обычного, а Отливы — ниже. Был Отлив, и Море отступило так

далеко, что Плиты обнажились почти целиком — событие исключительно редкое. Их усеивало то, что оставил по себе Прилив, — водоросли, плескавшие на Ветру, как стяги, галька, морские звезды и ракушки, которые Ветер со стуком гонял по Плитам.

До Рассвета оставались считаные мгновения. Я видел отражение бледно-золотистого Неба в некоторых Окнах по ту сторону Двора. Передо мной в следующем Зале колыхались серые Воды; строгие линии Дверного Проема являли контраст неукротимости Волн.

Я нагнулся и начал собирать мокрые холодные водоросли. Даже такая простая задача оказалась затруднительной из-за Ветра — требовались большие усилия, чтобы меня не сдувало с места. Ветер трепал водоросли, они хлестали по рукам, что было и больно, и холодно.

Через некоторое время я выпрямился, давая отдых спине, и вновь поднял взгляд к Проему в следующий Зал.

Мне предстало видение! В сумрачном Воздухе над серыми Волнами висел лучезарный крест, такой белый, что Стена Статуй позади него казалась темно-серой. Крест был прекрасен, но я не понимал, что это. В следующий миг меня осени-

ло: это не крест, а что-то белое и огромное, быстро скользящее ко мне по Ветру.

Что это могло быть? Наверняка птица, но, если я различил ее с такого расстояния, она должна была много превосходить размером всех привычных мне птиц. Она неслась прямо на меня. Я раскинул руки подобием ее расправленных крыльев, как будто хотел заключить птицу в объятия. Я закричал, намереваясь сказать: «Милости прошу!» — но Ветер вышиб у меня дыхание, и получилось только: «Прошу!»

Птица скользила над вздымающимися Волнами, ни разу не взмахнув крыльями. С необычайной ловкостью она чуть-чуть повернула и влетела в разделявший нас Проем. Размах ее крыльев был шире самой Двери. Я понял, кто это! Альбатрос!

Он летел прямо на меня, и в голову мне пришла очень странная мысль — нам с альбатросом суждено слиться и вместе мы станем существом иного уровня бытия: Ангелом! Это и обрадовало меня, и напугало, но я по-прежнему стоял, раскинув руки, словно отражение летящего альбатроса. (Я думал, как удивится Другой, когда я влечу во Второй юго-западный Зал на Ангельских Крыльях, неся ему вести о Мире и Радости!) Серд-

це мое стучало быстро-быстро.

В то мгновение, когда он долетел до меня, — в то мгновение, когда, я думал, мы столкнемся, подобно Планетам, и станем одним целым! — у меня вырвался сдавленный вскрик, что-то вроде: «А-а-а-а-ах!» И тут же я почувствовал, как меня отпустило напряжение, которое я долго сдерживал, но до того даже не замечал. Огромные белые крылья пронеслись над моей головой. Я почувствовал движение Воздуха, ощутил резкий соленый запах Далеких Приливов и Ветров, гуляющих на просторе по Залам, которых я никогда не увижу.

Альбатрос пролетел над моим левым плечом. Я упал на Плиты. Он испуганно забил крыльями, выставил розовые лапы и рухнул на Пол, словно тяжелая груда перьев. В Воздухе он был дивным созданием — Небесным Гостем, — а на Плитах Зала превратился в обычного смертного, такого

же неуклюжего, как и все мы.[6]

Мы оба приподнялись. Теперь, на сухих Плитах, он казался еще больше: его голова доходила мне почти до грудины.

— Очень рад тебя видеть, — сказал я. — Милости прошу. Я — Обитатель этих Залов. Один из Обитателей. Есть второй, но он не любит птиц, так что ты его, вероятно, не увидишь.

Альбатрос раскинул крылья и вытянул шею к Потолку. Он то ли защелкал, то ли заклокотал, что я расценил как приветствие. Сверху крылья у него были темные, почти черные, и на каждом как будто белая звезда.

Я снова принялся собирать водоросли. Альбатрос заходил по Залу, громко шлепая по Плитам серовато-розовыми лапами. Время от времени он подходил и с любопытством смотрел, чем я занимаюсь.

---

[6] Примечания: 6

В воздухе он был дивным созданием — Небесным Гостем, — а на Плитах Зала превратился в обычного смертного, такого же неуклюжего, как и все мы. — Вероятно, аллюзия на стихотворение Шарля Бодлера «Альбатрос» (1859):

> *Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,*
> *Недоступный для стрел, непокорный судьбе,*
> *Но ходить по земле среди свиста и брани*
> *Исполинские крылья мешают тебе.*
>
> ***(Перев. В. Левика)***

На следующий день я вернулся. Альбатрос поднялся по Лестнице и исследовал Сорок третий Вестибюль. Но мало того: до чего же я обрадовался, когда увидел в Вестибюле двух альбатросов! К нему присоединилась жена! (А может, первый альбатрос был самкой, а к ней прилетел муж. Тогда я не имел данных, чтобы решить этот вопрос.) У нового альбатроса был другой рисунок на верхней стороне крыльев — белые крапинки, словно капли серебристого дождя. Два альбатроса расправили крылья; они танцевали один вокруг другого, тянули клювы к Потолку и кричали весело, хотя и скрипуче; они тюкались длинными розовыми клювами, выражая свою радость.

Через несколько дней я снова их навестил. На сей раз они вели себя тише, а в атмосфере Вестибюля чувствовалось уныние. Альбатрос, которого я считал самцом (тот, что со звездами на крыльях), принес из Нижнего Зала довольно много водорослей. Он брал их клювом и складывал в кучу. Через несколько минут, недовольный результатом, он принялся стаскивать их в другое место. На моих глазах это произошло раз десять.

— Кажется, я понимаю твое затруднение, — сказал я. — Ты хочешь построить гнездо, но не можешь отыскать подходящего материала. Тут

лишь мокрые холодные водоросли, а тебе нужно что-нибудь сухое, чтобы сделать уютный дом для твоего яйца. Не волнуйся. Я тебе помогу. У меня есть запас сухих водорослей. Насколько я могу судить, не будучи птицей, они будут подходящим строительным материалом. Прямо сейчас пойду и принесу.

Звездчатый альбатрос расправил крылья, вытянул шею к Потолку и хрипло забулькал. Думаю, так он выражал радость и нетерпение.

Я вернулся в Третий северный Зал. Положил на рыбачью сеть толстый полиэтилен, а на него — столько водорослей, сколько, по моим прикидкам, требовалось для гнезда двум огромным птицам. Получилась довольно большая куча — мой запас водорослей примерно на три дня, и я знал, что если отдам их, то буду мерзнуть. Но померзнуть несколько дней — пустяки в сравнении с тем, что в Мире появится новый альбатрос. К этой куче я добавил еще кое-что. Во-первых, чистые белые перья, которые нашел и сохранил без всякой цели, просто оттого что они мне нравились, а во-вторых, старый шерстяной свитер, такой дырявый, что уже почти не мог служить одеждой, зато обещал стать чудесной подстилкой для драгоценного яйца.

Я притащил сеть в Сорок третий Вестибюль и был вознагражден интересом, который звездчатый альбатрос проявил к ее содержимому: он схватил клювом пучок водорослей и начал примерять к разным местам.

Вскоре после этого альбатросы построили гнездо диаметром около метра и отложили в него яйцо. Они оказались образцовыми родителями — прилежно высиживали яйцо, а теперь так же прилежно заботятся о птенце. Птенец растет медленно и оперяться пока не собирается.

Я назвал этот год Годом, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос.

Птицы молча сидят в Шестом западном Зале

Запись от Тридцать первого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

С тех пор как два года назад рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов, Погода в этой части Дома изменилась. Облака вплывают через проломы в Средние Залы, где раньше такого не бывало. Из-за этого Мир стал серым и зябким.

Сегодня утром я проснулся от холода. Пока я спал, в Третий северный Зал вползло Облако. Статуи казались изящными белыми рисунками на белом туманном фоне.

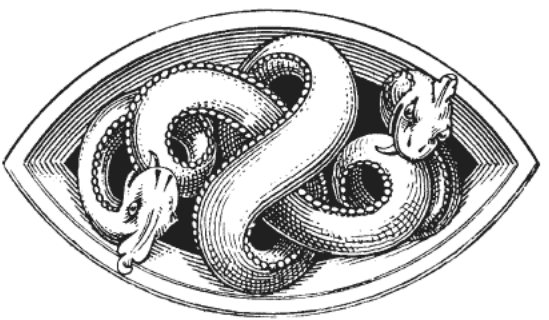
Я встал рано и занялся обычными повседневными делами. Собрал в Десятом Вестибюле водоросли и приготовил питательный согревающий

суп, затем отправился в Третий юго-западный Зал — продолжить работу над Каталогом Статуй.

В Доме было непривычно тихо. Птицы не летали и не пели. Куда они все подевались? Видимо, затянутый Туманом Мир подействовал на них так же угнетающе, как и на меня. Наконец я разыскал их в Шестом западном Зале. Они сидели на Голове и на Плечах у каждой Статуи, на каждом Пьедестале и Колонне. Сидели молча и ждали.

Затопленные Залы

Запись от Восьмого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



К востоку от Первого Вестибюля Дом пребывает в Упадке. Пол Верхних Залов проломился, Кладка и Статуи обрушились в Средние и Нижние Залы, завалив Дверные Проемы. В сорока или даже пятидесяти Залах, отрезанных от Приливов, скопилась Дождевая Вода, образовав темные застойные Озера. Окна здесь до половины залиты Водой или засыпаны Обломками и потому тусклые и серые, а поскольку сюда не долетает шум Приливов, в этих Залах стоит необычная тишина.

Таковы Затопленные Залы.

По Окраинам этой Области Воды мелкие, спокойные и покрыты кувшинками, однако в центре они глубоки и коварны, наполнены обломками Кладки и затонувшими Статуями. Затопленные Залы по большей части недосягаемы, но в некоторые можно проникнуть с Верхнего Уровня.

Там есть исполинские Статуи с курчавыми Головами и Бородами. Каменные великаны силятся вырваться из Стен, их Торсы наклонены над Темной Водой. Один склонился так низко, что его широкая мускулистая Спина образует почти горизонтальный уступ примерно в полуметре над Водой. С нее очень удобно ловить рыбу.

Лучше всего делать это по ночам, когда рыба

приплывает играть в ярком Лунном Свете и ее легко разглядеть.

Облака над Девятнадцатым восточным Залом

Запись от Десятого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Некогда я боялся жить слишком близко к Приливам. Слыша их Грохот, я бежал и прятался. В

своем невежестве я боялся, что они захлестнут меня и я утону.

По возможности я держался Сухих Залов, где Статуи не обросли ракушками, не увешаны обрывками водорослей, а Воздух не пахнет Приливами; другими словами, Залов, которые в последнее время не затопляло. Недостатка Воды я не испытывал; почти во всех Залах Пресная Вода низвергается сверху (иногда можно видеть Статую, почти рассеченную пополам Водой, хлеставшей на нее веками). Иное дело пропитание — ради него мне приходилось одолевать страх перед Приливами. Я шел в Вестибюли и спускался по Лестницам в Нижние Залы, к самой Кромке Океана. Однако Сила Волн внушала мне боязнь.

Даже тогда я знал, что Приливы неслучайны. Я понимал, что, если отмечать и записывать время, я научусь их предсказывать. Так я начал вести Таблицу. Однако, хоть я кое-что узнал о Приливах, Природа их оставалась мне неведома. Я думал, все Приливы более или менее одинаковы. Я шел встречать Прилив, ожидая, что он принесет много рыбы и водорослей, и, к своему изумлению, видел лишь чистую прозрачную Воду.

Я часто голодал.

Страх и голод вынудили меня исследовать Дом.

Тогда я узнал, что Затопленные Залы обильны рыбой. Там Воды спокойнее и меньше меня пугали. Трудность заключалась в том, что Затопленные Залы со всех сторон окружены Запустеньем. Чтобы в них попасть, надо подняться в Верхние Залы и через Проломы в Полу спускаться по Развалинам.

Как-то я не ел два дня и решил поискать еду в Затопленных Залах. Я поднялся в Верхние Залы, что само по себе было нелегко, поскольку я очень ослабел. Лестницы, хотя и отличаются размерами, по большей части повторяют величественные масштабы самого Дома, и Ступени у них раза в два выше, чем мне было бы удобно. (Как будто Бог строил Дом, чтобы населить его Великанами, но потом отчего-то передумал.)

Я вошел в один из Верхних Залов, тот, что прямо над Девятнадцатым восточным. Отсюда я намеревался спуститься в Затопленные Залы, но, к ужасу своему, обнаружил, что Зал полон Облаками — серой, зябкой, непроницаемой пеленой.

Со мной был мой Дневник. Я сверился с ним и узнал, что посещал эти Края и составил подробное описание следующего Зала, того, что над Двадцатым восточным. Я отметил сюжеты и состояние тамошних Статуй, а одну даже набросал.

Однако об этом Зале — Зале, на Пороге которого я стоял, Зале, полностью затянутом Облачной Пеленой, — в записях не было ни слова.

Сейчас я бы счел безумием исследовать Зал, который я не вижу и о котором у меня нет записей, но сейчас я и не довожу себя до такого голода.

Примыкающие Залы обычно схожи. Зал позади меня был примерно 200 метров в длину и 120 — в ширину; с высокой вероятностью Зал впереди был такой же. Расстояние не представлялось мне слишком большим; я больше тревожился из-за Статуй. Судя по тому, что удавалось различить впереди, они изображали Людей или Полулюдей раза в два-три выше меня ростом, схватившихся в ожесточенной борьбе: Воины сражаются, Мужчин и Женщин похищают Сатиры и Кентавры, Осьминоги рвут Людей на части. Почти во всех Областях Дома выражения у Статуй радостные, или безмятежные, или отрешенные, но Лица здешних были искажены воплями ярости.

Я решил идти осторожно: очень больно бывает напороться на выставленную мраморную Руку.

Так что я вошел в Облако и медленно двинулся вдоль северной Стены. Из бледной Дымки одна за другой выступали Статуи. Они стояли вдоль Стены так тесно и в таких изощренно выверну-

тых позах, что я шел как будто под плакучими ветвями огромного леса Рук и Тел.

Одна Статуя упала со Стены и лежала на Полу грудой обломков. Для меня это должно было стать предупреждением.

Я дошел до того места, где очередная Статуя далеко выдавалась в Зал. Она изображала Воина под Копытами Кентавра. Воин запрокинулся к самым Плитам, его могучие Руки были воздеты Ладонями вверх, Пальцы мучительно сжаты. Я сделал шаг в сторону от Стены, чтобы обойти Статую, и под ногами у меня оказалась…

…пустота.

Пола не было! Подо мною не было Каменных Плит! Я падал! Я в панике рванулся к Стене! И ощутил под собой опору! Я лежал над Пустотой, не в силах шевельнуться от страха, ничего не соображая от ужаса и потрясения. Каким-то чудом я упал в Руки Поверженному Воину. Они были мокрые и страшно скользкие; любое мое движение угрожало тем, что я сорвусь в Бездну. Всхлипывая от страха и цепляясь за Поверженного Воина каждой частицей моих сил, я вполз по его Рукам к Голове, с Головы перебрался на Грудь и оттуда втиснулся под Атакующего Кентавра, который подобием Потолка нависал в двух или

трех сантиметрах над моей головой. Облако было настолько плотным, что я не видел, где снова начинается Пол.

Я пролежал там весь день и всю ночь, полумертвый от страха, но исполненный благодарности к Поверженному Воину за мое спасение. К утру поднялся Ветер и унес Облако на запад. Я заглянул в Пролом и увидел на головокружительном расстоянии — метрах в 30 внизу или даже больше — темные Воды Затопленного Зала.

Разговор

Запись от Одиннадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Помимо регулярных встреч с Другим и тихого, утешительного соседства Мертвых, есть еще птицы. Птиц понимать нетрудно. Их поведение говорит мне, о чем они думают. Как правило, о чем-то таком: «Это еда? Точно еда? А это? Должно быть, еда. Наверняка еда». Или, временами: «Идет дождь. Мне неприятно».

Такие замечания хороши, чтобы по-соседски перекинуться несколькими словами, но не свидетельствуют о глубоком интеллекте. Однако я подозреваю, что птицы мудрее, чем видится на первый взгляд, но выказывают свою мудрость лишь иногда и только намеками.

Однажды осенним вечером я ступил в Дверной Проем Двенадцатого юго-восточного Зала с

намерением выйти в Семнадцатый Вестибюль и обнаружил, что не могу сделать шага вперед. Вестибюль был полон птицами, и все они летали: кружили в танце, подобном смерчу. Они были как будто столб дыма, который местами то сгущался, то становился реже. Я наблюдал этот танец неоднократно, всегда по вечерам в последние месяцы года.

Другой раз я вошел в Девятый Вестибюль и увидел там множество маленьких птичек. Они были разные, но преобладали воробьи. Не успел я сделать несколько шагов, как целая стая вспорхнула в Воздух. Птицы дружно пронеслись вдоль восточной Стены, потом вдоль южной, затем повернули и облетели меня по широкому кругу.

— Доброе утро, — сказал я. — Надеюсь, вы все здоровы?

Многие птицы опустились где попало, но несколько — около десятка — полетели к Статуе Садовника в Северо-западном углу. На ней они просидели секунд тридцать, потом, также вместе, перепорхнули на более высокую Статую у западной Стены — Женщину, несущую Улей. На Женщине, несущей Улей, птицы пробыли с минуту, затем унеслись прочь.

Я гадал, почему из примерно тысячи Статуй

Вестибюля птички выбрали именно эти. У меня мелькнула мысль, что обе Статуи могут изображать Усердие. Садовник, дряхлый и сгорбленный, продолжает возделывать сад. Женщина занимается пчеловодством, а Улей у нее в Руках полон пчелами, которые также прилежно исполняют свои обязанности. Неужели птицы хотели сказать мне, чтобы я усердно трудился? Вряд ли! В конце концов, я и без того усердно тружусь! Я как раз шел в Восьмой Вестибюль ловить рыбу. За спиной я нес рыбачью сеть и ловушку для омаров, сделанную из старого ведра.

Предостережение птиц — если это и впрямь было оно — казалось бессмысленным, но тем не менее я решил последовать необычному ходу рассуждений и посмотреть, к чему это приведет. В тот день я поймал семь рыбин и четырех омаров. Никого из них я не выбросил обратно в воду.

В ту ночь с Запада налетел Ветер и принес нежданную Грозу. Приливы сделались бурными, и рыба ушла из привычных Залов далеко в Море. В следующие два дня я ничего не поймал, и если бы не внял птичьему предостережению, то остался бы без еды.

После этого я составил гипотезу: возможно, птичья мудрость заключена не в отдельной

птице, а в стае, в общности. Я пытался придумать эксперимент для проверки моей теории. Затруднение, насколько я понимаю, состоит в том, что невозможно узнать заранее, когда такое произойдет. Значит, на ближайшие месяцы или даже годы остается одно: тщательно наблюдать и записывать. К несчастью, это невозможно, поскольку у меня очень много времени занимает работа с Другим (я, разумеется, говорю о наших поисках Великого Тайного Знания).

И все же, памятуя о своей гипотезе, я запишу то, что случилось сегодня утром.

Я вошел во Второй северо-восточный Зал, и он, как прежде Девятый Вестибюль, оказался заполнен разнообразными мелкими птичками. Я весело крикнул им: «Доброе утро!»

Тут же десятка два птичек стремительно унеслись к северной Стене и расселись на Высоких Статуях. Затем разом перепорхнули к западной Стене.

Я вспомнил, что прошлый раз такое было прологом к посланию.

— Я весь внимание! Что вы хотите мне сказать? — крикнул я и стал тщательно наблюдать, как они поступят дальше.

Птицы разделились на две стайки. Одна пере-

летела на Статую Ангела, дующего в Трубу, другая — на Статую Корабля, плывущего по невысоким Волнам.

— Ангел с трубой и корабль, — сказал я. — Очень хорошо.

Первая стайка перелетела на Статую Мужчины, читающего большую Книгу, вторая — на Статую Женщины, показывающей Блюдо либо Щит; на Щите изображены Облака.

— Книга и облака, — сказал я. — Да.

Наконец первая стайка перепорхнула на Статую Ребенка, склонившегося над Цветком, который держит в Руке; Голова у Ребенка в таких пышных Кудрях, что сама как Цветок; вторая стайка перелетела на Статую Мешка с Зерном, который пожирает Орда Мышей.

— Дитя и мыши, — сказал я. — Очень хорошо. Вижу.

Птицы разлетелись по всему Залу.

— Спасибо! — крикнул я им. — Спасибо!

Если моя гипотеза верна, то птицы передали мне очень замысловатое сообщение. Что оно означает?

Ангел с трубой и корабль. Ангел с трубой наводит на мысль о послании. Радостном? Возможно. Однако ангельская весть может быть и скорбной,

и суровой. Посему неясно, доброе послание или дурное. Корабль наводит на мысль о дальних странствиях. *Послание издалека.*

Книга и облака. Книга содержит Написанное. Облака его затуманивают. *Написанное послание с туманным смыслом.*

Дитя и мыши. Дитя означает Простодушие. Мыши пожирают Зерно. Мало-помалу оно убывает. *Простодушие утрачивается.*

Вот что, насколько я могу заключить, сказали мне птицы. *Послание издалека. Туманные письмена. Утрата простодушия.*

Занятно.

Через некоторое время — скажем, через несколько месяцев — я вернусь к этой записи. Возможно, последующие события прольют на нее свет либо она поможет истолковать эти события.

Адди Домар

Запись от Пятнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром во Втором юго-западном Зале Другой сказал:

— Я буду работать над ритуалом, так что тебе тут торчать не обязательно.

Ритуал — элемент церемониальной магии, посредством которой Другой намерен высвободить Великое Тайное Знание из того, что удерживает его в Мире, и передать нам. До сего дня мы отправляли Ритуал четырежды, каждый раз в немного иной версии.

— Я внес кое-какие изменения, — продолжал он, — и хочу послушать, как они звучат, так сказать, в естественных условиях.

— Я тебе помогу, — с жаром ответил я.

— Отлично, — сказал он. — Только не отвлекай меня болтовней. Мне нужно сосредоточиться.

— Разумеется, — согласился я.

Сегодня Другой был в сером костюме, белой рубашке и черных ботинках. Он положил свое блестящее устройство на Пустой Пьедестал.

— Это ритуал вызова, а значит, ведун должен стоять лицом к востоку, — произнес он. — Где тут восток?

Я показал.

— Так, — ответил он.

— Где мне встать?

— Где угодно. Не имеет значения.

Я встал в двух метрах к югу от него и решил, что буду смотреть на север, то есть на него. У меня нет ни знаний, ни интуиции касательно ритуалов, но представлялось, что это правильная позиция для того, кто прислуживает Истолкователю Мистерий.

— Что мне делать? — спросил я.

— Ничего. Просто не отвлекай меня.

— Я сосредоточусь на том, чтобы поделиться с тобой силой моего Духа.

— Хорошо. Отлично. Займись этим. — Он заглянул в свое блестящее устройство. — О'кей. Больше всего изменений я внес в первую часть ритуала.

До сих пор я просто взывал к знанию, прося его снизойти на меня. Это ничего не дало, так что сейчас я буду заклинать дух Адди Домара.

— Кто такой Адди Домар? — спросил я.

— Король. Давно умерший. Обладавший знанием. Или, по крайней мере, его частью. Мне удавалось вызывать Адди Домара для помощи в других ритуалах, особенно в… — Он осекся и некоторое время смотрел растерянно. — Мне успешно удавалось вызывать его в прошлом, — закончил он.

Другой принял величавую позу Истолкователя Мистерий — расправил спину, отвел плечи назад и вскинул голову. Мне он напомнил Статую Иерофанта[7] из Девятнадцатого южного Зала.

Внезапно я осознал значимость его слов.

— О! — воскликнул я. — Ты никогда не говорил, что знаешь имя одного из Мертвых! А ты знаешь, кого из них так зовут? Если да, пожалуйста, скажи мне! Я бы очень хотел обратиться к нему по имени, когда подношу еду и питье!

Другой прервал свое занятие и наморщил лоб.

---

[7] Примечания: 7

Иерофант — букв. «тот, кто показывает священное». Старший жрец Элевсинских мистерий — древнегреческих посвятительных обрядов в культах Деметры и Персефоны. Также — карта старшего аркана Таро, символ скрытых истин, которые приходят от высших сил или духовного учителя, и поиска тайного знания.

— О чем ты? — спросил он.

— О Мертвых, — с жаром ответил я. — Если тебе и впрямь известно одно из их имен, пожалуйста, скажи мне, кому оно принадлежит.

— Ничего не понял. Кто, чего, кому?

— Ты говорил, что в былые времена кто-то из Мертвых обладал Знанием. Затем оно было утрачено. И я хочу знать, кто это из них. Человек с Коробкой из-под Печенья? Завалившийся Человек? Или кто-то из Обитателей Ниши?

Другой непонимающе уставился на меня.

— Какая коробка из-под печенья? О чем ты? А, погоди. Это как-то связано с теми костями, которые ты нашел? Нет. Нет-нет-нет. Они не… Это не… Да господи боже! Я же сказал — мне надо сосредоточиться! Сказал ровно минуту назад! Можно не затевать сейчас разговоры? Я пытаюсь отработать ритуал.

Мне сделалось стыдно. Я помешал важной работе Другого.

— Да, конечно, — сказал я.

— У меня нет времени отвечать на посторонние вопросы, — буркнул он.

— Извини.

— Буду признателен, если ты просто помолчишь.

— Обещаю молчать.

— Хорошо. Отлично. О'кей. На чем я остановился? — Другой набрал в грудь воздуха, снова выпрямился и запрокинул голову. Он воздел руки и звучным голосом несколько раз воззвал к Адди Домару, разными словами убеждая того прийти.

В наступившей тишине он постепенно опустил руки и расслабил плечи.

— О'кей. Когда я буду делать это по-настоящему, может быть, поставлю жаровню. Воскурю какой-нибудь фимиам. Посмотрим. За призывом следует перечисление. Я называю способности, которые хочу получить: уничтожение Смерти, проникновение в низшие разумы, и так далее, и так далее. Важно зрительно представлять в уме каждую способность, то есть, перечисляя их, я воображаю, что живу вечно, читаю чужие мысли, становлюсь невидимым и все прочее.

Я вежливо поднял руку. (Не хотел, чтобы меня упрекнули за посторонние вопросы.)

— Да? — огрызнулся он.

— Мне тоже так делать?

— Да. Если хочешь.

Тем же звучным голосом Другой перечислил способности, которые дает Знание, и, когда он возгласил: «Называю способность летать!», я

вообразил, как преображаюсь в скопу и лечу с другими скопами над Бушующими Приливами. (Изо всех способностей, какие называл Другой, это моя любимая. Если совсем честно, к остальным я в целом равнодушен. Зачем мне становиться невидимым? По большей части меня и так никто не видит, кроме птиц. И я не стремлюсь жить вечно. Дом отвел свой срок птицам, свой срок — людям. Меня это вполне устраивает.)

Другой дошел до конца перечня. Я видел, что он обдумывает те части ритуала, которые уже исполнил, и не удовлетворен ими. Лицо его скривилось, взгляд был обращен вдаль.

— Я чувствую, что должен обращать это к некоему… к некой энергии, к чему-то живому и активному. Я хочу обрести могущество, значит мне следует взывать к чему-то могущественному. Разумно ведь?

— Да, — согласился я.

— Но здесь нет ничего могущественного. Даже живого ничего нет. Только одинаковые скучные помещения и бесконечные старые скульптуры, заляпанные птичьим дерьмом.

Он угрюмо замолчал.

Я давно знал, что Другой не чтит Дом, как я, и все равно меня ужаснули его слова. Как может

столь умный человек говорить, будто в Доме нет ничего живого? Нижние Залы полны морскими тварями и растениями, среди которых много прекрасных и удивительных. Сами Приливы такие мощные и стремительные, что, если и не вполне живые, неживыми их тоже назвать нельзя. В Средних Залах обитают люди и птицы. Тот самый помет, на который жаловался Другой, есть свидетельство Жизни. И неправильно говорить, будто все Залы одинаковые. Они отличаются стилем Колонн, Пилястров, Ниш, Апсид, Фронтонов и прочего, а также числом Дверей и Окон. В каждом Зале свои Статуи, и они не повторяются, а если где-то и повторяются, то так далеко, что я до сих пор не видел двух одинаковых.

Впрочем, не было смысла сейчас это говорить. Я знал, что лишь рассержу его еще больше.

— А как насчет Звезды? — спросил я. — Если мы совершим Ритуал ночью, ты сможешь обратить Призыв к Звезде. Звезда источает энергию и силу.

Другой немного помолчал, потом ответил с некоторым удивлением:

— Верно. Звезда. Вообще-то, неплохая мысль.

Он еще немного подумал.

— Неподвижная звезда лучше блуждающей. И

она должна быть яркой — гораздо ярче окружающих звезд. А еще лучше — найти в лабиринте какое-нибудь исключительное место и совершить ритуал там, обращаясь к самой яркой звезде! — На какое-то время он преисполнился энтузиазмом. Потом вздохнул и сник. — Но ведь это же невозможно, да?

И он снова стал говорить, что все Залы совершенно одинаковые, только называл их «помещениями» и употреблял уничижительный эпитет.

Во мне вскипел гнев, и мгновение я думал, что ничего ему не расскажу. Потом мне подумалось: нехорошо наказывать его за то, что он не в силах изменить. Не его вина, если он видит иначе, чем я.

— Вообще-то, — сказал я, — есть один Зал, не такой, как все остальные.

— Да? Ты никогда об этом не говорил. В чем его отличия?

— У него только один Дверной Проем и нет Окон. Я видел его лишь раз. Там странная атмосфера, которую трудно описать: величественная, загадочная и в то же время исполненная Присутствия.

— Ты хочешь сказать, как в храме? — спросил он.

— Да. Как в храме.

— Тогда почему ты никогда о нем не упоминал? — с прежним раздражением спросил Другой.

— Это довольно далеко отсюда. Я думал, ты вряд ли…

Однако ему неинтересно было слушать мои объяснения.

— Мне нужно увидеть это место. Ты можешь меня отвести? Сколько туда идти?

— Это Сто девяносто второй западный Зал, и он в двадцати километрах от Первого Вестибюля, — ответил я. — Идти туда три целых семьдесят шесть сотых часа, не считая времени на отдых.

— Ого, — сказал он.

Я понимал, что донельзя его огорчил (сам того не желая). Другой не стремится исследовать Мир. Вряд ли он когда-нибудь отходил от Первого Вестибюля дальше чем на пять Залов.

Он сказал:

— Мне нужно знать, какие звезды видны из двери этого помещения. Есть какие-нибудь соображения?

Я задумался. Развернут ли Сто девяносто второй западный Зал в направлении восток-запад? Или юго-восток — северо-запад? Я покачал головой.

— Не знаю. Не могу вспомнить.

— А можешь пойти туда и выяснить? — спросил он.

— Пойти в Сто девяносто второй западный Зал?

— Да.

Я замялся.

— В чем проблема? — спросил он.

— Путь в Сто девяносто второй западный Зал лежит через Семьдесят восьмой Вестибюль, Область, которую часто затопляет. Сейчас там должно быть сухо, но Приливы несут Обломки из Нижних Залов и оставляют их на Плитах. У некоторых Обломков острые края, о которые можно порезать ноги. Порезы на ногах — это плохо. Чревато заражением. По Битому Мрамору надо идти очень осторожно. Это осуществимо, но трудно. Займет много времени.

— О'кей, — сказал Другой. — Обломки. Но я все равно не совсем понимаю, в чем проблема. Раньше ты проходил через это место, и ничего с тобой не случилось. Почему нельзя сделать это сейчас?

Я покраснел и потупил взор. Другой был такой элегантный, такой опрятный в своем костюме и сверкающих ботинках. Обо мне такого сказать нельзя. Моя одежда изорвалась и выцвела,

истлела от Соленой Воды, в которой я ловлю рыбу. Не хотелось привлекать внимание к этому контрасту между нами, однако он спросил, и я должен был ответить. Я сказал:

— Тогда у меня были ботинки. Теперь нет.

Другой изумленно воззрился на мои темные босые ноги.

— Когда это случилось?

— Примерно год назад. Они развалились.

Он расхохотался.

— Почему ты ничего не сказал?

— Не хотел тебя беспокоить. Думал, сумею изготовить обувь из рыбьей кожи, но до сих пор не нашел времени. Мне некого винить, кроме себя.

— Честно говоря, Пиранези, — сказал Другой, — ты редкостный идиот! Если это мешает тебе пойти в… в… как ты назвал то помещение…

— Сто девяносто второй западный Зал, — вставил я.

— Да. Не важно. Если дело только за этим, я принесу тебе обувь.

— О! Это будет… — начал я.

— Не благодари. Просто добудь мне нужные сведения. Больше я ничего не прошу.

— Обязательно! — пообещал я. — В ботинках я доберусь до Сто девяносто второго западного Зала

за три с половиной часа. Максимум за четыре.

Ботинки

Запись от Шестнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня по пути к Третьему юго-западному Залу я прошел через Второй юго-западный. На Пустом Пьедестале, к которому обычно прислоняется Другой, стояла картонная коробка. Темно-серая. На крышке более светлым оттенком серого был

нарисован осьминог и оранжевыми буквами написано: «АКВАРИУМ».

Я открыл коробку. Сперва мне показалось, что в ней ничего нет, кроме тонкой белой бумаги, но когда я снял бумагу, то обнаружил под ней пару ботинок. Они были из плотной ткани сине-зеленого цвета (как Прилив Южных Залов), на толстых подошвах из белой резины и с белыми шнурками. Я вытащил ботинки из коробки и надел. Они подошли идеально. Я на пробу сделал несколько шагов. Ботинки приятно пружинили, и ногам в них было мягко.

Весь день я бегал и танцевал — до того хорошо мне было в новых ботинках.

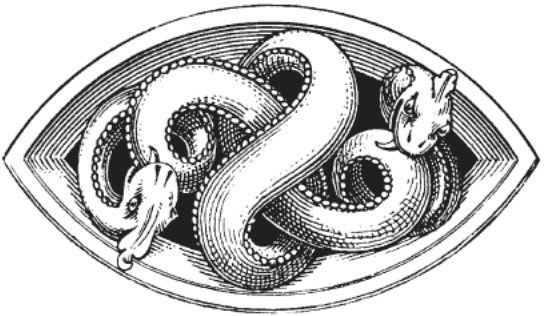
— Смотрите! — крикнул я воро́нам в Первом северном Зале, когда те слетели с высоких Статуй взглянуть, что я делаю. — У меня новые ботинки!

Однако вороны только закаркали и улетели наверх.

Список вещей, которые я получил от Другого

Запись от Семнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел

Альбатрос



Я составил список всего, что получил от Другого, чтобы помнить, и быть признательным, и благодарить Дом за такого замечательного друга!

В Год, когда я дал имена Созвездиям, Другой принес мне:

• спальный мешок

• подушку

• 2 одеяла

• 2 рыболовные сети из синтетического полимера

• 4 больших листа толстого полиэтилена

• фонарик. Я никогда им не пользовался и не помню, куда его положил.

• 6 коробков спичек

• 2 флакона мультивитаминов

В Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена, он принес мне:

• сэндвич с сыром и ветчиной

В Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов, он принес мне:

• 6 пластиковых мисок. Ими я собираю Пресную Воду, которая льется через Щели в Потолке и стекает по Лицам Статуй. Одна миска голубая, две красные и три облачного цвета. С мисками облачного цвета трудно — они почти такие же серовато-белые, как Статуи. Когда я ставлю их где-нибудь собирать Воду, они тут же сливаются с окружающим мрамором, и я не могу отыскать их взглядом. Одна пропала в прошлом году, и я до сих пор ее не нашел.

• 4 пары носков. Две Зимы моим ногам было тепло и уютно, но теперь носки совершенно протерлись. К сожалению, Другой не догадался подарить мне новые.

• удочку и леску

• апельсин

• кусок рождественского кекса

• 8 флаконов мультивитаминов

• 4 коробка спичек

В Год, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала, он принес мне:

• новую батарейку для часов
• 10 новых тетрадей
• разные канцелярские принадлежности, в том числе 12 больших листов бумаги для составления Звездных Карт, конверты, карандаши, линейку и несколько ластиков
• 47 ручек
• еще мультивитамины и спички

В нынешний год (Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос) он на сегодняшний день принес мне:

• еще 3 пластиковые миски. Они лучше всех, потому что яркие и не теряются. Одна оранжевая, две — разных оттенков зеленого.
• 4 коробка спичек
• 3 флакона витаминов
• пару новых ботинок!

Я стольким обязан щедрости Другого! Без него бы я не мог спать Зимой в теплом и уютном спальном мешке. У меня не было бы тетрадей, чтобы записывать свои мысли.

Тем не менее я временами гадаю, почему Дом

снабжает Другого таким разнообразием вещей, дает ему спальные мешки, ботинки, пластиковые миски, сырные сэндвичи, тетради, куски рождественского кекса и так далее, а мне все больше рыбу. Думаю, это потому, что Другой хуже меня умеет о себе позаботиться. Рыбу ловить он не умеет. Он никогда (насколько мне известно) не собирает и не сушит водоросли для костра или для вкусной еды, не заготавливает рыбью кожу (из которой можно сделать столько всего полезного). Если бы Дом не обеспечивал его нужными вещами, он бы, наверное, умер. Либо (что более вероятно) мне пришлось бы посвящать значительную часть времени заботе о нем.

Никто из Мертвых не откликнулся на имя Адди Домар

Запись от Восемнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я уже несколько дней не навещал Мертвых, поэтому сегодня пошел к ним. Нелегкая задача — обойти их всех за один день, поскольку они лежат на расстоянии в несколько километров друг от друга. Я оставил каждому приношение воды, еды и кувшинок, которые собрал в Затопленных Залах.

У каждой Ниши и Пьедестала я шептал имя Адди Домар в надежде, что кто-нибудь из них — тот, кому оно принадлежит, — как-нибудь выразит согласие. Однако этого не произошло. Скорее, преклоняя колени у каждой Ниши и Пьедестала, я чувствовал некоторое противление, как будто

они отвергают это имя.

Путешествие

Запись от Девятнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня я занимался всегдашними делами: ловил рыбу, собирал водоросли, работал над Каталогом Статуй. Во второй половине дня я

взял немного припасов и двинулся в сторону Сто девяносто второго западного Зала.

По пути Дом показал мне много чудес.

В Сорок пятом Вестибюле я увидел Лестницу, сплошь обросшую мидиями. Одна из Статуй у ее Стены почти скрыта иссиня-черным ракушечным панцирем — выглядывает лишь половина Лица и одна белая, выставленная вперед Рука. Я зарисовал эту Статую в Дневнике.

В Пятьдесят втором западном Зале я вышел к Стене, залитой золотистым Светом, таким ярким, что Статуи как будто в нем растворялись. Оттуда я прошел в Комнату с немногими Окнами, где была прохладная тень. Я увидел Статую Женщины с большим Блюдом, из которого она, нагнувшись, поила Медвежонка.

На подходе к Семьдесят восьмому Вестибюлю Плиты были усеяны Обломками. Поначалу они попадались отдельными россыпями, но ближе к Вестибюлю я шел уже по неровному и коварному полю Мраморных Осколков. В самом Вестибюле между Обломками еще струилась Вода. Углы были завалены Разбитыми Статуями.

Я шел дальше. В Восемьдесят восьмом западном Зале Обломков на Полу не было, но я столкнулся с другим затруднением. Здесь свили гнезда

серебристые чайки, и мое появление привело их в ярость. Они возмущенно орали и бросались на меня, хлопая крыльями и норовя клюнуть. Я отмахивался от птиц и пытался отогнать их криками.

Я дошел до Сто девяносто второго западного Зала, остановился в единственном Дверном Проеме и заглянул внутрь. В соседних Залах сгущались голубые сумерки, но здесь — я уже упоминал, что Окон в этом Зале нет, — стояла Тьма, Статуи были не видны. Из Проема тянуло ветерком, словно холодным дыханием.

Я не привык к Абсолютной Тьме. В Доме почти не бывает по-настоящему темно; изредка натыкаешься на слабоосвещенный угол или такое место в Разрушенных Залах, куда за Обломками почти не проникают Солнечные Лучи, но в целом Дому Темнота не свойственна. Даже по ночам в Окна светят Звезды.

Я думал, что легко найду ответ на вопрос Другого, какие Звезды видны из Сто девяносто второго западного Зала: надо только понять, куда обращена его Дверь, и свериться с моими Звездными Картами. Теперь, дойдя до места, я понял, что недооценил сложность задачи. Вход был метра четыре в ширину и одиннадцать в высоту

— довольно много для Дверного Проема, однако неизмеримо мало в сравнении с огромностью Небес. Был лишь один способ узнать, какие Звезды видно в Дверной Проем: остаться в Зале на ночь и посмотреть самому.

Меня эта перспектива совершенно не увлекала.

Я помнил, как поднялся по Лестнице в Верхний Зал над Девятнадцатым восточным и тот оказался затянут Туманом. Помню исполинские Фигуры в ожесточенной схватке, Лица, искаженные криками гнева и отчаяния.

Допустим (думал я), такое произойдет снова? Допустим, я войду в Темноту, лягу спать в Сто девяносто втором западном Зале и проснусь в окружении кошмаров?

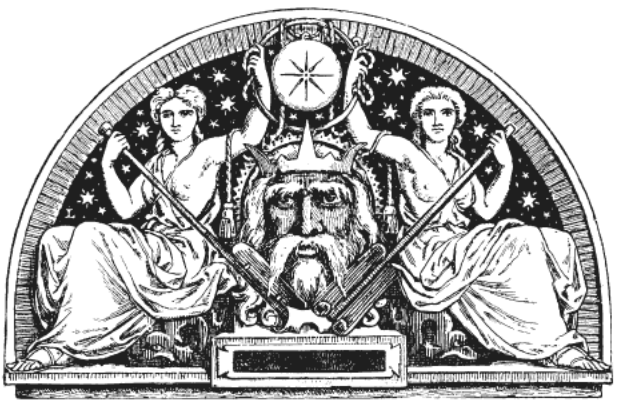
Я рассердился на себя, на собственную трусость. Так думать нельзя! Я четыре часа шел к этому Залу; неужели теперь я побоюсь в него войти? Просто смешно! Я убеждал себя, что ужас Верхнего Зала вряд ли повторится где-нибудь еще. В конце концов, я уже заходил в Сто девяносто второй западный Зал. Будь тамошние Статуи особенно свирепыми или жуткими, я бы наверняка это запомнил. К тому же я обещал Другому узнать, какие Звезды видно в Дверной Проем.

Ему нужны эти сведения.

И все равно Тьма меня тревожила. Я решил войти в Зал, но не сразу. Я сел снаружи, поел, попил и сделал эту запись в Дневнике.

Сто девяносто второй западный Зал

Запись от Двадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Закончив предыдущую запись, я вошел в Сто девяносто второй западный Зал. Меня окутали

Холод и Мрак. Немного отойдя от входа (метров на двадцать), я повернулся лицом к Единственной Двери, которая располагалась прямо напротив Окна в Коридоре снаружи. Я сел и завернулся в одеяло.

Сперва я остро чувствовал Темноту за спиной и взгляды Неведомых Статуй. Было очень тихо. Зал, где я обычно сплю — Третий северный, — полон птицами, и ночами я слышу, как они устраиваются поудобнее или перепархивают со Статуи на Статую; однако в Сто девяносто втором западном Зале, насколько я мог судить, птиц не было. Очевидно, им здесь было так же неуютно, как и мне.

Я заставил себя сосредоточиться на единственном, что мне было знакомо: звуках Моря в Нижних Залах, плеске Волн о Стены в тысячах и тысячах Покоев. Этот плеск я слышу постоянно. Засыпаю под него каждую ночь, как дитя засыпает у матери на груди, слушая ее сердцебиение. Так, видимо, произошло и на сей раз, потому что дальше я помню только, как проснулся.

Полная Луна стояла в Дверном Проеме, заливая все в Зале своим Светом. Статуи по Стенам были расположены так, будто только что повернулись к Проему и устремили мраморные очи к Луне. Они были не такие, как в других Залах: не отдель-

ные личности, а изображение Толпы. Двое стояли в обнимку, кто-то ухватил за Плечо стоящего впереди, чтобы приподняться и лучше видеть Луну, Отец держал за Руку Дитя. Был даже Пес — он не смотрел на Луну, а стоял на задних Лапах, упираясь передними Хозяину в Грудь, и старался привлечь его внимание. Дальняя Стена являла собой скопление Статуй — не расставленных ровными Ярусами, а смешавшихся в беспорядочной Толпе. Впереди, залитый Лунным Светом, стоял Юноша со Знаменем. Лицо его выражало Упоение и Восторг.

Я почти перестал дышать. На мгновение я почти ощутил, каким был бы Мир, будь в нем не двое людей, а тысячи.

Восемьдесят восьмой западный Зал

Вторая запись от Двадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Полная Луна клонилась к западу, в Зале темнело, и в Окне напротив Дверного Проема все ярче проступали Звезды. Я записал, какие Звезды и Созвездия вижу. После Рассвета я проспал несколько часов и двинулся в обратный путь.

Идя, я думал о Великом Тайном Знании, которое, по словам Другого, даст нам удивительные способности. И я кое-что понял. Я понял, что больше в это не верю. Или, может быть, не совсем так. Я думал: возможно, Знание существует, а возможно, и нет. В любом случае оно меня больше не занимает. Я не намерен больше тратить время на его поиски.

Это понимание — понимание того, насколько ничтожно Знание, — пришло ко мне Озарением. Я хочу сказать, что ощутил его истинность еще до того, как понял, каким образом к нему пришел. Пытаясь восстановить последовательность мыслей, я все время видел Сто девяносто второй западный Зал в Лунном Свете, его Красоту, ощущение глубочайшего Покоя, почтительное восхищение на Лицах Статуй, когда те смотрели (или как будто смотрели) на Луну. Я понял, что в поисках Знания мы смотрим на Дом как на загадку, которую нужно распутать, текст, который надо истолковать, и если мы когда-нибудь обретем Знание, то Дом как будто утратит Ценность, превратится в простой антураж.

После Сто девяносто второго западного Зала в Лунном Свете я осознал, насколько это глупо. Дом ценен потому, что он — Дом. Он самодостаточен. Он не средство для достижения цели.

Эта мысль повлекла за собой следующую. Я сообразил, что меня всегда смущали слова Другого о тех способностях, что принесет нам Знание. Например: он говорил, что мы сможем управлять низшими разумами. Ну, для начала нет никаких низших разумов — есть только я и Другой, и у нас обоих живой и глубокий ум. Однако допустим на

мгновение, что существует низший разум. Хотел бы я им управлять?

Если отказаться от поисков Знания, у нас освободится время для совершенно иных научных исследований. Мы сможем двинуться в любом направлении, какое укажут данные. Мысль эта наполнила меня радостью. Хотелось поскорее увидеть Другого и объяснить ему это все.

Я в раздумье шел через Залы, когда внезапно услышал громкий птичий крик и вспомнил, что в Восемьдесят восьмом западном Зале гнездятся серебристые чайки. Я подумал, не пойти ли другой дорогой. Однако это значило бы сделать крюк через семь или восемь Залов (1,7 километра), и я решил все-таки идти напрямик.

На середине Зала я заметил на Плитах куски чего-то белого и нагнулся их поднять. Это оказались обрывки исписанной бумаги. Они были смяты; я их расправил и попытался сложить. Два… нет, три клочка сошлись идеально: получился фрагмент бумажного листа с одним неровным краем. Судя по всему, это была вырванная из тетради страница.

Теперь я видел, что, даже если удастся собрать страницу целиком, прочесть ее будет нелегко. Почерк был ужасный — как путаница водорослей.

Я вглядывался несколько минут и наконец вроде бы разобрал слово «минотавр». Строчкой-двумя выше я увидел слово «раб», а строчкой-двумя ниже — слова «убью его». Остальное было совершенно неразборчиво. Однако упоминание минотавра меня заинтриговало. В Первом Вестибюле есть большие Статуи Минотавров. Их восемь, и все они разные. Возможно, тот, кто это написал, приходил в мои Залы?

Я гадал, кто бы это мог быть. Не Другой. Я уверен, он никогда не заходил так далеко, и, кроме того, я знаю его почерк — четкий и аккуратный. Значит, кто-то из Мертвых. Человек с Рыбьей Кожей? Человек с Коробкой из-под Печенья? Завалившийся Человек? Потенциально это было открытие огромной исторической важности.

Теперь я знал, что искать, и принялся высматривать на Плитах клочки бумаги. Я начал с юго-восточного угла и методически обошел весь Зал, ничего не упуская. Поначалу серебристые чайки громко возмущались, но вскоре поняли, что я не подхожу к их гнездам и птенцам, и перестали обращать на меня внимание. Я нашел сорок семь клочков бумаги, но, когда встал на колени и попытался их сложить, понял, что еще многих недостает.

Я огляделся. Чайки свили гнезда на плечах Статуй и на Пьедесталах; одно было втиснуто между Ногами у Статуи Слона, другое примостилось на Короне Старого Короля. В гнезде на Короне я разглядел еще два белых обрывка. Я осторожно подошел и забрался на соседнюю Статую. Тут же на меня набросились две чайки, возмущенно крича и норовя ударить крыльями и клювом. Однако я не уступал им в решимости. Одной рукой я держался за Статую, а другой отбивался от птиц.

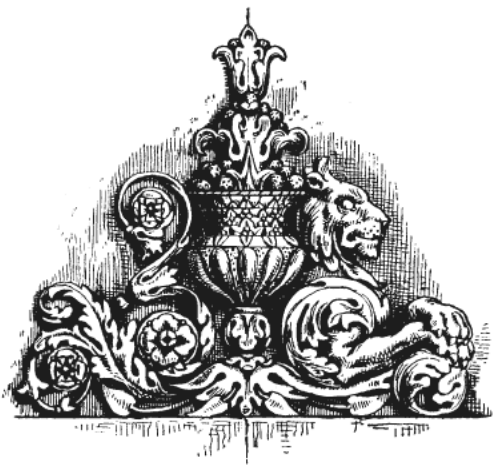
Гнездо являло собой беспорядочную груду сухих водорослей и рыбьих костей; между ними я разглядел четыре или пять обрывков исписанной бумаги, после чего спустился со Статуи и отошел на середину Зала, подальше от Стен, гнезд и разгневанных чаек.

Я задумался, как быть дальше, понимая, что сейчас недостающие куски не добыть. Чайки не позволят мне разобрать их гнезда — да я этого и не хотел. Нет, надо дождаться конца Лета — а лучше даже начала Осени, — когда птенцы вырастут и гнезда опустеют. Тогда я вернусь и заберу остальные клочки бумаги.

Я аккуратно сложил сорок семь обрывков к себе в мешок и продолжил обратный путь.

Другой объясняет, что говорил это все раньше

Запись от Двадцать второго дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Сегодня я пришел во Второй юго-западный Зал со своими Звездными Картами.

Другой стоял, прислонившись к Пустому Пье-

десталу, — локти его опирались на Пьедестал, ноги были скрещены, на лице умиротворение. На нем был безупречный костюм, черный в синеву, и ослепительно-белая рубашка. Он дружески улыбнулся:

— Как ботинки?

— Превосходно! — воскликнул я. — Замечательно! Спасибо! Они для меня еще более драгоценны тем, что это знак твоей дружбы! Иметь такого друга — величайшее счастье!

— Стараюсь, — ответил Другой. — Ну, как продвигаются дела? Теперь, когда у тебя есть обувь.

— Я уже побывал в Сто девяносто втором западном Зале!

— О'кей. А посмотрел, какие звезды оттуда видно? Записал?

— Записал, — ответил я. — Но записи не принес. Я и без них помню все, что должен тебе рассказать.

И я рассказал, что видел в Сто девяносто втором западном Зале.

— Статуи — самая примечательная его особенность. В смысле, помимо Единственной Двери и отсутствия Окон. В Лунном Свете особенно выделялась одна — изображение Юноши. Мне подумалось, он олицетворяет одну из Добродете-

лей, а именно…

— Не надо подробностей. Статуи меня не интересуют. Расскажи про звезды, — сказал Другой. — Что ты видел?

— Сейчас покажу. — Я развернул одну Звездную Карту и положил на Пустой Пьедестал.

Другой встал рядом.

Я продолжал:

— Я видел Розу, Добрую Матушку и Фонарный Столб. Ближе к утру их сменили Башмачник и Железный Змей.

(Такие имена я дал Созвездиям.)

Другой внимательно посмотрел на Карту, затем сделал какие-то пометки в своем блестящем устройстве.

— Есть ли среди этих звезд особенно яркие? — спросил он.

— Да. Вот эта. Она в Созвездии Доброй Матушки. На конце ее протянутой руки, так сказать. Это одна из самых ярких звезд на небе.

— Идеально, — сказал он. — Самая яркая звезда символизирует величайшее знание. Что ж, пока ты туда ходил, я принял решение. Я пойду туда и там совершу ритуал. Очевидно, это гораздо дальше в лабиринте, чем я бывал раньше, так что есть риск… — Он помолчал с очень твердым

видом, как будто собираясь с духом. — Однако, если взвесить риск и награду… что ж, награда потенциально огромна. Сведения, которые ты мне принес, бесценны. Сейчас твоя задача — ходить туда и выяснять, какие созвездия видны в разное время года.

Теперь пришел мой черед рассказать о моем Откровении касательно Великого Тайного Знания.

— Насчет этого, — начал я, — должен кое-что сказать. Должен поделиться тем, что мне было явлено и будет иметь серьезные последствия для наших дальнейших исследований. Надо прекратить поиски Знания! Когда мы начинали, то думали, это достойная цель, на которую стоит бросить все силы, — но мы ошиблись! Надо немедленно от нее отказаться и составить новую программу научных изысканий!

Другой меня не слушал; он делал пометки в блестящем устройстве.

— Мм? Что? — спросил он.

— Я говорю о наших поисках Знания. Дом открыл мне, что от них надо отказаться.

Другой перестал тюкать пальцем по устройству. Мгновение он переваривал мои слова. Затем положил устройство на Пустой Пьедестал, закрыл лицо руками, испустил долгий стон и

потер глаза.

— О боже! Опять то же самое, — проговорил он.

Затем убрал руки от лица, отвернулся и уставился вдаль.

— Помолчи, — сказал он (хотя я не произнес ни слова). — Мне надо подумать.

Наступило долгое молчание. Наконец он вроде бы пришел к какому-то решению.

— Сядь, — сказал он.

Мы сели на Плиты. Я скрестил ноги, а Другой сел на корточки, прислонившись к Пьедесталу.

Лицо его омрачилось, и он избегал смотреть мне в глаза. По этим признакам я понял, что он злится, но старается этого не показывать.

Он кашлянул и заговорил сдержанно:

— О'кей. Есть три причины — три, — почему тебе не следует прекращать поиски знания. Сейчас я их перечислю, и в конце ты увидишь, что я прав. Просто выслушай меня. Ты же можешь меня выслушать.

— Конечно, — сказал я. — Назови мне три причины.

— О'кей. Первая причина такая. Тебе может показаться, будто я руководствуюсь эгоистическими соображениями — пытаюсь добыть знание

для себя. Однако на самом деле это совершенно не так. Поиски, в которых мы с тобой участвуем, — воистину великий проект. Один из самых важных в человеческой истории. Знание, которое мы ищем, — это не что-то новое. Оно древнее. Очень древнее. Некогда люди им владели и с его помощью творили удивительные, чудесные дела. Человечеству следовало держаться этого знания. Следовало его чтить. Но люди избрали другое. Отбросили его ради того, что назвали прогрессом. И наше дело его вернуть. Мы делаем это не для себя. Мы делаем это для человечества. Чтобы вернуть людям утраченное по глупости.

— Ясно, — сказал я. (Это и впрямь представляло дело в несколько ином свете.)

— И лично я, — продолжал Другой, — считаю эти поиски важными, абсолютно необходимыми и буду их продолжать, что бы ни случилось. У меня нет выбора. Если ты от них откажешься… что ж, в таком случае мы перестанем быть коллегами. Наши встречи по вторникам и пятницам — их больше не будет. Потому что какой смысл? Я буду продолжать свои исследования, а ты, — он неопределенно махнул рукой, — заниматься… чем ты там занимаешься. Разумеется, я этого не хочу, скажу со всей прямотой, но иначе никак не

получится. Так что вот тебе вторая причина.

— О! — выговорил я. Мне никогда не приходило в голову, что нашему сотрудничеству может прийти конец. — Однако работа с тобой — одна из величайших радостей в моей жизни!

— Знаю, — ответил Другой. — И разумеется, мои чувства совершенно такие же. — Он помолчал. — Теперь я назову третью причину. Но прежде ты должен выслушать кое-что еще. — Он пристально, испытующе посмотрел мне в лицо. — Это самое главное, что мне предстоит сказать. Пиранези, ты не первый раз говоришь мне, что хочешь отказаться от поисков знания. Я не первый раз объясняю тебе, почему это неправильно. Все, что мы сейчас сказали, — *все это мы говорили раньше*.

— Я… Что? — Я изумленно заморгал. — Что… Нет. Нет. Это не так.

— Боюсь, что именно так. Понимаешь, лабиринт вытворяет с сознанием разные фокусы. Вызывает забывчивость. Если не быть осторожным, он может полностью разрушить личность.

Я был совершенно ошеломлен.

— Сколько раз мы об этом говорили? — выговорил я наконец.

Другой ненадолго задумался.

— Сегодня третий раз. Есть определенная закономерность. Мысль отказаться от поисков знания посещает тебя примерно раз в полтора года. — Он глянул мне в лицо и проговорил сочувственно: — Знаю. Знаю. Такое нелегко принять.

— Но я не понимаю, — возразил я. — У меня превосходная память. Я помню каждый Зал, который когда-либо видел. Их семь тысяч шестьсот семьдесят восемь.

— Ты ничего не забываешь о лабиринте. Вот почему твой вклад в мою работу так ценен. Однако ты забываешь остальное. И разумеется, у тебя выпадают дни.

— Что? — изумился я.

— Дни. Они у тебя вечно выпадают.

— В каком смысле?

— Ну как же. Ты путаешь даты и дни недели.

— Нет, — возмутился я.

— Путаешь. Если честно, меня это слегка бесит. У меня всегда такое плотное расписание. Я прихожу, а тебя нет, потому что ты опять потерял день. Мне снова и снова приходилось с тобой это проговаривать, всякий раз, как твои внутренние часы расходились со временем.

— С каким временем?

— С моим. И всех остальных.

Я был потрясен. Я не мог ему верить и не мог ему не верить. Я не знал, что и думать. Однако, при всей моей растерянности, в одном я был убежден совершенно точно, на одно я мог безусловно положиться: Другой честен, благороден и усерден. Он не станет мне лгать.

— Но почему ты не забываешь? — спросил я.

Другой ответил не сразу.

— Я принимаю меры предосторожности, — сказал он наконец.

— Может, мне тоже следует их принимать?

— Нет. Нет. Ничего не получится. Извини. Я не могу вдаваться в подробности. Это сложно. Когда-нибудь я объясню.

Ответ не совсем меня устроил, но расспрашивать дальше я бы все равно не сумел, так был ошарашен и так напряженно думал, что еще мог позабыть.

— Для меня это очень тревожно, — сказал я. — А если я забуду нечто очень важное, вроде расписания Приливов? Я могу утонуть.

— Нет, нет, нет, — поспешил успокоить Другой. — Об этом тревожиться не стоит. Ничего подобного ты не забываешь. Я бы не отпустил тебя разгуливать, будь тут хоть малейшая опасность. Мы знакомы уже много лет, и за эти годы

твои знания о лабиринте выросли многократно. И это поразительно. А что до остального, если ты забудешь что-нибудь важное, я всегда могу тебе напомнить. Тем не менее факт остается фактом: ты забываешь, а я помню. Потому-то и существенно, чтобы наши общие цели устанавливал я. Именно я. Не ты. И это третья причина, почему нам следует держаться выбранной темы и продолжать поиски знания. Ясно?

— Да. Да. Во всяком случае… — Я помолчал и закончил: — Мне нужно время подумать.

— Конечно. Конечно, — сказал Другой и ободряюще похлопал меня по плечу. — Продолжим разговор во вторник.

Он встал, наклонился над Пустым Пьедесталом и глянул на лежащее там блестящее устройство.

— В любом случае мне пора идти, — сказал он. — Я пробыл здесь почти пятьдесят пять минут.

И без дальнейших слов он зашагал в сторону Первого Вестибюля.

Мир не подтверждает уверения Другого, что у меня провалы в памяти

Запись от Двадцать третьего дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Мир (насколько я могу судить) не подтверждает уверения Другого, что у меня провалы в памяти.

Покуда он все это излагал — и некоторое время после, — я не знал, что и думать. Несколько раз я был близок к панике. Неужели может быть такое, что я забыл целых два разговора?

Однако в течение дня я не нашел никаких подтверждений словам Другого, будто у меня выпадения памяти. Я занимался своими обычными, повседневными делами. Чинил рыболовные сети, работал над Каталогом Статуй. Ранним вечером я пошел в Восьмой Вестибюль ловить рыбу в Водах Нижней Лестницы. Лучи Закатного Солнца светили в Окна Нижних Залов, сияя на поверхности Волн. На нижней стороне Лестницы и на Лицах Статуй дрожали золотистые отблески. Наступила ночь, Звезды и Луна запели, и я присоединил к ним свой голос.

Мир был Совершенным и Целокупным, и я, его Дитя, не ощущал никакого зазора между собой и Миром, никакой малости, которую должен бы помнить, но не помню, должен бы понимать, но не понимаю. Мой последний разговор с Другим единственный выпадал из этой неразрывной целостности. Так что я вынужденно спрашивал себя: кого подводит память? Меня или его? Может быть, это Другой помнит разговоры, которых на самом деле не было?

Два разных воспоминания. Два светлых ума помнят события прошлого по-разному. Неловкая ситуация. Нет третьего, который сказал бы, кто из нас прав. (Эх, был бы здесь Шестнадцатый!)

Что до утверждения Другого, будто я путаю даты и теряю дни, я совершенно не понимаю, как такое может быть. Я придумал календарь, которым пользуюсь, и как этот календарь может, по выражению Другого, «разойтись со временем»? Ему не с чем расходиться.

Может быть, именно поэтому Другой задал мне странный вопрос три с половиной недели назад? Вопрос со странным словом. Пролистав Дневник назад, я вижу, что странное слово было «Шарф-бери».

И тут я понял, что надо сделать! Всего лишь прочитать Дневники и посмотреть, есть ли там записи о чем-нибудь, чего я не помню. Да! Это устранит всякие сомнения. Собственно, препятствие только одно — времени требовалось очень много, поскольку пишу я пространно, — а сейчас все мое время занято другими проектами.

Я решил прочесть Дневники когда-нибудь в предстоящие месяцы, а до тех пор действовать, исходя из гипотезы, что память подводит Другого, а не меня.

Я пишу письмо

Запись от Двадцать четвертого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Ниже приведена копия письма, которое я написал мелом на Полу Второго юго-западного Зала.

ДОРОГОЙ ДРУГОЙ!

ХОТЬ Я И НЕ МОГУ БОЛЬШЕ СЧИТАТЬ ПОИСКИ ВЕЛИКОГО ТАЙНОГО ЗНАНИЯ ДОСТОЙНОЙ НАУЧНОЙ ЗАДАЧЕЙ, Я РЕШИЛ, ЧТО МОЙ ДОЛГ

И ДАЛЬШЕ ТЕБЕ ПОМОГАТЬ, СОБИРАЯ ДАННЫЕ, КОТОРЫЕ ТЫ ПРОСИШЬ. НЕХОРОШО, ЧТОБЫ ТВОЯ НАУЧНАЯ РАБОТА СТРАДАЛА ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО Я ПОТЕРЯЛ ДОВЕРИЕ К ГИПОТЕЗЕ. НАДЕЮСЬ, ДЛЯ ТЕБЯ ЭТО ПРИЕМЛЕМО.

ТВОЙ ДРУГ

Другой предостерегает меня насчет 16

Запись от Двадцать шестого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром я пошел во Второй юго-западный Зал на встречу с Другим. Признаться, я немного тревожился. Иногда из-за беспокойства я слишком много говорю, поэтому сразу начал длинную речь, совершенно ненужную, поскольку говорил то же, что было в письме, только длиннее.

Впрочем, на ее середине я понял, что Другой меня не слушает. Он стоял, задумчиво опустив голову, и рассеянно звенел мелкими металлическими предметами в кармане пиджака. Сегодня на нем был серовато-черный костюм и белая рубашка.

— Ты ведь никого не видел в лабиринте, да? — внезапно спросил он.

— Кого-то еще? — уточнил я.

— Да.

— Кого-то нового?

— Да, — сказал он.

— Нет, — ответил я.

Другой пристально вгляделся мне в лицо, словно по какой-то причине сомневался в правдивости моих слов. Затем успокоился и сказал:

— Нет. Нет. Конечно нет. Здесь есть только мы.

— Да, — согласился я. — Есть только мы.

Короткое молчание.

— Если только в других частях Дома нет других

людей, — добавил я. — В Очень Далеких Местах, где ни я, ни ты не бывали. Я часто об этом думаю. Эту гипотезу невозможно ни доказать, ни опровергнуть — если только я не наткнусь на следы человеческой деятельности, которую нельзя приписать нашим собственным Мертвым.

— Мммммм, — произнес Другой. Он снова глубоко задумался.

Опять молчание.

Мне пришло в голову, что я, возможно, уже натыкался на такие следы. Обрывки исписанной бумаги в Восемьдесят восьмом западном Зале! Они могут принадлежать кому-то из наших Мертвых, а могут — кому-то еще неизвестному. Я уже собирался рассказать о них Другому, когда он заговорил снова:

— Послушай. Можешь дать мне одно обещание?

— Конечно, — ответил я.

— Если встретишь кого-нибудь в лабиринте — кого-нибудь, кого ты не знаешь, — обещай, что не станешь с ним заговаривать, а, наоборот, спрячешься. Так, чтобы не попасть ему на глаза.

— Но подумай, какие возможности мы при этом упустим! — воскликнул я. — Шестнадцатое лицо почти наверняка обладает знаниями, которых

нет у нас. Возможно, он мог бы рассказать о Дальних областях Мира.

Другой глянул непонимающе:

— Что? О чем ты? Какое шестнадцатое лицо?

Я объяснил про Тринадцать Мертвых, Двух Живых и то, что, если появится кто-нибудь новый, он станет Шестнадцатым лицом. (Я объяснял это все уже много раз. Другой никак не может удержать в голове такие важные сведения.)

— Согласен, что «Шестнадцатое лицо» — довольно громоздкое определение, — сказал я. — Если предпочитаешь, можем для краткости называть его «номер шестнадцать». Ведь номер шестнадцать знает о Мире то, чего не знаем мы, а следовательно…

— Нет-нет-нет-нет, — перебил Другой. — Ты не понимаешь. От этого человека надо держаться как можно дальше. — Он помолчал и добавил: — Дело в том, Пиранези, что я встречал того, кого ты называешь «номер шестнадцать».

— Что? Нет! — воскликнул я. — Так в Мире и впрямь есть Шестнадцатое лицо? Почему ты мне раньше не говорил? Это замечательно! Это великая радость!

— Нет. — Он горестно покачал головой. — Нет, Пиранези. Знаю, как много это для тебя значит, и

сожалею, что вынужден открыть тебе глаза. Однако это не повод для радости. Совсем наоборот. Это лицо — номер шестнадцать — желает мне зла. Номер шестнадцать — мой враг. А следовательно, и твой.

Я ойкнул и надолго замолчал.

Известие было ужасающее. Конечно, я понимал концепцию вражды: есть много Статуй, в которых Фигуры сражаются между собой. Однако я никогда не сталкивался с ней лично. Мне вспомнились слова «убью его» на обрывке бумаги в Восемьдесят восьмом западном Зале. У того, кто это написал, был враг.

— А не может такого быть, чтобы ты ошибся? — спросил я. — Вдруг это недоразумение? Когда появится номер шестнадцать, я могу с ним побеседовать и объяснить, что ты Хороший Человек со множеством Замечательных Качеств. Он убедится, что его враждебность к тебе не имеет разумных оснований.

Другой улыбнулся:

— Как похоже на тебя, Пиранези, искать хорошее в любой ситуации. К сожалению, в данном случае это невозможно. Потому-то я и не рассказывал тебе про номер шестнадцать. Ты думаешь, номер шестнадцать можно убедить разумными

доводами. Но увы, это не так. Номер шестнадцать ненавидит все, что ценно и желанно для нас. Включая разум. Номер шестнадцать хочет уничтожить в том числе разум.

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Да.

Мы снова замолчали. О чем еще было говорить? Меня ошеломила гнусность номера шестнадцать. Ненавидеть Разум! Стремиться к его уничтожению!

Через некоторое время Другой продолжил:

— Но я, скорее всего, напрасно пугаю нас обоих. На самом деле очень маловероятно, что номер шестнадцать сюда придет.

— Почему это очень маловероятно? — спросил я.

— Номер шестнадцать не знает пути сюда. — Другой ободряюще улыбнулся. — Постарайся не тревожиться.

— Постараюсь, — ответил я. Тут меня изумила новая мысль. — Когда ты видел номер шестнадцать?

— Ммм? Ах да, позавчера.

— Ты бывал в Далеких Местах, где живет номер шестнадцать? Ты никогда мне прежде не говорил! Расскажи о них!

— О чем ты?

— Ты сказал, что видел номер шестнадцать. Но ты сказал, что номер шестнадцать не знает пути сюда. Значит, ваша встреча произошла в его собственных Залах или, по крайней мере, в какой-то Далекой Области. Мне это удивительно, поскольку я убежден, что за все время нашего знакомства ты не совершал дальних путешествий.

Я улыбнулся Другому, ожидая ответа в полной уверенности, что услышу нечто интересное.

Однако Другой лишь смотрел на меня озадаченно. Озадаченно и слегка испуганно.

Долгое молчание.

— Вообще-то… — начал Другой, затем вроде бы передумал говорить то, что поначалу собирался. — Вообще-то, не важно, где мы с ним встретились. И мне сейчас некогда об этом говорить. Мне нужно… я хочу сказать, что не могу сегодня задерживаться. Просто хотел тебя предупредить. В смысле, насчет номера шестнадцать.

Он быстро кивнул, забрал свои блестящие устройства и зашагал в сторону Первого Вестибюля.

— До свиданья! — крикнул я его удаляющейся спине. — До свидания!

Я обновляю сведения о 16

Запись от Двадцать седьмого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Меня чрезвычайно заинтересовало, что Другой встречался с 16, и я очень жалел, что он решительно не пожелал об этом говорить. Мне бы хотелось знать больше про место и обстоятель-

ства. Однако, думаю, Другой не хотел вспоминать о встрече с гадким человеком.

Запись, которую я сделал в Дневнике шесть недель назад (см. «Список всех когда-либо живших людей и то, что о них известно»), теперь устарела, так что сегодня я добавил туда примечание, направляющее читателя на эту страницу.

Шестнадцатое лицо

Шестнадцатое лицо обитает в Дальних Областях Дома, возможно — на севере или на юге. Я никогда его не встречал, но Другой сообщает, что это очень нехороший человек, враг Разума, Науки и Счастья. Другой полагает, что 16 может прийти сюда, дабы нарушить наше Мирное Существование, и предупредил, что, если я когда-нибудь увижу 16 в этих Залах, мне надо спрятаться.

Первый Вестибюль

Запись от Первого дня Седьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня я решил посетить Первый Вестибюль. Как ни странно, там я почти не бываю. Говорю «странно», потому что несколько лет назад, создавая мою Систему нумерации Залов, я взял Первый Вестибюль за точку отсчета, то, с чем соотносится все остальное. Зная себя, я не думаю, что выбрал бы его, если бы не ощущал с ним некую сильную связь; и все же я не помню, в чем эта связь состоит. (Неужели Другой прав? Неужели я впрямь что-то забываю? Мысль неприятная, и я ее гоню.)

Первый Вестибюль очень величественный, больше и сумрачнее остальных. Здесь царят восемь мраморных Минотавров, каждый метров

по девять высотой. Они нависают над Плитами, омрачая своими громадами Вестибюль; Мощные Рога пронзают Воздух, Звериные Морды угрюмы и непроницаемы.

Температура в Первом Вестибюле не такая, как в соседних Залах. Она на несколько градусов ниже, и здесь всегда неведомо откуда тянет сквозняком. Он приносит с собой запахи дождя, металла и бензина. Я замечал это много раз, но потом отчего-то всегда забывал. Сегодня я сосредоточился на запахе. Он не то чтобы приятный и не то чтобы неприятный, но исключительно любопытный. Я шел вдоль южной Стены в ту сторону, откуда дуло, пока не оказался перед двумя Минотаврами в юго-восточном углу. Здесь я кое-что заметил. Тени между Статуями рождали своего рода оптическую иллюзию. Мне почти казалось, что они тянутся дальше: как будто я смотрю в длинный коридор и различаю в его конце туманный свет. В светлом пятне двигались и мерцали огоньки поярче. Именно оттуда веяло холодом и запахами. До меня доносились слабые звуки — гул и вибрация, словно рокот Волн, только не такие мерные.

Внезапно я услышал шаги, а затем голос, громкий и возмущенный:

— …я это делать не нанимался, ну и говорю ему: «Ты чё, походу, совсем оборзел?»

Другой голос, более мрачный, ответил:

— Вообще стыд потеряли. Не понимаю, чего они себе думают…

Шаги затихли.

Я отпрыгнул как ужаленный.

Что это было? Я осторожно вернулся к Статуям и заглянул между ними. Тени выглядели самыми обычными. Я догадывался, как они могли создать иллюзию коридора, но больше ничего там не было. Мои ноги обдувало холодным ветром, и я по-прежнему чуял запах дождя, металла и бензина, однако свет и звуки исчезли.

Покуда я стоял и все это обдумывал, ветер пронес мимо меня четыре старых пакетика из-под чипсов, один за другим. Я возмущенно вскрикнул: мне казалось, что с этим безобразием давно покончено. Когда-то я постоянно натыкался в Первом Вестибюле на пакетики из-под чипсов. Однажды мне попалась старая упаковка от рыбных палочек и сосисочная обертка. Я собирал их и жег, чтобы они не уродовали Красоту Дома. (Не знаю, кто ел чипсы, рыбные палочки и сосиски, но этот человек мог бы не мусорить!) Еще я нашел под мраморной Лестницей спальный мешок. Он

был грязный и вонючий, но я хорошенько его отстирал, и он служит мне верой и правдой.

Я побежал за четырьмя пакетиками из-под чипсов и поднял их все. Четвертый оказался вовсе не пакетиком из-под чипсов, а мятым бумажным листком. Я его расправил. На нем было написано следующее:

Я прошу одного: объясни, где находится статуя, о которой ты говорил, — та, где старый лис учит бельчат и других существ[8]*. Я хотел бы сам на нее посмотреть. Задача несложная и вполне в твоих силах. Ответ напиши под моей запиской. Шариковую авторучку я оставил рядом с твоей едой.*

Ешь, пока не остыло, — я про еду, не про авторучку.

Лоренс

P. S. Пожалуйста, не забывай принимать мультивитамины.

Под запиской было свободное место для ответа,

---

[8] Примечания: 8

…статуя, о которой ты говорил, — та, где старый лис учит бельчат и других существ. — Ср. эпизод из «Льва, колдуньи и платяного шкафа», где Королева превратила в статуи компанию, сидевшую за круглым столом: это были «белка с мужем и детишками, два сатира, гном и старый лис… Лис — по-видимому, он был там самый старший — поднялся, держа в лапе бокал, словно намеревался произнести тост» (перев. Г. Островской).

но адресат так ничего и не написал. Я сделал вывод, что он не располагал требуемыми сведениями.

Мне хотелось сохранить листок — свидетельство о еще двух людях, когда-то живших в Мире: во-первых, о человеке по имени Лоренс, и во-вторых, о том, кому он писал и кого снабжал едой и мультивитаминами. Но кто эти люди? Я обдумал и тут же отбросил мысль, что кто-то из-них — 16. Другой говорил, что 16 не знает пути сюда, а Лоренс и его друг определенно были в свое время знакомы с этими Залами. Вполне возможно, что они принадлежат к числу моих Мертвых. Однако есть и другая возможность: они обитают в Далеких Залах. Если Лоренс по-прежнему жив и ждет сведений о Статуе, то забирать листок нехорошо.

Я достал собственную ручку и написал на свободном месте следующее:

Дорогой Лоренс!

Статуя Лиса, который учит двух Бельчат и двух Сатиров, находится в Четвертом западном Зале. Дойди отсюда до западной Двери. В следующем Зале пройди через третью Дверь справа. Ты окажешься в Первом северо-западном Зале. Иди вдоль южной (левой) Стены и снова сверни в третью Дверь, когда до нее доберешься. Через нее

ты попадешь в Коридор. В его конце будет Четвертый западный Зал. Статуя в северо-западном углу. У меня она тоже одна из любимых!

1. Если ты жив, я надеюсь, ты найдешь это послание и приведенные мною сведения будут тебе полезны. Возможно, когда-нибудь мы встретимся. Меня можно найти в любом Зале к северу, западу и югу отсюда. Залы к востоку разрушены.

2. Если ты из числа моих собственных Мертвых (и твой Дух посетил этот Вестибюль и читает сейчас послание), то, надеюсь, ты уже знаешь, что я регулярно посещаю твою Нишу либо Пьедестал, говорю с тобой, оставляю тебе еду и питье в качестве приношения.

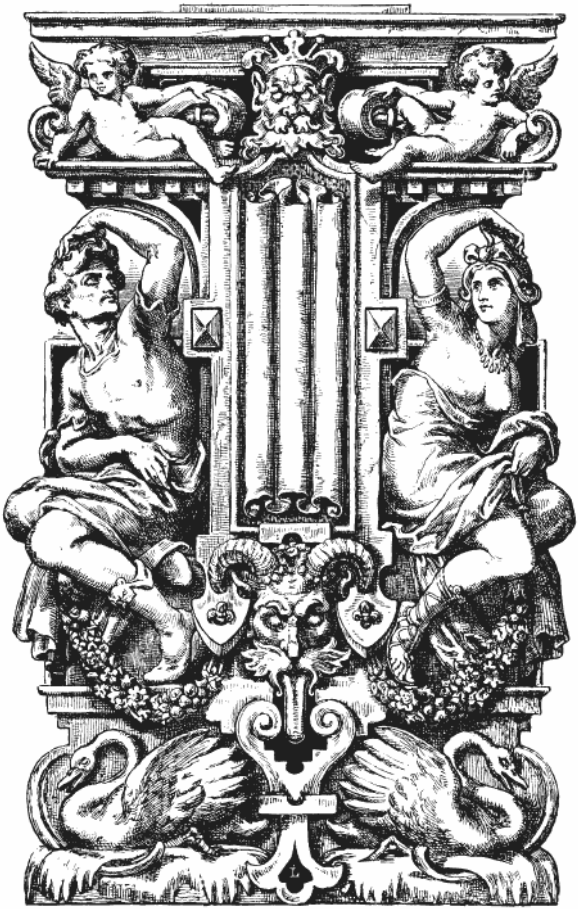
3. Если ты мертвый — но не из числа моих собственных Мертвых, — то знай, пожалуйста, что я далеко путешествую по Миру. Если я когда-нибудь найду твои останки, то оставлю тебе приношение еды и питья. Если мне покажется, что никто из живых о тебе не заботится, то я соберу твои кости и перенесу в мои собственные Залы. Я приведу тебя в достойный вид и уложу рядом с моими Мертвыми. Тогда ты будешь не одинок.

Да хранит нас обоих Дом и его Красота!

Твой Друг

Я положил записку к Ногам Минотавра — того, что ближе всего к юго-восточному углу, — и придавил камушком.

Часть третья
Пророк



Пророк

Запись от Двадцатого дня Седьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

В Окна Первого северо-восточного Зала били столпы Света. В одном из них спиной ко мне кто-то стоял. Совершенно неподвижно. И смотрел на Стену Статуй.

Это был не Другой. Кто-то ниже ростом, более худой.

16!

Я наткнулся на него внезапно. Вошел через одну из западных Дверей — а он тут.

Он обернулся ко мне. Но не двинулся с места. И ничего не сказал.

Я не убежал. Наоборот, пошел к нему. (Возможно, я поступил неправильно, но прятаться было поздно, поздно выполнять обещание, которое я дал Другому.)

Я медленно обошел его и внимательно разглядел. Он был старый: кожа пергаментная, тонкая, вены на руках толстые и бугристые. Глаза темные, влажные, с тяжелыми веками, брови дугой. Рот — красный, подвижный и странно мокрый. Наверное, старик так исхудал уже давно, потому что костюм в виндзорскую клетку[9], хоть и сильно заношенный, сидел на нем идеально — то есть обвис и морщился потому, что ткань обветшала, а не из-за плохого кроя.

Странным образом увиденное меня разочаровало. Я думал, 16 будет молодым, как и я.

---

[9] Примечания: 9

...костюм в виндзорскую клетку... — Из клетчатой шерстяной ткани, в которой пересекаются темные и светлые полосы, сгруппированные в более широкие полосы.

— Привет, — сказал я. Мне было интересно, какой у него голос.

— Добрый вечер, — ответил старик. — Если здесь уже вечер. Я вечно не знаю.

Говорил он надменно, с тягучим старомодным выговором.

— Ты — номер шестнадцать, — сказал я. — Ты Шестнадцатое Лицо.

— Не понимаю, молодой человек.

— В Мире есть лишь двое Живых, тринадцать Мертвых, а теперь еще ты, — сказал я.

— Тринадцать мертвых! Как интересно! Никто мне еще не говорил, что тут есть человеческие останки. Интересно, кто это?

Я описал Человека с Коробкой из-под Печенья, Человека с Рыбьей Кожей, Завалившегося Человека, Обитателей Ниши и Скорченное Дитя.

— Поразительно, — проговорил он. — А я ведь помню коробку из-под печенья. Она стояла рядом с чашками в углу моего университетского кабинета. Интересно, как она сюда попала? Но вот что я могу сказать. Один из твоих тринадцати мертвых — это почти наверняка смазливый молодой итальянец, которым так увлекался Стэн Овенден. Как его звали? — Старик на мгновение отвел взгляд, затем пожал плечами. — Вылетело

из головы. А другой, полагаю, сам Овенден. Он все время ходил сюда, к итальянцу. Я ему говорил, что это чревато, но он не слушал. Ну, чувство вины и все такое. И я не удивлюсь, если кто-то из них — Сильвия Д'Агостино. Я ничего о ней не слышал с начала девяностых. Что до меня, молодой человек, я понимаю, как ты мог прийти к заключению, будто я — номер шестнадцать. Однако это не так. Здесь, конечно, очень мило… — он огляделся, — но я ненадолго. Просто заглянул. Мне сказали, ты здесь. Нет… — запнулся он. — Не совсем так. Мне сказали, что́ с тобой могло произойти, а я уже сам заключил, что ты здесь. И мне показали твою фотографию, а ты на ней такой милашка, и я решил на тебя посмотреть. И не жалею. Ты ведь, как я понимаю, был очень симпатичный… до того как все приключилось. Эх! Со мной приключилась старость. А с тобой это. И где мы теперь? Но давай вернемся к нашим баранам. Ты упомянул двух живых. Второй, насколько я могу судить, Кеттерли?

— Кеттерли?

— Вэл Кеттерли. Выше тебя. Брюнет, глаза черные. Бородка. Смуглый. У него мать была испанка, знаешь ли.

— Ты про Другого? — спросил я.

— Другого кого?

— Другого. Не-меня.

— Ха! Да! Понимаю, о чем ты. Какое меткое определение! Другой! Что бы ни происходило, он всегда будет «другим». Кто-то всегда первый, а он — на вторых ролях. И он это знает. И терзается. Он ведь был моим учеником, представляешь? Да. Абсолютный шарлатан, разумеется. Сколько бы он ни корчил из себя интеллектуала, у него нет ни одной оригинальной идеи. Все заимствованные. — Старик помолчал и добавил: — Вообще-то, все его идеи — мои. Я был величайшим ученым в своем поколении. А может, и в любом поколении. Я теоретически вывел, что это… — он раскинул руки, словно желая охватить Зал, Дом, Всё… — существует. Так и оказалось. Я теоретически вывел, что сюда можно попасть. Так и оказалось. Я приходил сюда и отправлял сюда других. Хранил все в тайне. И с других брал слово молчать. Меня никогда особо не волновало то, что принято называть моралью, и все же довести цивилизацию до коллапса мне совесть не позволила. Возможно, зря. Не знаю. У меня всегда была эта сентиментальная жилка.

Он зыркнул на меня недобрым старческим глазом:

— В конце концов мы все жестоко поплатились. Я — тем, что оказался в тюрьме. Тебя, вероятно, ужаснули эти слова. Хотел бы я сказать, что произошло недоразумение, однако я и впрямь совершил то, в чем меня обвиняли. Если честно, я совершил гораздо больше, просто об этом никто не знает. Хотя — поверишь? — в тюрьме было совсем неплохо. Я познакомился с интересными людьми. — Он помолчал. — Кеттерли тебе рассказывал, как появился этот мир?

— Нет, сэр.

— А хочешь услышать?

— Да, сэр. Очень.

Ему понравился мой интерес.

— Тогда я тебе расскажу. Так вот, это началось в моей молодости. Я всегда был несравненно талантливее коллег. Первое мое озарение случилось, когда я понял, сколько всего люди потеряли. Раньше они умели превращаться в орлов и летать на огромные расстояния. Разговаривали с реками и горами, вбирали их мудрость. Ощущали в своем сознании круговращение звезд. Мои современники этого не понимали. Они увлеклись идеей прогресса и считали, будто новое непременно лучше старого. Как будто благо — функция хронологии! Однако мне думалось, что мудрость

древних утрачена не до конца. Ничто не исчезает полностью. Такое просто невозможно. Я представил ее как своего рода энергию, утекающую из мира, и подумал, что она должна скапливаться где-то еще. Тогда-то я и понял, что должны быть иные места, иные миры. И поставил себе задачу их отыскать.

— И вам удалось найти хоть один, сэр?

— Да. Я нашел этот мир. Его я называю Распределительным — он создан идеями, которые вытекают из другого мира. Этот мир не мог бы существовать, если бы прежде не существовал другой. Зависит ли он от первого до сих пор, не знаю. Все это есть в моей книге. Ты ведь ее не читал?

— Нет, сэр.

— Жаль. Книга замечательная. Тебе бы понравилась.

Все время, пока старик говорил, я слушал его очень внимательно и старался понять услышанное. Он сказал, что он не 16, однако я не так наивен, чтобы поверить ему без всяких доказательств. Другой сказал, что 16 — очень плохой человек, а значит, 16 мог бы соврать о себе. Однако чем дальше, тем больше я уверялся, что старик говорит правду. Он не 16. Я рассуждал так: по

словам Другого, 16 — враг Разума и Научных Открытий. К старику такое описание не подходило. Он знал, как появился Мир, и хотел делиться со мной этим знанием.

— Скажи мне, — продолжал он, — Кеттерли по-прежнему думает, будто тут сохраняется мудрость древних?

— Вы имеете в виду Великое Тайное Знание, сэр?

— Именно.

— Да.

— И Кеттерли по-прежнему его ищет?

— Да.

— Смешно. Он никогда его не найдет. Оно не здесь. Его вообще нет.

— У меня уже закрадывалась такая мысль.

— Значит, ты намного умнее его. Идея, что оно сокрыто здесь… боюсь, ее он тоже почерпнул у меня. Пока я не увидел этот мир, я думал, что создавшее его знание по-прежнему здесь — бери и пользуйся. Конечно, попав сюда, я понял всю нелепость такого предположения. Представь текущую под землей воду. Она год за год сочится через одни и те же трещины и размывает камень. Через тысячелетие на этом месте возникает система пещер. Однако воды, изначально ее

создавшей, там уже нет. Она давно утекла. Впиталась в землю. То же и здесь. Но только Кеттерли эгоист. Он интересуется лишь практической пользой и убежден: если что-то существует, то не иначе как для его выгоды.

— Оттого-то здесь и Статуи? — спросил я.

— От чего «оттого»?

— Статуи существуют оттого, что воплощают Идеи и Знание, текущие из другого Мира в этот?

— Хм! Никогда не задумывался, — довольно ответил он. — Очень разумное замечание. Да, да! Думаю, весьма правдоподобно! Возможно, в эту самую минуту в каких-то дальних областях лабиринта возникают статуи вышедших из употребления компьютеров! — Он помолчал. — Я не могу долго тут оставаться. Я слишком хорошо знаю, чем чревато долгое пребывание в этом месте: амнезией, полной утратой рассудка, и так далее, и так далее. Впрочем, должен сказать, ты говоришь на удивление толково. Бедный Джеймс Риттер под конец едва мог связать несколько слов, а он пробыл здесь в два раза меньше тебя. Нет, на самом деле я пришел рассказать тебе вот что.

Он холодной старческой рукой сцапал мою ладонь, а потом вдруг резко дернул меня к себе.

От него пахло бумагой и чернилами, идеальным сочетанием аниса и фиалки, а за всем этим улавливалась какая-то нехорошая, почти фекальная вонь.

— Тебя кое-кто ищет, — сказал он.

— Номер шестнадцать? — спросил я.

— Напомни, кого ты так называешь.

— Шестнадцатое Лицо.

Старик задумчиво склонил голову набок.

— Да-а-а… Да. Почему нет? Скажем так, это действительно номер шестнадцать.

— Но я думал, номер шестнадцать ищет Другого, — возразил я. — Номер шестнадцать враг Другого. Так сказал Другой.

— Другой?.. Ах да, Кеттерли! Нет, нет! Номер шестнадцать ищет не Кеттерли. Теперь понимаешь, что я имел в виду, когда назвал его эгоистом? Он считает, будто все крутится вокруг него. Нет, номер шестнадцать ищет тебя. Выспрашивает, как тебя найти. У меня нет особого желания помогать номеру шестнадцать — да и кому-либо вообще, — но мне будет приятно досадить Кеттерли. Я его ненавижу. Уже четверть века он поливает меня грязью перед всяким, кто согласится слушать. Так что я дам номеру шестнадцать детальные указания, как сюда добраться. Подроб-

нейшие инструкции.

— Сэр, пожалуйста, не надо, — взмолился я. — Другой говорит, что номер шестнадцать — человек зловредный.

— Зловредный? Я бы так не сказал. Не зловреднее большинства. Нет, извини, но я просто обязан объяснить номеру шестнадцать дорогу. Хочу запустить лису в курятник, и лучший способ — отправить сюда номер шестнадцать. Разумеется, есть вероятность — и даже очень большая, — что номер шестнадцать сюда не доберется. Очень немногие могут попасть сюда без провожатых. Собственно, кроме меня, это удалось только Сильвии Д'Агостино. У нее был талант проскальзывать в щелку, если ты меня понимаешь. Кеттерли так толком и не научился, даже после того, как я много раз брал его с собой. Он не может сюда попасть без реквизита — стоек, изображающих дверь, свечей, ритуалов и прочей чепухи. Ты, наверное, сам это все видел, когда он тебя сюда отправлял. А вот Сильвия могла проделать это в любое мгновение. Вот она перед тобой. Вот ее уже нет. Некоторые животные обладают такой способностью. Кошки. Птицы. А в начале девяностых у меня была обезьяна-капуцин, которая могла сюда проникнуть, когда захочет. Я объясню путь, а дальше все

будет зависеть от таланта номера шестнадцать. Главное, помни, что Кеттерли номера шестнадцать боится. Чем ближе номер шестнадцать, тем опаснее будет Кеттерли. Вообще-то, вполне допускаю, что он прибегнет к насильственным действиям. Тебе стоит подстраховаться — убить его или что-нибудь в таком роде.

Старик улыбнулся.

— Ладно, я пошел, — сказал он. — Мы больше не встретимся.

— Да будут безопасны ваши Пути, сэр, — сказал я. — Пусть Плиты у вас под ногами будут целыми, и пусть Дом наполнит своей Красотой ваши глаза.

Мгновение он молчал и задумчиво меня разглядывал, как будто ему пришла в голову новая мысль.

— Знаешь, — сказал он наконец, — я не жалею, что отказался тебя принять, когда ты просил о встрече. Твое письмо… Мне показалось, что писал наглый сопляк. Наверное, ты таким и был. А теперь… Прелестно. Просто прелестно.

Он нагнулся за плащом, грудой лежавшим на Плитах, и неспешной походкой двинулся к Проему во Второй восточный Зал.

Я обдумываю слова Пророка

Запись от Двадцать первого дня Седьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Естественно, неожиданная встреча чрезвычайно меня взволновала. Я тут же вытащил Дневник и все в него занес. Я озаглавил запись «Пророк», поскольку он наверняка Пророк. Он объяснил Сотворение Мира и рассказал мне еще много

такого, что может знать только Пророк.

Я тщательно изучил его слова. Многое в них для меня непонятно, однако, полагаю, для пророков это обычное дело: их разум не чета обычному, а мысли движутся странными путями.

Я ненадолго. Просто заглянул.

Отсюда я вывел, что он живет в Далеких Залах и намерен сразу туда вернуться.

Я понимаю, как ты мог прийти к заключению, будто я — номер шестнадцать. Однако это не так.

Я уже решил, что утверждение правдиво. Возможно (теоретизировал я), Пророк считает, что пятнадцать обитателей моих Залов следует считать одной Общностью, а в Далеких Залах живет другая Общность со своей отдельной нумерацией. Возможно, в собственном Народе он Третье лицо или Десятое. Возможно даже, у него какой-нибудь головокружительно большой номер, например Семьдесят пятый!

Однако я увлекся фантазиями.

Я приходил сюда и отправлял сюда других.

Может ли так быть, что Пророк отправил в эти Залы кого-то из моих собственных Мертвых? Человека с Рыбьей Кожей или Скорченное Дитя? Разумеется, я лишь строил беспочвенные догад-

ки. Как и многие другие утверждения Пророка, это пока оставалось загадочным.

В конце концов мы все жестоко поплатились. Я — тем, что оказался в тюрьме.

Тут я совсем ничего не понял.

…смазливый молодой итальянец… Стэн Овенден… Сильвия Д'Агостино… бедный Джеймс Риттер…

Пророк упомянул четыре имени. Или, точнее, три имени и одно описание («смазливый молодой итальянец»). Это значительно расширило мои познания о Мире. Даже если бы Пророк ничего больше не сообщил, его слова все равно были бы бесценны. Он указал, что три имени принадлежат мертвым (Стэн Овенден, Сильвия Д'Агостино и «смазливый молодой итальянец»). Статус «бедного Джеймса Риттера» был мне пока не ясен. Следовало ли понять Пророка в том смысле, что «бедного Джеймса Риттера» надо тоже относить к Мертвым? Или он соотечественник Пророка из Дальних Залов? Этого я сказать не мог.

Столько вопросов! Я жалел, что не задал их Пророку, но не корил себя. Он появился так внезапно. Я был совершенно не готов. Лишь сейчас, в одиночестве и спокойствии, я переварил полученные сведения.

Кеттерли по-прежнему думает, будто тут сохраняется мудрость древних?.. Он никогда его [10] *не найдет. Оно не здесь. Его вообще нет.*

Я был счастлив, что моя правота подтвердилась. Быть может, даже немножко чересчур гордился собой, но не мог совладать с этим чувством. Как слова Пророка повлияют на мою дальнейшую работу и сотрудничество с Другим, я пока не решил.

Из разных слов, сказанных Пророком, следовало, что они с Другим были когда-то знакомы. Пророк называл Другого «Кеттерли» и сказал, что тот был его учеником. Однако Другой никогда не упоминал Пророка. Я несколько раз говорил с ним о пятнадцати людях в Мире, и он ни разу меня не поправил: «Пятнадцать — неверное число! Я знаю еще одного!» И это странно (особенно если вспомнить, как он любит возражать мне по любому поводу). Однако Другой никогда не стремился узнать, сколько людей когда-либо жило в Мире. Это область, в которой наши научные интересы расходятся.

Чем ближе номер шестнадцать, тем опаснее будет Кеттерли.

---

[10] Примечания: 10
Великое Тайное Знание

Я никогда не замечал за Другим ни малейшей склонности к насилию.

Тебе стоит подстраховаться — убить его или что-нибудь в таком роде.

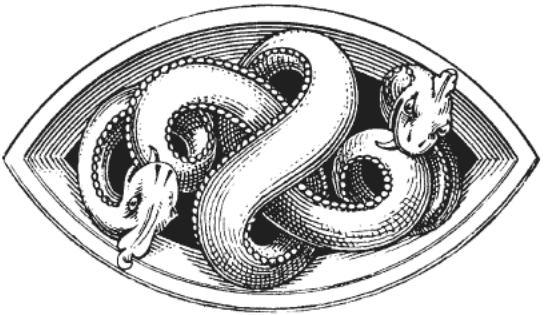
А вот Пророк определенно человек жестокий.

Знаешь, я не жалею, что отказался тебя принять, когда ты просил о встрече. Твое письмо… Мне показалось, что писал наглый сопляк. Наверное, ты таким и был.

Из всего сказанного Пророком эти слова были самыми непонятными. Я никогда не писал ему писем. Да и как я мог ему написать, если только вчера узнал о его существовании? Возможно, ему писал кто-то из Мертвых — Стэн Овенден или бедный Джеймс Риттер, — а Пророк меня с ним спутал. Либо пророки воспринимают время иначе, чем остальные люди. Быть может, я напишу ему письмо в будущем.

Другой излагает обстоятельства, при которых правильно будет меня убить

Запись от Двадцать четвертого дня Седьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Естественно, мне не терпелось рассказать Другому о встрече с Пророком. Надо известить его, что Пророк намерен указать 16 путь в наши Залы. Между пятницей (когда я встретил Пророка) и сегодняшним днем (когда должен встретиться с Другим) я искал Другого повсюду, но нигде его не нашел.

Сегодня утром я вошел во Второй юго-западный Зал. Другой был уже там, и я сразу увидел, что он чем-то сильно взволнован. Лицо его потемнело от гнева, и он, засунув руки в карманы, нервно расхаживал взад-вперед.

— Я должен рассказать тебе нечто важное, — начал я.

Он только отмахнулся.

— Это подождет. Мне надо с тобой поговорить.

Я должен кое-что сообщить тебе про номер двадцать два.

— Про кого?

— Про моего врага, — ответил Другой. — Того, кто сюда идет.

— Ты про номер шестнадцать?

Пауза.

— Ах да. Конечно. Номер шестнадцать. Я не могу упомнить, что ты как называешь. Так вот, я кое-чего тебе не сказал. На самом деле номер шестнадцать интересуется тобой.

— Да! — воскликнул я. — По удивительному совпадению мне это уже известно. Понимаешь…

Однако Другой перебил:

— Если номер шестнадцать придет — а я начинаю подозревать, что такое вполне возможно, — то искать он будет тебя.

— Да, знаю. Но…

Другой затряс головой:

— Пиранези! Слушай меня! Номер шестнадцать попытается с тобой заговорить. Сказать тебе такое, чего ты не поймешь, но, если ты это допустишь, если позволишь номеру шестнадцать к тебе обратиться, последствия будут чудовищные. Если ты выслушаешь то, что хочет сказать тебе номер шестнадцать, тебя ждет страшное. Безу-

мие. Ужас. Я уже видел, как это бывает. Номер шестнадцать может сгубить твой рассудок тем, что просто с тобой заговорит. Сделать так, что ты усомнишься в свидетельстве собственных глаз. Усомнишься во *мне*.

Я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что возможна такая гнусность. Это приводило в трепет.

— Как мне себя защитить? — спросил я.

— Делай, как я сказал. Прячься. Не позволяй номеру шестнадцать тебя увидеть. А главное, не слушай, что говорит номер шестнадцать. Это вопрос жизни и смерти. Пойми, ты особенно уязвим для… для влияния, которым обладает номер шестнадцать, поскольку и без того психически неуравновешен.

— Психически неуравновешен? — спросил я. — О чем ты?

По лицу Другого прошла тень раздражения.

— Я уже тебе говорил. Ты забываешь. Повторяешься. Мы об этом беседовали неделю назад. Только не говори мне, что уже забыл.

— Нет, нет. Не забыл, — ответил я, а про себя подумал, не изложить ли теорию, что память подводит его, а вовсе не меня. Однако я чувствовал, что сейчас не время заводить этот разговор.

— Так вот. — Другой вздохнул. — Это не все. Я кое-что еще должен тебе сказать. Пойми, пожалуйста, что для меня это так же тягостно, как и для тебя. Если я обнаружу, что ты говорил с номером шестнадцать и отравлен безумием, то сам окажусь в опасности. Ты ведь понимаешь? Это будет значить, что ты можешь на меня напасть. И даже почти наверняка нападешь. Номер шестнадцать будет подстрекать тебя к тому, чтобы мне навредить.

— Навредить тебе?

— Да.

— Какой ужас!

— Еще бы. И к тому же остается вопрос твоего человеческого достоинства. Ты обезумеешь, впадешь в жалкое состояние, а это унизительно. Ведь ты же не хочешь таким стать?

— Не хочу, — ответил я.

— Так вот. — Он набрал в грудь воздуха. — Если я увижу, что ты сошел с ума, то почту своим долгом тебя убить. Ради нас обоих.

— Ой! — вырвалось у меня. Такого я не ожидал.

Наступило короткое молчание.

— Но может быть, если мне помочь, я со временем выздоровею?

— Маловероятно, — ответил Другой. — И в лю-

бом случае я не хочу рисковать.

— Ох, — сказал я.

Вновь наступило молчание, на сей раз более долгое.

— Как ты меня убьешь? — спросил я.

— Тебе это знать незачем.

— Да. Наверное.

— Не думай об этом, Пиранези. Делай то, что я сказал. Избегай номера шестнадцать любой ценой, и все обойдется благополучно.

— А ты почему не сошел с ума? — спросил я.

— Что?

— Ты говорил с номером шестнадцать. Почему ты не сошел с ума?

— Я тебе уже говорил. У меня есть способы уберечься. К тому же, — он горестно скривил рот, — даже я не полностью защищен. Бог свидетель, из-за всего этого я и сам чуть не рехнулся.

Мы вновь умолкли. Думаю, мы оба были потрясены. Затем Другой чуть натужно улыбнулся и постарался сделать обычное лицо. Ему пришла в голову некая мысль.

— А откуда ты знаешь? — спросил он.

— Что?

— Ты вроде бы говорил… Я сказал, что номер шестнадцать ищет именно тебя, а ты ответил, что

уже знаешь. Но откуда? Как ты мог это узнать?

Я видел по его лицу, что он силится найти объяснение.

Сейчас было самое время рассказать ему о Пророке. Я уже почти начал говорить, но передумал и сказал другое:

— Мне открыл это Дом. Ты же знаешь про мои Откровения?

— А. Ясно. Вот как, значит. А что ты хотел мне сообщить? Ты сказал, у тебя для меня что-то важное.

Я помолчал и ответил:

— Я видел осьминога в Нижних Залах, куда можно попасть через Восемнадцатый Вестибюль.

— Вот как? Правда? — сказал Другой. — Замечательно.

— Замечательно, — согласился я.

Другой набрал в грудь воздуха:

— Итак! Держись подальше от номера шестнадцать! И не сходи с ума! — Он улыбнулся мне.

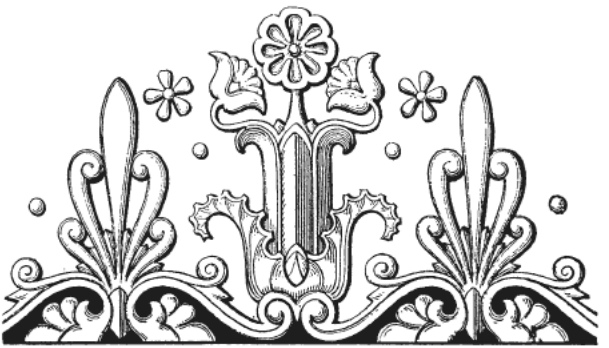
— Я точно буду держаться подальше от номера шестнадцать. И не сойду с ума.

Другой похлопал меня по плечу.

— Отлично, — сказал он.

Мои мысли по поводу слов Другого, что при определенных обстоятельствах он может меня убить

Запись от Двадцать пятого дня Седьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



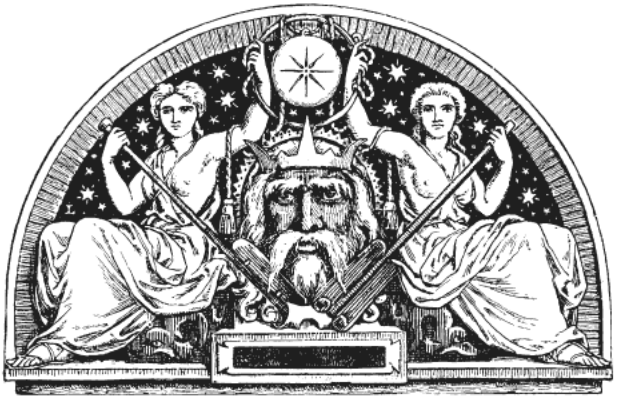
Я чудом избежал опасности! Я едва не рассказал Другому о Пророке! И тогда он (Другой) сказал бы: «Ты зачем разговаривал с Незнакомым Человеком, хотя обещал мне этого не делать? Ты не подумал, что это может быть 16?»

И что бы я ответил? Ведь я правда думал, что это 16, когда с ним заговорил. Я нарушил обещание. Это непростительно. Благодарение Дому, что я ничего Другому не сказал. В лучшем случае он бы решил, что на меня нельзя полагаться. А в худшем — еще больше укрепился бы в намерении меня убить.

И все же я невольно думаю, что, будь все наоборот, угрожай 16 рассудку Другого, а не моему, я бы не обратился к убийству как к первому средству. Если честно, вряд ли я бы захотел его убить — мне отвратительна сама эта мысль. Безусловно, я прежде испробовал бы другие средства, например исцелить его безумие. Однако Другому свойственна определенная негибкость. Не стану называть это изъяном его характера, но черта такая в нем безусловно присутствует.

Я изменяю внешность к появлению 16

Запись от Первого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Сейчас я тренируюсь прятаться от 16.

Представь (говорю я себе), *что ты увидел кого-то — 16! — в Двадцать третьем юго-восточном Зале. Прячься!*

Затем я быстро и бесшумно бегу к Стене и прыгаю в просвет между двумя Статуями. Я вжимаюсь в него и замираю. Вчера, когда я прятался, в Зал влетел сарыч, ища себе добычу — маленьких птичек. Он облетел Зал и сел на Статую Мужчины и Мальчика, составляющих Звездную Карту. Там он просидел с полчаса, но меня не заметил.

Одежда у меня такая, что помогает прятаться. Когда я был моложе, рубашки и брюки у меня

были разных цветов: голубые, черные, белые, серые, хаки. Одна рубашка была очень красивого вишневого цвета. Но они все вылиняли и стали одинаково неразличимо серыми, так что полностью сливаются с серовато-белым мрамором Статуй.

Волосы — другое дело. За годы они отросли длинными, и я вплел в них разные красивые вещицы, которые нашел или сделал сам: раковины, коралловые бусины, жемчужины, камушки и причудливые рыбьи кости. Многие из этих украшений яркие, блестящие, заметных цветов. Когда я иду или бегу, они позвякивают. Так что на прошлой неделе я целый вечер вытаскивал их из волос, что было нелегко и по временам больно. Я сложил свои украшения в красивую коробку с осьминогом, где прежде лежали мои ботинки. Когда 16 вернется в свои Залы, я снова надену украшения — без них я чувствую себя голым.

Предметный Указатель

Запись от Восьмого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Обыкновенно я дополняю Указатель к Дневникам примерно раз в две недели. Это лучше, чем дополнять его сразу. По прошествии времени легче отличить существенное от мимолетного.

Сегодня утром я взял Дневник, Указатель и сел, скрестив ноги, на Плитах Второго северного Зала. Очень много всего произошло с тех пор, как я последний раз этим занимался. Я добавил рубрику:

Пророк, появление: д. 10, с. 148–152

Потом я добавил рубрику:

Пророчества о явлении 16: д. 10, с. 151–152

Затем я прочел, что Пророк сообщил о личности Мертвых, и добавил рубрику:

Мертвые, некоторые предположительные имена: д. 10, с. 149, 152

Я начал вносить отдельные имена. Под буквой «И» я написал:

Итальянец, молодой, смазливый: д. 10, с. 149

Я наполовину вписал имя Стэна Овендена (на букву О), когда внезапно заметил рубрику выше:

Овенден, Стэнли, ученик Лоренса Арн-Сейлса: д. 21, с. 154. См. также Исчезновение Маурицио Джуссани: д. 21, с. 186–187

Я был ошеломлен. Вот он. Стэнли Овенден. Уже в Указателе. Однако имя, когда Пророк его произнес, не показалось мне знакомым.

Я перечитал рубрику.

И замер. Я понимал, что вижу нечто очень странное. Однако странное было настолько странным, настолько не укладывалось в голове, что я не мог это осмыслить. Я видел странность, но не мог о ней думать.

Д. 21.

Дневник № 21. Почему я так написал? Чего ради? Это полнейшая бессмыслица. Сейчас я пишу в Дневнике № 10 (как уже упоминал). Нет никакого

Дневника № 21. Возможно, и не будет. Что это может означать?

Я проглядел остальную страницу. Почти все рубрики относились к Обитателю Дома Другому. Их было очень много, что неудивительно, поскольку он единственный человек, кроме меня — а также, разумеется, Пророка и 16, но о них мне почти ничего не известно. Посмотрел я и более старые рубрики. Они были такие же странные, как та, что относилась к Стэнли Овендену. Пытаясь в них вчитаться, я ощутил то же нежелание воспринимать увиденное глазами; однако я принудил себя думать о том, что вижу перед собой.

Оркни[11], *планы на лето 2002: д. 3, с. 11–15, 20–28*

Оркни, археологические раскопки: д. 3, с. 30–39, 47–51

[11] Примечания: 11

Оркни (Оркнейские острова) — архипелаг на северо-восток от Шотландии.

Оркни, Несс Бродгара[12]: д. 3, с. 40–47

Ошибка наблюдения: д. 5, с. 134–135

О'Кифф, Джорджия[13], выставка: д. 11, с. 91–95

Особый путь в психиатрии, см. Р. Д. Лэйнг[14]

Особый путь в философии: д. 17, с. 19–32; см. также Дж. У. Данн[15] (сериализм), Оуэн Барфилд[16], Рудольф Штайнер[17]

Особый путь мысли, отношение к нему в различных системах знаний и верований: д. 18, с. 42–47

Обобществление авторского творчества, см. фанфикшен

Особый путь в искусстве и его отражение в «Постороннем» Колина Уилсона:[18] д. 20, с. 46–51

Особый путь в математике:[19] д. 21, с. 40–44; см. также Сриниваса Рамануджан[20]

---

[12] Примечания: 12

Несс Бродгара — участок площадью в два с половиной гектара на острове Мейнленд Оркнейского архипелага; на древнескандинавском языке «ness» означает «коса», «полуостров», а «brodgar» — «ферма на мосту» (в действительности, вероятно, «на перешейке» или «у моста»). В ходе археологических раскопок, начавшихся в 2003 г. (то есть уже после даты, указанной в дневнике Пиранези), там были найдены остатки неолитических сооружений, относящихся примерно к 3300–2800 гг. до н. э., в том числе так называемый собор площадью 25 на 20 метров со стенами четырехметровой толщины. Около 2400–2200 гг. до н. э. здание было по неизвестным причинам оставлено, при этом в жертву принесли несколько сотен голов крупного рогатого скота. Недалеко от Несса находится Кольцо Бродгара — круг камней диаметром 104 метра, возведенный между 2500 и 2000 г. до н. э. В 1999 г. весь неолитический комплекс Мейнленда был включен в список Мирового наследия ЮНЕСКО.

[13] Примечания: 13

Джорджия О'Кифф (1887–1986) — американская художница-модернистка. В контексте романа важно, что одной из тем ее творчества была архитектура — нью-йоркские небоскребы (серия работ 1925–1929).

[14] Примечания: 14

Р. Д. (Рональд Дэвид) Лэйнг (1927–1989) — шотландский психиатр, которого часто называли «антипсихиатром», поскольку он отрицал четкую границу между психическим здоровьем и психическими заболеваниями: паранойя для него была реакцией на репрессивную социальную систему, шизофрения — экзистенциальным бунтом во имя личной свободы. Чтобы прочувствовать мир, в котором находятся его пациенты, исследовал свое сознание с помощью ЛСД; обращался к эклектичному набору философий и практик, вплоть до йоги и буддизма. Не раз обвинялся в хранении наркотиков, был лишен медицинской лицензии в связи со злоупотреблением алкоголем.

[15] Примечания: 15

Дж. У. (Джон Уильям) Данн (1875–1949) — английский авиационный инженер и мыслитель ирландского происхождения. Его книга «Эксперимент со временем» (1927) и последовавшие за ней трактаты предложили серийную концепцию времени («сериализм»). Мы движемся из прошлого в будущее только во времени первого уровня, которое мы переживаем в состоянии бодрствования (t1). Однако за движением в этом времени наблюдает сознание, которое пребывает во времени следующего уровня (t2) и воспринимает прошлое, настоящее и будущее одномоментно. Во времени t2 мы находимся, например, во сне, что и объясняет вещие грезы или видения далекого прошлого. Но и сознание, находящееся в t2, должно быть воспринимаемо из более «высокого» времени и т. д. Эта «серия» времен в принципе бесконечна, что и делает физическую смерть в t1 несущественной: на самом деле мы бессмертны. Теория Данна оказала влияние — порой весьма существенное — на таких авторов, как Хорхе Луис Борхес, К. С. Льюис,

Владимир Набоков, Дж. Б. Пристли, Дж. Р. Р. Толкин, Т. С. Элиот и др.

[16] Примечания: 16

Оуэн Барфилд (1898–1997) — английский философ и писатель, принадлежавший, наряду с Толкином и Льюисом, к кружку «инклингов». В книге «Поэтический слог. Исследование смысла» (1928) Барфилд излагал теорию «мифологического периода» человеческого сознания и культуры, когда слова соединяли множество значений, связь между которыми была не метафорической, а буквальной: миф утверждал тожество там, где на позднейших стадиях культуры мы видим разрозненные явления. Особым образом подобранные слова пробуждают эстетическое воображение, а оно, в свою очередь, изменяет восприятие мира в целом. Идеи Барфилда, восходящие к лингвистике XIX в., произвели серьезное впечатление на многих его современников, в частности на Толкина. Бóльшую часть жизни Барфилд был приверженцем антропософии (см. ниже).

[17] Примечания: 17

Рудольф Штайнер (1861–1925) — австрийский оккультист, основатель Антропософского общества (1912). Целью антропософии является «приведение духовного в человеке к духовному во Вселенной». Штайнер соединял европейскую философию (прежде всего — натурфилософию Гёте) с восточной (учение о реинкарнации). Эволюцию он признавал, но, так сказать, обратную: духовный архетип человека низошел в материальную форму, и эволюция животного мира была вызвана этим постепенным воплощением, а не являлась его причиной.

[18] Примечания: 18

Особый путь в искусстве и его отражение в «Постороннем» Колина Уилсона… — Колин Уилсон (1931–2013) — английский писатель, «феноменологический экзистенциалист». В книге «Посторонний» (1956) рассматривал роль аутсайдеров в культуре и, в частности, литературе на таких примерах, как Блейк, Достоевский, Ван Гог, Ницше, Кафка,

Камю и т. д., вплоть до оккультиста Георгия Гурджиева.

[19] Примечания: 19

Особый путь в математике (Outsider mathematics) — малоупотребимый термин, созданный по аналогии с «outsider art» (см. ниже). Означает математические исследования, проводимые вне общепринятой парадигмы.

[20] Примечания: 20

Сриниваса Рамануджан (1887–1920) — индийский математик, не имевший специального образования, но сделавший значительный вклад в теорию чисел. Формулы (вполне научно корректные) он получал в том числе во сне, во время медитации и, по его уверению, с помощью богини Намагири Тхайяр (аспект богини благополучия и удачи Лакшми).

Особый путь в живописи:[21] *д. 21, с. 79–86*

Здесь тоже упоминались несуществующие Дневники! Номера 11, 17, 18 и 20. Дневники 3 и 5, разумеется, существовали, так что с этими рубриками все было в порядке. Только… только… Чем больше я на них смотрел, тем больше подозревал, что они относятся не к моим Дневникам 3 и 5, а к каким-то другим. Рубрики были написаны незнакомой мне ручкой — с более жидкой пастой и более тонким кончиком, чем у моих. Да и почерк, хотя безусловно мой, слегка отличался от нынешнего. Он был круглее, размашистей — почерк более молодого человека.

Я пошел в северо-восточный угол и вскарабкался на Статую Ангела, застрявшего в Розовом Кусте. Достал коричневую кожаную сумку. Вытащил все мои Дневники. Их было девять. Всего девять. Я не обнаружил еще двадцать Дневников, про которые отчего-то начисто позабыл.

Я дотошно осмотрел Дневники, обращая особое внимание на обложки и нумерацию. Дневники у

---

[21] Примечания: 21

Особый путь в живописи. — Здесь имеется в виду «art brut», или «outsider art», то есть примитивизм, а также искусство душевнобольных, детей и прочих «дикарей». Французский термин ввел в 1945 г. французский художник Жан Дюбюффе, а английский, в 1972-м, — художественный критик Роджер Кардинал.

меня черные, я нумерую их белой гелевой ручкой в нижней части корешка. К своему изумлению, я обнаружил, что у первых трех Дневников номера раньше были другие. На их корешках стояло 21, 22 и 23, потом кто-то соскоблил начальную двойку, так что получилось 1, 2, 3. Отскрести ее до конца не удалось (гелевая паста плохо стирается), так что угадывались призрачные очертания цифры.

Некоторое время я сидел, пытаясь это осмыслить, но так ни до чего и не додумался.

Если Дневник № 1 (мой Дневник № 1) был изначально Дневником № 21, то в нем должны быть две записи о Стэнли Овендене. Я взял Дневник и открыл на странице 154. Тут и впрямь была запись, датированная 22 января 2012 г. и озаглавленная: «Биография Стэнли Овендена».

Стэнли Овенден. Родился в 1958 г. в Ноттингеме, Англия. Отец, Эдвард Фрэнсис Овенден, владел кондитерской. Имя и профессия матери неизвестны. Изучал математику в Бирмингемском университете. В 1981 г. поступил в аспирантуру. Тогда же побывал на лекции Арн-Сейлса из знаменитого цикла «Забытое, лиминальное,

трансгрессивное и сверхчувственное»[22]. Вскоре после этого Овенден бросил математику и начал работать над диссертацией по антропологии в Манчестерском университете (научный руководитель — Арн-Сейлс).

Здесь запись заканчивалась, так что я открыл страницу 186. Запись на ней была озаглавлена: «Исчезновение Маурицио Джуссани».

Летом 1987 г. Лоренс Арн-Сейлс снимал деревенский дом под названием «Казале дель Пино» в двадцати километрах от Перуджи. С ним отправились любимые ученики (ближайший круг): Овенден, Баннерман, Хьюз, Кеттерли и Д'Агостино.

Почти сразу внутри группы начались трения. Арн-Сейлс крайне болезненно реагировал на любые замечания или вопросы, в которых видел недостаточную преданность его «великому

---

[22] Примечания: 22

«Забытое, лиминальное, трансгрессивное и сверхчувственное». — Лиминальный (лиминарный) — находящийся в промежутке между чем-либо, например между двумя состояниями в обрядах инициации; термин ввел французский антрополог Арнольд ван Геннеп в монографии «Обряды перехода» (1909), а популяризировал британец Виктор Тернер в книге «Лес символов» (1967). Трансгрессивный — выходящий за пределы возможного, физические, моральные и юридические; понятие разрабатывали Жорж Батай, Мишель Фуко и другие постструктуралисты.

эксперименту». Он тут же обрушивался на собеседника, припоминая все его недостатки и как человека, и как ученого. Соответственно, ученики по большей части дипломатично молчали, однако Стэн Овенден, который всегда отличался некоторой социальной глухотой, по-прежнему высказывал сомнения касательно их общей работы. Когда Тали Хьюз попыталась защитить Овендена от нападок Арн-Сейлса, ей тоже крепко досталось. Атмосфера в «Казале дель Пино»[23] накалилась. Овенден и Хьюз стали все больше времени проводить вне дома. Они сдружились с неким Маурицио Джуссани, изучавшим философию в Перуджийском университете. Эта новая дружба сильно встревожила Арн-Сейлса.

Вечером 26 июля Арн-Сейлс пригласил Джуссани и его невесту, Елену Мариетти, на обед в «Казале дель Пино». За обедом Арн-Сейлс говорил про иной мир (место, где архитектура и океаны соединены нераздельно) и про то, что туда можно попасть. Елена Мариетти думала, что Арн-Сейлс выражается метафорически либо пересказывает какой-то хакслианский психоде-

---

[23] Примечания: 23

«Казале дель Пино». — Название примерно означает «домик в соснах».

лический опыт[24].

Мариетти утром надо было на работу. (Она, как и Джуссани, была аспиранткой, но на лето устроилась помощником адвоката в перуджийскую юридическую фирму своего отца.) Примерно в одиннадцать она со всеми простилась, села в машину, приехала домой и легла спать. Остальные продолжали беседовать. Англичане обещали, что кто-нибудь из них отвезет Джуссани домой.

После этого Маурицио Джуссани исчез. Арн-Сейлс утверждал, что отправился спать вскоре после ухода Мариетти и, что было дальше, не знает. Остальные (Овенден, Баннерман, Хьюз, Кеттерли, Д'Агостино) сказали, что Джуссани в первом часу ночи ушел пешком, отказавшись от предложения отвезти его на машине. (Ночь была лунная и теплая, Джуссани жил примерно в трех километрах от «Казале дель Пино».)

Десять лет спустя, когда Арн-Сейлса осудили за похищение другого молодого человека, итальянская полиция вновь открыла дело об исчезновении Джуссани, однако…

---

[24] Примечания: 24

…хакслианский психоделический опыт. — С 1953 г. английский писатель Олдос Хаксли (1894–1963) принимал участие в экспериментах по воздействию мескалина на сознание, что и описал в книге «Двери восприятия» (1954). Хаксли пережил ощущение бытия как такового, вне времени и пространства.

Я бросил читать и встал. Дыхание участилось. Больше всего мне хотелось отшвырнуть Дневник. Слова на странице (написанные моей рукой!) выглядели словами и в то же время были полнейшей бессмыслицей. Абракадаброй! Что могли означать такие слова, как «Бирмингем» или «Перуджа»? Ничего. Ничто в Мире им не соответствовало.

Другой все-таки оказался прав. Я столько всего забыл! Хуже того: как раз когда он сказал, что убьет меня, если я помешаюсь, выясняется, что я уже помешался! Или, если в своем уме сейчас, определенно был безумен в прошлом. Только безумец мог оставить эти записи!

Я не отшвырнул Дневник — просто уронил на Плиты и ушел. Мне хотелось оказаться как можно дальше от этих свидетельств моего умопомешательства. Бессмысленные слова — «Перуджа», «Бирмингем», «университет» — эхом отдавались в голове. Ее распирало, как будто множество полуоформленных идей сейчас ворвется в мозг, неся с собой новое безумие или новое знание.

Я быстро прошел через несколько Залов, не зная и не думая, куда иду, как вдруг оказался перед Статуей Фавна, той самой, которую люблю больше других. Вот его безмятежное лицо с

чуть уловимой улыбкой, вот мягко прижатый к губам палец. Раньше мне казалось, он хочет меня предостеречь: «Осторожнее!» Однако теперь мне думалось, что он говорит нечто иное: «Ш-ш-ш! Успокойся!» Я взобрался на Пьедестал и бросился на Грудь Фавну, обвил руками его Шею, сплел мои пальцы с его Пальцами. Здесь, в его надежных Объятиях, я заплакал об утраченном Рассудке. Громкие, тяжелые рыдания мучительно рвались у меня из груди.

«Ш-ш-ш! — говорил он мне. — Успокойся!»

Я решаю лучше о себе заботиться

Запись от Девятого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я оторвался от Статуи Фавна и некоторое время в отчаянии бродил по Залам, думая, что я сумасшедший, или был сумасшедшим, или схожу с ума. Все это было в равной мере ужасно.

Через какое-то время я решил, что так не годится.

Я принудил себя вернуться в Третий северный Зал. Там я съел немного рыбы и выпил воды. Затем навестил все мои любимые Статуи: Горилла, Мальчика, бьющего в Кимвалы, Женщину с Ульем, Слона, несущего Башню, Фавна, Двух Королей, играющих в Шахматы. Их Красота утешила меня и отвлекла от собственных переживаний;

благородные выражения их Лиц напомнили мне, сколько есть в Мире хорошего.

Сегодня утром я могу спокойнее размышлять о случившемся.

Наверняка я был болен, когда делал эти записи в Дневнике, иначе не пересыпал бы их такими несуразными словами, как «Бирмингем» или «Перуджа». (Даже сейчас, когда я вывожу их на бумаге, на меня вновь накатывает тревога. В голове теснятся образы — необычные, кошмарные, но в то же время странно знакомые. Например, слово «Бирмингем» тянет за собой грохот, мелькание цветных огней, призрачные силуэты башен и шпилей на фоне свинцового неба. Я пытаюсь удержать эти образы, изучить их внимательнее, но они мгновенно тают.)

И тем не менее я думаю, что поспешил отбросить эти две записи как полную чушь. Некоторые слова, например «университет», вроде бы имеют какой-то смысл. Мне представляется, что если я сосредоточусь, то сумею написать четкое определение «университета». Чем это можно объяснить? Мне понятно, что такое «ученый», поскольку в Доме есть Статуи Ученых с книгами и бумагами в Руках. Быть может, из них я и вывел идею «университета» (места, где собираются

ученые)? Гипотеза не слишком убедительная, однако ничего лучше я пока не придумал.

Кроме того, в записях есть имена людей, чье существование подтверждено другими источниками. Пророк говорил о Стэнли Овендене, так что это определенно реальное лицо. Пророк также пытался, но не сумел вспомнить имя смазливого молодого итальянца. Возможно, это был Маурицио Джуссани. И наконец, в обеих записях упоминается некий «Лоренс Арн-Сейлс», а я нашел в Первом Вестибюле письмо от «Лоренса».

Иначе говоря, вперемежку с бессмыслицей в этих записях присутствуют и подлинные сведения. Поскольку я хочу узнать как можно больше о всех когда-либо живших людях, мне не следует пренебрегать столь важным источником.

Ясно, что я многое забыл и — лучше честно смотреть правде в глаза — в прошлом у меня были периоды тяжелого умопомешательства, чему я только что получил неопровержимые свидетельства. Теперь моя первая и самая важная задача — скрыть эти свидетельства от Другого. (Вряд ли он меня из-за них убьет, однако точно станет относиться ко мне с еще большим подозрением.) Почти так же важно уберечь себя от возвращения болезни. Нельзя так увлекаться научной работой,

чтобы забывать о ловле рыбы и оставаться без еды. (Дом щедро дает пищу тому, где деятелен и трудолюбив. Голодать непростительно!) Нужно усердней чинить одежду и позаботиться, чтобы ноги меньше мерзли. (Вопрос: можно ли связать носки из водорослей? Сомневаюсь.)

Я обдумал, кто мог изменить нумерацию моих Дневников, и пришел к выводу, что наверняка сделал это сам. А значит, двадцать Дневников (двадцать!) исчезли — мысль крайне неприятная. И все же в существовании исчезнувших Дневников есть логика. Мне (как я уже упоминал) примерно тридцать пять лет. Десять Дневников, которыми я владею, охватывают пятилетний промежуток. Где мои Дневники за предшествующую жизнь? И что я делал в те годы?

Вчера я думал, что никогда больше не захочу читать записи в своих Дневниках. Я воображал, как бросаю все десять Дневников и Указатель в бушующий Прилив. Воображал, насколько легче мне от этого станет. Сегодня я понимаю, что есть смысл внимательно изучить мои Дневники — даже безумные записи. Может быть, их особенно. Во-первых, я всегда хотел больше знать о людях в Мире, и Дневники, при всей своей невразумительности, могут содержать подлинные сведения

о них, пусть даже изложенные очень странно. Во-вторых, мне нужно больше узнать о моем безумии, понять, что его вызывает и как уберечься от него в будущем.

Быть может, изучая прошлое на страницах Дневника, я сумею во всем этом разобраться. Пока же важно иметь в виду, что чтение Дневника само по себе выводит меня из душевного равновесия, вызывает мучительные чувства и жуткие мысли. Надо проявлять осторожность и читать маленькими порциями.

И Пророк, и Другой утверждали, что сам Дом вызывает безумие и забывчивость. Оба они — ученые и люди острого ума. Если два непререкаемых авторитета говорят одно, мне следует согласиться с их выводами. Дом — причина того, что я так много всего забыл.

Веришь ли ты Дому? — спросил я себя.

Да, — ответил я себе.

И раз Дом стирает твои воспоминания, значит у него есть на то причины.

Но я их не понимаю.

Не важно. Ты — Возлюбленное Дитя Дома. Утешься этим.

И я утешился.

Сильвия Д’Агостино

Запись от Двадцатого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Мне очень интересно узнать о людях, которых упомянул Пророк, так что я решил начать свои изыскания с Сильвии Д’Агостино и бедного Джеймса Риттера. Однако я не стал сразу искать их в Дневнике. В соответствии с моим планом лучше заботиться о себе, я отложил чтение Днев-

ника на полторы недели. Это время я провел за обычными, успокаивающими занятиями: ловил рыбу, готовил суп, стирал одежду, сочинял музыку для флейты, которую сделал из лебединой кости. Наконец сегодня утром я принес Дневники и Указатель в Пятый северный Зал. Здесь стоит Статуя Гориллы, и я надеюсь, что она придаст мне сил.

Я сел, скрестив ноги, на Плиты напротив Гориллы. Открыл букву «Д» в указателе. И действительно нашел рубрику:

Д'Агостино, Сильвия, ученица Арн-Сейлса: д. 22, с. 6–9

Я открыл страницу 6 Дневника № 22 (моего Дневника № 2).

Биография Сильвии Д'Агостино

Родилась в 1958 г. в Лите, Шотландия. Отец — Эдуардо Д'Агостино, поэт.

На фотографии женщина чуть андрогинной внешности, привлекательная, даже красивая, с темными бровями, темными глазами, выразительным носом и сильным подбородком. У нее были густые темные волосы, которые она обычно стягивала на затылке. Согласно

Ангарад Скотт[25], *Д'Агостино не стремилась соответствовать обычным представлениям о женственности и не особо заботилась, что на ней надето.*

В ранней юности Д'Агостино как-то сказала подруге, что хочет изучать в университете смерть, звезды и математику. Однако Манчестерский университет не предлагал такого курса, поэтому она ограничилась математикой. В университете она столкнулась с Лоренсом Арн-Сейлсом и его лекциями; эта встреча определила всю ее дальнейшую жизнь.

То, что Арн-Сейлс говорил о проблесках иных миров и единении с сознанием древних, отвечало ее космическим чаяниям, устремлению к «смерти и звездам». Защитив диплом по математике, она перевелась на кафедру антропологии и продолжила учебу под руководством Арн-Сейлса.

Д'Агостино стала самой верной его ученицей и последовательницей. Он отвел ей комнату у себя в доме в Уэлли-Рейндж[26], *где Д'Агостино*

---

[25] Примечания: 25

Ангарад Скотт — персонаж, видимо, вымышленный, но так зовут и реальную женщину, британского продюсера документальных телепрограмм.

[26] Примечания: 26

Уэлли-Рейндж — район Манчестера, где викторианские дома соседствуют с малоэтажной застройкой XX в.

исполняла обязанности бесплатной экономки и секретарши. У нее был автомобиль (Арн-Сейлс не умел водить машину), и Д'Агостино возила его по любым делам, в том числе субботними ночами на Кэнал-стрит[27], где он снимал молодых людей на ночь.

В 1984-м она защитила диссертацию, однако не стала искать научную или преподавательскую должность, а перебивалась низкоквалифицированной работой, чтобы по-прежнему целиком посвящать себя Арн-Сейлсу.

Д'Агостино была единственным ребенком в семье и очень любила родителей, особенно отца. В середине 80-х Арн-Сейлс велел ей порвать с родителями. По словам Ангарад Скотт, это была проверка ее верности. Д'Агостино выполнила требование и больше с ними не виделась.

Ангарад Скотт называет Д'Агостино поэтом, художником и кинорежиссером и приводит список журналов, в которых публиковались ее стихи: «Арктур», «Вдребезги» и «Кузнечик». (Мне пока не удалось разыскать ни одного экземпляра этих журналов.) Редактор «Кузнечика», Том Тичуэлл, дружил с Эдуардо Д'Агостино. Он (Тичуэл) поддер-

---

[27] Примечания: 27

Кэнал-стрит — улица в центре Манчестера, часть гей-квартала.

живал контакт с Сильвией и рассказывал о ней родителям.

Сохранились два ее фильма: «Луна-Лес» и «Замок». «Луна-Лес» — необычная атмосферная картина, высоко оцененная критиками и поклонниками за пределами узкого круга лиц, интересующихся Арн-Сейлсом. Двадцатипятиминутная лента снята на вересковых пустошах и в лесу под Манчестером на восьмимиллиметровую цветную пленку, но кажется почти монохромной: черные деревья, белый снег, серое небо и так далее — с редкими всплесками кроваво-красного. В фильме древний иерофант держит в страхе небольшую общину последователей: жестоко обращается с мужчинами и насилует женщин. Одна женщина пытается дать ему отпор. Чтобы наказать ее и продемонстрировать свою власть, иерофант творит заклинание. Женщина идет через ручей и наступает на отражение луны, а выйти из него уже не может — отражение ее держит. Подходит иерофант и бьет ее, беспомощную. Она по-прежнему не в силах двигаться. Оставшись одна, она просит березовый лес ей помочь. Березы хватают иерофанта и колют ветвями. Он не может двинуться и со временем умирает. Женщина освобождается из лунного

отражения. В «Луне-Лесе» очень мало говорят, а то, что говорят, невозможно понять. Иерофант и женщина общаются на собственном языке, не имеющем ничего общего с нашим. Подлинный язык «Луны-Леса» — простые и четкие визуальные образы: луна, темнота, вода, деревья.

Второй сохранившийся фильм Д'Агостино еще более странный. Он не имеет названия, но обычно его именуют «Замок». Он снят на полудюймовую видеокассету, и качество очень плохое. Камера движется по огромным помещениям, надо полагать, в разных замках и дворцах (это не может быть одно здание, оно было бы непомерно велико). Стены уставлены статуями, на полу повсюду лужи воды. Те, кто в такое верит, утверждают, что это съемки одного из иных миров Арн-Сейлса, возможно того, который он описал в своей книге «Лабиринт» (2000). Другие пытались установить места съемок и таким образом доказать, что фильм снят в нашем мире, однако до сих пор ни одна локация убедительно не опознана. Вместе с «Замком» найдены рукописные заметки Д'Агостино, но они написаны тем же загадочным шифром, что и ее последний дневник, и прочитать их не удается.

Судя по всему, Д'Агостино вела дневник всю

жизнь, начиная с ранней юности. Первые тетради (1973–1980) хранятся в доме ее родителей в Лите. Они написаны по-английски. Дневник, который она вела ко времени своего исчезновения (весна 1990), нашли в клинике, где работала Д'Агостино. Это причудливое смешение иероглифов и описаний (возможно, образов, увиденных во сне?) на английском. Ангарад Скотт неоднократно пыталась расшифровать записи, но успеха не добилась.

В начале 1990 г. Д'Агостино работала в регистратуре медицинской клиники в Уэлли-Рейндж. Там она подружилась с одним из врачей, своим ровесником Робертом Олстедом. К этому времени ее восторженное отношение к Арн-Сейлсу заметно остыло. Она сказала Олстеду, что ее жизнь — каторга, но она благодарна Арн-Сейлсу за то, что он открыл ей путь в более прекрасный мир, и там она счастлива. Олстед не знал, как это понимать. После ее исчезновения он сказал полиции, что Д'Агостино не употребляла наркотиков и он в этом совершенно уверен, в противном случае не разрешил бы ей работать в клинике.

Когда Арн-Сейлс узнал о ее дружбе с Олстедом, он устроил ей очередную сцену ревности и потребовал уволиться с работы. На этот раз

Д'Агостино отказалась.

В первую неделю апреля она не пришла на работу. Через два дня Олстед, так и не сумев с ней связаться, позвонил в полицию. Поиски Д'Агостино не дали результата.

Бедный Джеймс Риттер

Вторая запись от Двадцатого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

В Дневнике № 21 две записи о Джеймсе Рит-

тере: на странице 46 и на странице 122. Первая озаглавлена: «Позор Лоренса Арн-Сейлса».

Карьера Арн-Сейлса, и прежде сомнительная, резко оборвалась в апреле 1997 г., когда приходящая уборщица обнаружила лужицу бурой жидкости, вроде бы подтекавшей из-под стены в одной из комнат. Комната эта была спальней и, по словам Арн-Сейлса, не использовалась. Однако женщина видела, что спальня используется, поэтому убирала и там. Она вытерла лужицу. Затем понюхала тряпку. Пахло мочой и калом. Из-под стены вытекло еще немного жидкости. Женщина толкнула стену, и та слегка подалась. Женщина приложила к ней ухо. Потом вызвала полицию. За стеной — фальшстеной — полиция обнаружила каморку, а в ней — молодого человека, очень больного и совершенно не в себе.

Научной карьере Арн-Сейлса пришел конец. Суд (широко освещавшийся в прессе) приговорил его к трем годам заключения. Впрочем, в тюрьме его обвинили, что он подстрекал других заключенных к насильственным действиям и бунтам. В итоге он отсидел четыре с половиной года и вышел на свободу в 2002-м.

Арн-Сейлс отказался что-либо говорить на суде и не объяснил, с какой целью удерживал Джеймса

Риттера.

Запись меня разочаровала: в ней не говорилось, кто такой Джеймс Риттер. Я долистал до второй записи. Она выглядела более многообещающей.

Биография Джеймса Риттера

Родился в 1967 г. в Лондоне. В молодости Риттер был очень хорош собой. Он работал манекенщиком, официантом, барменом, актером, а также занимался проституцией. Он страдал периодическими обострениями душевного заболевания и в промежуток с 1987 по 1994 г. по меньшей мере дважды лежал в психиатрической лечебнице: один раз в Лондоне, один раз в Уэйкфилде[28]. Некоторое время был бездомным.

Когда полиция нашла Риттера за фальшстеной в доме Арн-Сейлса, его доставили в больницу. Там он длительное время проходил лечение от пневмонии, истощения, обезвоживания и биполярного расстройства. Полиция пыталась выяснить, как долго Арн-Сейлс держал его взаперти, однако Риттер не мог дать осмысленного ответа. Так что полицейские обратились к его знакомым — наркоманам, социальным работникам, содер-

---

[28] Примечания: 28
Уэйкфилд — город в Западном Йоркшире.

жателям приютов для бездомных. В итоге им (полицейским) удалось выяснить совсем немногое: Риттера видели в Манчестере в начале 1995 г. Так что возможно — хотя и нельзя утверждать определенно, — что он пробыл в заточении два года.

Когда сам Риттер смог наконец говорить, его рассказы только запутали дело. Он утверждал, что находился в доме Арн-Сейлса лишь недолго, а жил главным образом в другом доме, где были статуи и море заливало помещения. По большей части ему казалось, что он, как и прежде, находится там. Несколько раз в больнице он приходил в сильнейшее волнение и говорил, что должен пойти к минотаврам, потому что у них его обед. Несмотря на лечение противогаллюциногенными препаратами, он держался своей версии о доме со статуями и затопленными подвалами.

Неизвестно, чего Арн-Сейлс добивался, держа Риттера в заточении. Об этом спорят до сих пор. Выдвинуто две гипотезы.

Согласно первой, Арн-Сейлс промывал Риттеру мозги, дабы тот подтвердил, что иные миры не только существуют, но туда действительно можно попасть. Безусловно, описываемый Риттером дом сходен с огромными пустыми

помещениями в «Замке» Сильвии Д'Агостино и тем, что сам Арн-Сейлс утверждает в своей книге, написанной в тюрьме: «Лабиринт». (Конечно, вполне возможно, что Арн-Сейлс просто развил галлюцинации Риттера.) Однако если Арн-Сейлс ставил себе такую цель — сфабриковать доказательства существования иного мира, — то зачем он выбрал в свидетели человека с подтвержденным психическим расстройством?

По второй гипотезе, похищение связано не с теориями Иного Мира, а с извращенными сексуальными вкусами Арн-Сейлса. (Этой гипотезы держалось обвинение на суде в октябре 1997 г.) Но в таком случае откуда у Риттера бред про дом с затопленными подвалами?

Ангарад Скотт пыталась взять у Риттера интервью для биографии Арн-Сейлса, но Риттер обиделся, что никто не верит его рассказам про дом и заключенный в нем океан, поэтому отказался с ней разговаривать. В 2010-м журналист «Гардиан», Лайсендер Уикс, готовя ретроспективный материал о скандале с Арн-Сейлсом, разыскал Риттера. Тот работал уборщиком в манчестерском муниципалитете. Уикс описывает его как спокойного, сдержанного, почти просветленного. Риттер уверял, что не употреб-

ляет наркотиков уже больше десяти лет. Тем не менее он повторил Уиксу то же, что говорил полицейским: якобы в течение полутора лет между 1995 и 1997 г. он жил в большом доме, где в подвале было море, временами поднимавшееся до первого этажа. Риттер сказал, что спал в просвечивающей белой пещере под огромной мраморной лестницей. Он добавил, что работа в манчестерском муниципалитете стала для него спасением; это тоже большое здание со множеством помещений, статуй и лестниц. Сходство с другим домом — тем, куда отвел его Арн-Сейлс, — действует успокаивающе.

Записи о Сильвии Д'Агостино и бедном Джеймсе Риттере: предварительные соображения

Запись от Двадцать первого дня Восьмого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Последняя запись о бедном Джеймсе Риттере меня чрезвычайно заинтересовала. Бессмысленных слов там было не меньше, чем в других, однако то, что говорилось о Минотаврах, явно указывало на Первый Вестибюль. Узнал я и описание просвечивающей белой пещеры под Лестницей. В Первом Вестибюле есть такое пространство, оно и впрямь похоже на пещеру. Именно там я нашел бóльшую часть раздражавшего меня мусора. Очевидно, именно Джеймс Риттер ел в Первом Вестибюле чипсы и рыбные палочки. (Уже ради одного этого открытия стоило читать Дневники!)

Запись о Сильвии Д'Агостино менее содержательна, однако, судя по описанию ее фильма «Замок», она тоже бывала в этих Залах.

Слово «университет» встречается трижды в записи о Сильвии Д'Агостино и трижды в записях о Стэнли Овендене. Две недели назад я предположил, что сумел приписать значение этому бессмысленному по виду слову, поскольку видел в Доме Статуи Ученых. Тогда гипотеза показалась мне неубедительной, и я был склонен ее отбросить, но теперь вижу, что она подтверждается. Многие другие идеи я понимаю, хотя в Мире ничего такого нет. Например, я знаю, что сад — это место, где любуются цветами и деревьями. Однако в Мире не существует садов и нет Статуй, изображающих это конкретное понятие. (Я даже затрудняюсь представить, как выглядела бы Статуя сада.) Однако по всему Дому встречаются Статуи людей, богов и животных в окружении Роз или Плюща либо под Сенью Деревьев. В Девятом Вестибюле есть Статуя копающего Садовника, а в Девятнадцатом юго-восточном Зале — Статуя другого Садовника; он обрезает Розовый Куст. Из этого всего я вывожу идею «сада». Не думаю, что такое происходит случайно. Именно так, мягко и постепенно, Дом вкладывает идеи в человеческий Мозг. Так Дом расширяет мое понимание.

Догадка чрезвычайно меня ободрила. Я уже не так пугаюсь, когда бессмысленное слово в

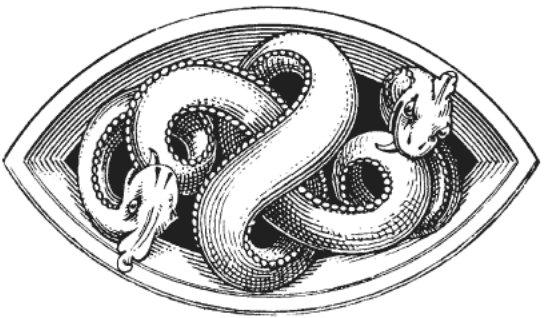
Дневнике вызывает необъяснимый для меня образ. *Не тревожься,* говорю я себе. *Это Дом. Он расширяет твое понимание.*

Во всех дневниковых записях есть имена. Я составил список тех, которые нашел на сегодняшний день. Их пятнадцать. Если считать, что имя Кеттерли принадлежит Другому и еще одно имя принадлежит Пророку, остается тринадцать. Точное число Мертвых в моих Залах. Совпадение? Тщательно это обдумав, я склонен предположить, что, возможно, совпадение. Хотя пятнадцать человек названы по имени, из текста вроде бы следует, что есть и другие: подруга Д'Агостино, которой та сказала, что хочет изучать «смерть, звезды и математику», «полицейские» (они упоминаются по всему тексту), женщина, убиравшая дом Лоренса Арн-Сейлса, и молодые люди, которых он снимал на ночь субботними вечерами. На данном этапе невозможно определить их общее число.

Часть четвертая
16

Я забираю клочки бумаги из Восемьдесят восьмого западного Зала

Запись от Первого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Я не забыл про клочки бумаги, которые нашел в Восемьдесят восьмом западном Зале. Не забыл и про те, что остались там в чаячьих гнездах.

Два дня назад я собрал припасы в дорогу: еду, одеяло, ковшик, чтобы греть воду, и немного тряпья. Я вышел в путь и добрался до Восемьдесят восьмого западного Зала ближе к вечеру. Чайки, видимо, улетели добывать еду, поскольку в Зале

ни одной не было, хотя по свежему помету на Статуях я видел, что птицы по-прежнему тут гнездятся.

Я тут же принялся извлекать обрывки бумаги из гнезд. Одни вынимались легко, с другими пришлось повозиться. В некоторых гнездах водоросли высохли и рассыпáлись, стоит немножко потянуть, в других чаячий помет склеил их в сплошную массу. Я набрал сухих водорослей из заброшенных гнезд, развел костер и согрел воду в ковшике, затем намочил в ней тряпку и начал аккуратно смачивать застрявшую в гнездах бумагу. Работа была кропотливая: если намочить бумагу слишком слабо, засохший помет не размягчался, а если слишком сильно, расползалась сама бумага. Я трудился много часов, но к вечеру второго дня извлек из тридцати пяти гнезд семьдесят девять обрывков. Я заново осмотрел все гнезда и убедился, что бумаги в них не осталось.

Сегодня утром я вернулся в мои собственные Залы.

Я принялся складывать клочки. Через час у меня сложился кусок страницы — возможно, половина листа — и несколько фрагментов других страниц.

Написано было очень неряшливо, с частыми

зачеркиваниями. Я прочел:

…что он со мной сделал. Почему я оказался таким идиотом? Я здесь умру. Никто меня не спасет. Я здесь умру. Тишина [29] *ни звука, только удары волн в помещениях внизу. Есть нечего. Я целиком завишу от него, поскольку он приносит мне еду и питье; это еще сильнее подчеркивает, что я — пленник, раб. Он оставляет еду в помещении со статуями минотавров. Я тешусь долгими фантазиями, как убью его. В одном из разрушенных помещений я нашел острый кусок мрамора размером с черепицу. Я представлял, как убиваю его этим обломком. Ничего другого мне бы так не хотелось…*

Это писал очень несчастный и озлобленный человек. Интересно, кто он? Мне бы хотелось дотянуться до него через эти листки, показать рыбу, которой изобилуют Вестибюли, моллюсков, только и ждущих, чтобы их собрали, объяснить, как Дом заботится о своих Детях. Мне хотелось сказать, что надо проявить лишь немного смекалки — и он никогда не будет голодать. Я гадал, кто его обидел, кто превратил его в раба. Грустно было

---

[29] Примечания: 29
фрагмент отсутствует

думать, что между людьми — быть может, между моими собственными Мертвыми — существовала такая ненависть. Неужели Завалившийся Человек мучил Человека с Коробкой из-под Печенья? Или наоборот?

Я очень аккуратно перевернул обрывки. Здесь почерк был еще хуже.

Я забываю. Я забываю. Вчера я не мог вспомнить сочетание «фонарный столб». Сегодня утром мне показалось, будто одна из статуй ко мне обратилась. Какое-то время (наверное, около получаса) я с ней разговаривал. Я СХОЖУ С УМА. Как ужасно, как жутко быть в этом кошмарном месте и к тому же БЕЗУМЦЕМ. Я НАМЕРЕН ЕГО УБИТЬ до того, как это произойдет. До того, как я забуду, за что его НЕНАВИЖУ.

Я печально вздохнул. Затем взял три конверта из тех, что некогда принес мне Другой. В первый я сложил фрагменты, которые мне удалось соединить. На внешнюю сторону конверта я аккуратно переписал свою расшифровку. Во второй конверт я убрал куски, которые складывались в обрывки предложений. В третий — клочки, которые мне соединить не удалось.

Сомнение

Запись от Второго дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сейчас меня мучает сомнение: спрашивать ли Другого о Стэнли Овендене, Сильвии Д'Агостино, бедном Джеймсе Риттере и Маурицио Джуссани? Пророк называл Другого «Кеттерли». В записи об исчезновении Маурицио Джуссани имя Кеттерли упоминается рядом с именами Д'Агостино, Овен-

дена и самого Джуссани. Отсюда я заключаю, что Другой знал этих людей. Мне хочется узнать о них больше, и несколько раз я чуть не задал этот вопрос. Однако всегда в последний миг останавливался. Допустим, Другой спросит: «Откуда ты знаешь про этих людей? Кто тебе сказал?» Я не буду знать, что ответить. Нельзя говорить ему про мою встречу с Пророком. Нельзя рассказывать про записи в Дневнике.

Он очень подозрителен. Думает только о приходе 16. Два месяца назад он заявил, что хочет отправиться в Сто девяносто второй западный Зал для совершения ритуала, который должен вызвать Великое Тайное Знание, но теперь это все позабыто.

Лимон

Запись от Пятого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром я шел из Третьего северного Зала в Шестнадцатый Вестибюль. Я вступил из Первого северного Зала в Первый Вестибюль, сделал шаг или два и вдруг остановился.

Что-то произошло. Что именно? Что сейчас произошло?

Я отступил обратно в Проем и втянул носом воздух. Вот оно опять! Запах. Аромат лимона, гераниевых листьев, гиацинта и нарцисса.

В этом месте он был особенно силен. Кто-то — кто-то, надушенный дивным ароматом, — некоторое время стоял в Проеме и, возможно, глядел в Длинную Анфиладу Уходящих Залов.

Я вернулся в Первый северный Зал, но не нашел там и следов аромата. Я вернулся в Первый Вестибюль и двинулся вдоль Стены на юг под исполинской Статуей Минотавра. Да, здесь запах тоже ощущался. Я проследил путь неизвестного до точки между Дверью в Первый западный Зал и Дверью в Коридор, ведущий к Первому юго-западному Залу. Дальше запах терялся.

Кто здесь прошел? Не Другой. Я знаю его одеколон: терпкий запах кориандра, розы и сандала. Пророк? Его запах я запомнил. Тоже совсем другой: фиалка с легкой примесью корицы, черной смородины и розы.

Нет, это кто-то новый.

16 пришел. 16 здесь.

Сердце застучало чаще. Я оглядел Вестибюль. Между бархатными тенями Минотавров лежали полосы золотистого Света. 16 не вышел из укрытия и не начал сводить меня с ума. И все же он здесь был. Возможно, меньше часа назад.

Меня удивило, что такой человек, как 16, готовый сеять Безумие и Разрушение, выбрал для себя аромат Счастья и Солнечного Света. Однако я тут же упрекнул себя за глупость. *Считай это предостережением,* сказал я. *Будь начеку. 16 не выставляет свои дурные намерения напоказ.*

Вполне возможно, он будет приятен для глаз, будет вести себя дружески и говорить вкрадчиво. Так он намерен тебя погубить.

Еще кандидаты на убийство

Запись от Седьмого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня я рассказал Другому про аромат в Первом Вестибюле. К моему изумлению, он спокойно

воспринял новость.

— Что ж, я начинаю думать, что лучше покончить с этим раз и навсегда, — сказал он, — чем изводиться и ждать, когда оно произойдет. И к тому же, может, это вовсе и не плохо.

— Но ты вроде говорил, что шестнадцатый номер чрезвычайно для нас опасен, — ответил я. — Что он угрожает твоей жизни и моему рассудку.

— Все так и есть.

— Тогда отчего же хорошо, что он придет?

— Потому что угроза для нас чрезвычайно велика и выход один — полностью устранить номер шестнадцать.

— Как мы это сделаем?

Вместо ответа Другой поднес два пальца к виску, изображая пистолет, и сказал: «Бабах!»

Я был поражен.

— Сомневаюсь, что сумею кого-нибудь убить, даже самого дурного человека, — сказал я. — Даже плохие заслуживают Жизни. А если не заслуживают, пусть Дом отнимет у них Жизнь. Не я.

— Ты, вероятно, прав. Не уверен, что смогу убить кого-нибудь собственными руками. — Другой задумчиво развел пальцы и повернул ладони, разглядывая их с разных сторон. — Хотя

интересно было бы попытаться. Вот что. Я добуду пистолет. Так будет проще, кто бы из нас ни взялся это сделать. И кстати. Есть возможность — очень маленькая, — что сюда заявится кое-кто еще. Если увидишь старика…

— Старика? — испуганно переспросил я.

— …да, старика. Если его увидишь, сразу скажи мне. Он ростом пониже меня. Очень худой. Бледный. Нависшие веки. Красный влажный рот. — Другой невольно поежился и сказал: — Не знаю, зачем я его тебе описываю. Не то чтобы тут ожидались толпы стариков.

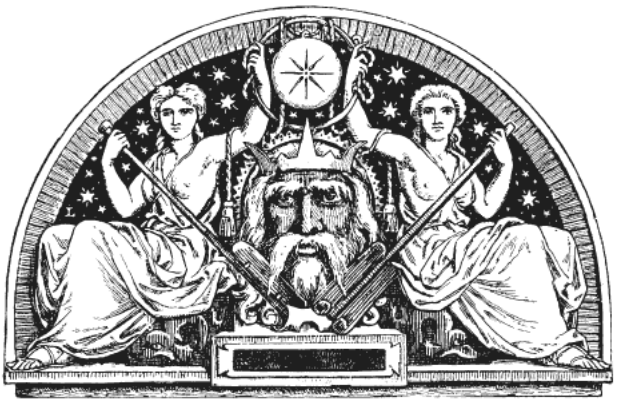
— А что? Его ты тоже убьешь? — встревоженно спросил я. У меня не было сомнений, что речь о Пророке.

— Нет, конечно. — Другой помолчал. — Хотя, к слову, давно пора. Меня всегда удивляло, что в тюрьме его никто не убил. В любом случае скажи, если его увидишь.

Я кивнул настолько неопределенно, насколько мог. Другой попросил меня сказать, если я увижу Пророка в будущем, а не если я видел его в прошлом, так что я не совсем соврал. Утешало одно: Пророк вернулся в собственные Залы. И он вполне определенно заявил, что сюда приходить не намерен.

Я нахожу надпись, которую сделал 16

Запись от Тринадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Пять дней в Вестибюлях лил серый ливень. Мир стал промозглым, на Плитах у Дверей в Вестибюли стояли лужи. В Залах щебетали укрывшиеся от дождя птицы.

Я не сидел без дела: чинил сети и упражнялся в игре на флейте. Однако мне не удавалось про-

гнать мысль, что 16 здесь и намерен свести меня с ума. Я не знал, когда случится страшное, и оттого не находил себе места.

Сегодня дождь прекратился. Мир вновь стал радостным.

Я пошел в Шестой северо-западный Зал, где живет стая грачей. При виде меня они тут же слетели с высоких Статуй, закружили, перекрикиваясь между собой и хлопая крыльями. Я стал бросать им кусочки рыбы. Два сели мне на плечи. Один клюнул меня в ухо, проверяя, съедобный ли я. От этого меня разобрал смех. Посреди галдежа и мелькания черных крыльев я не обращал внимания на окружающее и не сразу заметил, что на Двери справа появилась метка — черточка ярко-желтым мелом. Потом я увидел, отогнал птиц и пошел глянуть поближе.

Когда-то давно я рисовал мелом такие же пометки на Дверях и на Полу, оттого что боялся заблудиться. Я не делаю этого уже много лет, однако в первый миг подумал, что желтая метка — моя собственная, загадочным образом пережившая Приливы, Наводнения, Ветер, Туман и Дождь. И все же я помнил, что у меня никогда не было желтого мела. Был белый, голубой и немного розового. Но желтый? Нет, желтого у

меня не было.

Тут я увидел еще меловые черточки, на Плитах у Дверного Проема, на сей раз белые.

Слова! Их написал не Другой. Он редко отходит так далеко от Первого Вестибюля. Нет, это написал кто-то еще. 16! Мгновение я пытался это осознать. Мне никогда не приходило в голову, что 16 может сводить с ума написанными словами! (Нельзя не восхититься его изобретательностью. Вряд ли бы я сам до такого додумался.)

Но правда ли они сведут меня с ума? Другой предостерегал только от разговоров с 16, говорил, нельзя его слушать. Вероятно, опасность заключена в голосе 16? Может быть, написанное слово безвредно? (Я с досадой понял, что Другой изъяснялся очень расплывчато.)

Я осторожно глянул вниз и прочел:

13-Е ПОМЕЩЕНИЕ ОТ ВХОДА. НАЗАД ИДТИ ТАК: ЧЕРЕЗ ЭТУ ДВЕРЬ И СРАЗУ НАЛЕВО. ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ ВПЕРЕДИ, ЗАТЕМ НАПРАВО. ДЕРЖАТЬСЯ ПРАВОЙ СТЕНЫ. ПРОПУСТИТЬ ДВЕ ДВЕРИ, ПОТОМ…

Указания. Всего-навсего указания пути.

Они не выглядели очень уж опасными. Я подождал и проверил себя, не сошел ли с ума и не чувствую ли тяги к саморазрушению. Ничего

такого не было, и я стал читать дальше.

Тут объяснялось, как попасть из Шестого северо-западного Зала в Первый Вестибюль. Хотя идти можно и проще, в целом указания были четкие и толковые, а сами буквы — прямые, ровные, приятные для глаза.

По этим указаниям я прошел путем 16 до Первого Вестибюля. На каждом Дверном Проеме, через который я проходил, были такие же тщательные пометки желтым мелом ниже уровня моих глаз. (Я предполагаю, что 16 сантиметров на 12–15 ниже меня.) Под каждым Проемом он повторил указания на случай, если другие уничтожит Прилив или какая-нибудь иная случайность. Насколько же он методичен!

Я сходил во Второй северный Зал за голубым мелом, вернулся в Шестой северо-западный Зал, где впервые увидел на Полу указания 16. (Дальше он, видимо, не ходил.) Под его словами я написал:

ДОРОГОЙ 16!

ДРУГОЙ МЕНЯ ПРЕДУПРЕДИЛ, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ СВЕСТИ МЕНЯ С УМА. НО ДЛЯ ЭТОГО ТЫ ДОЛЖЕН ПРЕЖДЕ МЕНЯ НАЙТИ, А КАК ТЫ МЕНЯ НАЙДЕШЬ? ОТВЕТ: НИКАК. Я ЗНАЮ КАЖДУЮ НИШУ В ЭТИХ ЗАЛАХ, КАЖДУЮ АПСИДУ, КАЖДОЕ МЕСТО, ГДЕ МОЖНО СПРЯТАТЬСЯ. ВОЗВРАЩАЙСЯ В СВОИ

СОБСТВЕННЫЕ ЗАЛЫ, 16, И ПОРАЗМЫСЛИ О СВОЕЙ ГНУСНОСТИ.

Как только я написал это послание, мне стало легче. Я уже не чувствовал себя затравленным. Нет, я сам управляю событиями — почти как 16. Оставалось одно затруднение — я не знал, какую ставить подпись. Я не мог написать «ТВОЙ ДРУГ», как если бы обращался к Другому или Лоренсу (человеку, желавшему увидеть Статую Лиса, учащего Бельчат). Мы с 16 не друзья. У меня мелькнула мысль подписаться «твой враг», но так получилось бы чересчур вызывающе. Еще у меня возник вариант «тот, кто не допустит, чтобы ты свел его с ума», но это получалось длинно (и несколько напыщенно). В конце концов я написал просто:

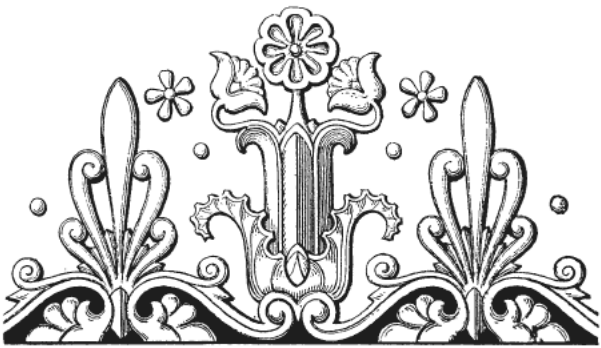
ПИРАНЕЗИ

Так называет меня Другой.
(Хоть я и не думаю, что это мое имя.)

Я спрашиваю Другого о надписи, которую сделал 16

Запись от Четырнадцатого дня Девятого ме-

сяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Сегодня утром я встретился с Другим во Втором юго-западном Зале. На нем был серый шерстяной костюм с безупречной рубашкой более темного оттенка серого. Выглядел он спокойным, серьезным и сосредоточенным. Когда я рассказал про написанные мелом слова, которые нашел на Плитах Шестого северо-западного Зала, он просто кивнул.

— Может ли номер шестнадцать внушать безумие посредством написанных слов? — спросил я. — Возможно, мне не следовало их читать?

— Слова номера шестнадцать опасны в любой

форме, — сказал Другой. — Лучше бы ты их не читал. Однако я тебя не виню. Ты не ждал письменного сообщения. Честно говоря, мне тоже такое в голову не пришло. Однако время опасное. Нам надо усилить бдительность.

— Хорошо. Обещаю, — сказал я.

Другой пару раз ободряюще похлопал меня по плечу.

— Есть и хорошие новости. Ну, вроде того. Я добыл пистолет. Это оказалось совсем не так трудно, как я думал. Но… и это дурная новость… — он горестно скривился, — оказалось, что стрелок из меня никудышный. Вообще ни во что попасть не могу. Надо будет поупражняться, наверное. Не знаю, как это устроить, но все равно… Главное, Пиранези, постарайся не волноваться. Так или иначе этот кошмар скоро останется позади.

— Очень тебя прошу! — взмолился я. — Давай не будем убивать номер шестнадцать!

Другой рассмеялся:

— А что еще нам остается? Позволить, чтобы нас свели с ума? Я не согласен.

Я сказал:

— Но когда номер шестнадцать увидит, что его план не сработал, когда поймет, что мы его избегаем, он может вернуться в собственные Залы.

Он покачал головой:

— Нет, Пиранези, не надейся. Я знаю этого человека. Номер шестнадцать неутомим. Номер шестнадцать будет приходить снова и снова.

Свет во тьме

Запись от Семнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Прошло три дня. Я по-прежнему высматривал следы того, что 16 побывал в наших Залах, но ничего не находил. В середине третьей ночи я

внезапно проснулся. Что-то меня разбудило, но я не знал, что именно.

Я сел. В Окнах ярко горели Звезды. Тысячи Статуй в Третьем северном Зале, слабо озаренные Звездами, глядели на Зал, как будто благословляли его. Все было как обычно, и все же я не мог избавиться от чувства, будто что-то происходит.

Было очень холодно. Я надел ботинки и свитер, затем пошел во Второй северо-западный Зал. Все было пусто; все было тихо; все было спокойно.

Я прошел через Дверной Проем справа от меня в соседний Зал и там различил тихий звук. Он повторялся через неравные промежутки времени и, по мере того как я шел дальше, становился все более громким. Казалось, где-то далеко завывает зверь.

В Двери на другом краю Зала брезжил слабый свет. Только я его заметил, как он стал ярче и превратился в луч, который рассек Тьму и озарил Статуи на противоположной Стене! Затем, так же внезапно, свет померк.

Я подошел к Дверному Проему и заглянул в Зал.

Там кто-то был — с фонарем. И он быстро водил лучом по Стенам, от угла до угла, выискивая что-то или кого-то. (Потому и свет вдруг стал ярче, а

затем слабее.) Человек с фонарем кричал:

— Рафаэль! Рафаэль! Я знаю, что вы здесь!

Это был Другой.

— Рафаэль! — крикнул он снова.

Тишина.

— Не надо было вам сюда приходить! — крикнул он.

Тишина.

— Я знаю здесь каждый дюйм! Вам от меня не скрыться! Я все равно вас найду!

Тишина.

Я проскользнул в Зал как можно незаметнее, однако Другой, видимо, что-то различил краем глаза, потому что сразу же повернулся и направил луч фонаря в Проем, где я был мгновенье назад. От резкого движения фонарик выпал из его руки и со звоном запрыгал по Плитам. Свет погас.

— Черт! — вырвалось у Другого.

В Зале вновь наступила Тьма. В Залах под нами шумели Приливы. Другой шарил в поисках фонарика и что-то бормотал себе под нос.

Мои глаза, немного ослепленные фонарем, понемногу привыкали к Звездному Свету. Сперва я видел лишь недвижность Зала, потом различил быстрое, еле заметное движение вдоль южной Стены, с востока на запад. Это был лишь намек

на серую тень — она скользнула по тускло поблескивающим Статуям так быстро, что я готов был думать, будто мне померещилось. Но нет. Тень скользнула дальше — через Дверной Проем в Пятый северо-западный Зал.

16!

Другой нашел фонарик, снова включил свет, затем вышел из Зала через одну из Северных Дверей.

Я выждал, когда он отойдет подальше, быстро, бесшумно пробежал следом за 16 и спрятался в Проеме Двери, ведущей в Пятый северо-западный Зал.

Посреди Зала стоял 16. Как и Другой, он светил фонариком, но, в отличие от Другого, не двигал лучом бесцельно, а направлял его на Стены. Мощный серебристо-белый свет озарял прекрасные Статуи, добавляя каждой странную новую тень, так что Стены как будто покрылись огромными черными перьями. 16 двигал фонарем медленно, черные тени-перья вытягивались, сжимались, кружили и покачивались. Однако самого 16 я разглядеть не мог — он был лишь черном пятном за слепящим светом.

Несколько минут 16 разглядывал Статуи. Затем опустил луч фонаря и двинулся к Двери в Шестой

северо-западный Зал. Проверил Косяк, убедился, что желтая метка на месте, и пошел дальше. Я прокрался за ним и спрятался в следующем Проеме.

В Шестом северо-западном Зале 16 осветил фонариком мое послание. Несколько долгих мгновений он стоял неподвижно. Я велел ему поразмыслить о собственной гнусности. Может быть, он послушался моего совета? Внезапно 16 встал на колени и принялся быстро писать.

Мне никто прежде не писал.

16 писал долго, и меня это почему-то радовало. Однако я подумал: «Чему ты радуешься? Какая разница, длинное послание или короткое? Ты знаешь, читать его нельзя. Если ты его прочитаешь, то сойдешь с ума». Какая-то часть меня (очень глупая часть) до того хотела прочесть послание, что почти готова была заплатить за это утратой рассудка.

Из Темноты перед 16 сгустились два черных силуэта и забили крыльями в Воздухе. 16 от неожиданности вскочил и закричал.

Это были всего лишь грачи. Они проснулись и прилетели глянуть, что тут такое странное творится.

— Кыш! Кыш! Отвалите! Не до вас!

Голос у 16 был совершенно не такой, как я ожидал.

Я ушел так же тихо, как пришел, добрался до Третьего северного Зала, лег, но уснуть не смог.

Я стираю послание 16

Вторая запись от Семнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Как только взошло Солнце, я взял Указатель и Дневники, открыл Указатель на букву «Р», однако

рубрики «Рафаэль» там не было.

Я наскоро поел и поблагодарил Дом за его Милости. Мне нужно было задать вопрос Другому, однако день был не тот, когда мы встречаемся, и я знал, что с вопросом придется повременить.

Я отправился в Шестой северо-западный Зал. Грачи приветствовали меня шумно, однако сегодня мне некогда было с ними разговаривать. 16 исписал на Плитах кусок площадью примерно 60 на 80 сантиметров.

Сердце у меня учащенно забилось. Я глянул вниз.

Я увидел слова:
МЕНЯ ЗОВУТ…

Я увидел слова:
…ЛОРЕНС АРН-СЕЙЛС…

Я увидел слова:
…ПОМЕЩЕНИЕ СО СТАТУЯМИ МИНОТАВРОВ…

Что мне было делать? Я знал: пока надпись существует, у меня будет сильнейшее искушение ее прочесть. Я решил, что выход один — уничтожить ее.

Я сбегал в Третий северный Зал, взял старую рубашку и мел. Я пишу «рубашка», хотя на самом деле она так износилась, что не заслуживает

подобного названия. Я порвал ее надвое. Затем побежал обратно в Шестой северо-западный Зал. Там я половиной рубашки завязал себе глаза, встал на колени и принялся возить другой половиной по Плитам, стирая слова 16.

Минуты через две я снял повязку и поглядел. Кое-где остались кусочки надписи.

ПОНЯТНО? МЕНЯ
ЗОВУТ
ФИЦЕР ПОЛИ ДОСЬЕ ПО ДЕЛУ О
ТВОЕМ ИСЧ ВАЛЕНТАЙН
КЕТТЕР
ЫЛИ НАМЕЧЕНЫ
ДРУГИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ, И Я
УЧЕНИК ОККУЛЬТИСТА ЛОРЕНСА
АРН-СЕЙ
МАЮ ОН ЗНАЕТ, ЧТО Я ПРОНИК
ОБЫЛ ТУТ ПОЧТИ ШЕСТЬ ЛЕТ, И КАК ТЫ
ВЫХОД
РАСПОЛОЖЕ
ИЛ МЕНЯ, ЧТО ТЫ, ВОЗМОЖНО, СТРАДАЕШЬ
АМ

Смысла особого в словах не было — во всяком случае, на первый взгляд, — и я надеялся, что они на меня не подействуют. (Ничего плохого я не ощутил.) Я встал на колени и написал ответ.

ДОРОГОЙ 16!

ПОКА ТЫ ОСТАЕШЬСЯ В НАШИХ ЗАЛАХ, ДРУГОЙ БУДЕТ ПЫТАТЬСЯ ТЕБЯ УБИТЬ. У НЕГО ЕСТЬ ПИСТОЛЕТ!

Я СТЕР ТВОЕ ПОСЛАНИЕ, НЕ ЧИТАЯ. ТВОИ
СЛОВА НА МЕНЯ НЕ ПОДЕЙСТВОВАЛИ. ТЕБЕ НЕ УДАЛОСЬ СВЕСТИ МЕНЯ С УМА. ТВОЙ ПЛАН ПРОВАЛИЛСЯ.

ПОЖАЛУЙСТА! ВЕРНИСЬ ОБРАТНО В СВОИ ДАЛЕКИЕ ЗАЛЫ!

ПИРАНЕЗИ

Я задаю Другому вопрос

Запись от Восемнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня в десять утра я пошел во Второй юго-западный Зал на встречу с Другим.

Он стоял у Пустого Пьедестала, одетый в темно-коричневый костюм и рубашку цвета хаки. Ботинки у него были каштанового цвета, блестящие.

— Я хочу задать тебе вопрос, — сказал я.

— О'кей.

— Почему ты не был со мной честен?

Другой глянул холодно и сказал:

— Я всегда с тобой честен.

— Нет, — ответил я. — Почему ты не сказал, что номер шестнадцать — женщина?

На лице Другого в мгновение ока сменилось несколько выражений: заносчивое желание все отрицать, досада и недовольное согласие с услышанным.

— О'кей, — признал он. — Упрек по-своему справедлив. Но я и не говорил тебе, что она не женщина.

Я только закатил глаза — таким жалким было это оправдание.

— Я несколько месяцев говорил о номере шестнадцать «он», и ты ни разу меня не поправил. Почему?

Другой вздохнул:

— О'кей. Я ничего не говорил, потому что знаю тебя, Пиранези. Ты романтик. Да, ты называешь себя ученым и сторонником разума. По большей части так оно и есть. Но ты еще и романтик. Я знал, тебя трудно будет убедить, что номер шестнадцать представляет угрозу. Сказать, что она женщина, значило бы еще усложнить задачу. Женщина заинтересовала бы тебя куда больше. Ты даже мог бы в нее влюбиться. И уж точно не удержался бы от разговора с ней. Понимаю, тебе трудно в это поверить, но я правда о тебе заботился. Жизненно важно, чтобы ты не доверял номеру шестнадцать, поскольку номер шестнадцать

— само коварство. Понимаешь?

Молчание.

— Что ж, — сказал я наконец. — Спасибо, что заботился обо мне. Не думаю, что так легко поддался бы женщине, как ты считаешь. Впредь, пожалуйста, не надо ничего от меня скрывать.

— Справедливо. — Другой нахмурился. — А как ты узнал? — Голос у него стал резкий, встревоженный. — Ты ведь не разговаривал с ней?

— Нет. Я видел ее в Шестом северо-западном Зале и слышал ее голос. Она меня не видела.

— Ты слышал ее голос? — Другой встревожился еще больше. — С кем она говорила?

— С грачами.

— А… — Пауза. — Как странно.

Я решаю поискать Лоренса Арн-Сейлса в Указателе

Запись от Девятнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

В одном Другой прав. Я мыслю не так рационально, как прежде о себе думал. Я посмеивался над Другим (мысленно), когда замечал, что им движет себялюбие или гордость. И был уверен, что уж сам-то я руководствуюсь исключительно разумом. Однако я обольщался на свой счет. Рациональный человек не заговорил бы с Пророком в Первом северо-восточном Зале. Рациональный человек тер бы Плиты в Шестом северо-западном Зале, пока не уничтожил послание 16 до последнего слова.

Завораживает меня не то, что 16 — женщина,

по крайней мере, не только это. Куда важнее, что она — еще один человек. Мне хочется узнать о ней как можно больше — вернее, столько, сколько я могу узнать и не сойти с ума. (Это самое трудное.)

Я не сказал о послании, которое оставила мне 16. Не сказал и о том, что увидел на Полу куски слов и фраз и не стал стирать их до конца.

…ВАЛЕНТАЙН КЕТТЕР(ЛИ)… Это относится к Другому. Пророк сказал, что Другого зовут Вэл Кеттерли. Неудивительно, что 16 пишет про Другого, ведь, по словам Другого, 16 им одержима и хочет его уничтожить.

…(Б)ЫЛИ
НАМЕЧЕНЫ ДРУГИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ, И Я… Хвастается ли 16 другими своими жертвами? Вредом, который причинила или намерена причинить? Неясно.

…УЧЕНИК ОККУЛЬТИСТА ЛОРЕНСА АРН-СЕЙ(ЛСА)… Все снова и снова ведет к одному и тому же человеку, Лоренсу Арн-Сейлсу, который, я полагаю, и есть Пророк.

…(ПР)ОБЫЛ ТУТ ПОЧТИ ШЕСТЬ ЛЕТ, И КАК ТЫ… Непонятно, к чему это относится.

…ВЫХОД РАСПОЛОЖЕ(Н)… Загадочный фрагмент. Вроде бы 16 хочет сообщить мне, где выход.

Но я знаю эти Залы, все их входы и выходы. Она не знает.

Я искал 16 в моем Указателе на то имя, которым ее назвал Другой. Ее там нет. Так что я поищу Лоренса Арн-Сейлса.

Лоренс Арн-Сейлс

Вторая запись от Девятнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я снова взял Дневники с Указателем в Пятый северный Зал и сел напротив Статуи Гориллы. Пусть ее Сила и Решимость придадут мне отваги! Я открыл Указатель на букве «А».

Записей, относящихся к Арн-Сейлсу, оказалось двадцать девять. Одни состояли из строчки-двух, другие занимали несколько страниц. Я пробежал взглядом половину, но ничего существенного не узнал. Сведения в них были самые разные: списки публикаций, биографии, цитаты, описания людей, с которыми Арн-Сейлс познакомился в тюрьме. Одна была озаглавлена: «Арн-Сейлс: писать ли о нем книгу? За и против», и я прочел ее с интересом, поскольку идея написать книгу мне очень близка.

Возможный проект: книга об Арн-Сейлсе, исследующая феномен трансгрессивных мыслителей — людей, выходящих за пределы того, что считается допустимым (или даже возможным) в науке. Еретиков.

Не знаю, стоит ли эта затея моего времени. За и против.

• *Есть довольно приличная книга Ангарад*

Скотт «Длинная ложка[30]. Лоренс Арн-Сейлс и его круг». (Против)

• Тем не менее книга Скотт — биография, не анализ. Она бы сама первая это признала. (За? Не влияет?)

• Скотт очень великодушна, готова поддержать и помочь. Она хотела бы видеть еще книгу о нем. Дала мне много информации общего плана и сказала, где добыть еще. См. запись о телефонном разговоре с Ангарад Скотт, с. 153. (За)

• Арн-Сейлс — достаточно пикантная тема? Крупный скандал, суд, тюремное заключение и т. д. (За)

• Арн-Сейлс — идеальный пример трансгрессивного мыслителя. Трансгрессивного во многих смыслах — морально, интеллектуально, сексуально, криминально. (За)

• Исключительное действие, которое он оказывал на своих последователей, так что они верили, будто видят иные миры и т. д. (За)

• Арн-Сейлс отказывается говорить с учеными/писателями/журналистами. (Против)

---

[30] Примечания: 30

«Длинная ложка» — намек на старую английскую пословицу, которая встречается у Чосера («Да, с длинной ложкою садись за стол, / Коль хочешь супа с сатаной хлебнуть»: «Рассказ сквайра», перев. О. Румера) и у Шекспира («Комедия ошибок», «Буря»).

• Людей, близко знавших его в то время, когда он якобы путешествовал между этим миром и другими, довольном мало. Некоторые из них исчезли, а из оставшихся большинство не отвечает на вопросы журналистов. (Против)

• Тали Хьюз единственная из учеников Арн-Сейлса согласилась говорить с Ангарад Скотт. По словам Скотт, Хьюз эмоционально нестабильна и, возможно, страдает бредовыми расстройствами. Джеймс Риттер говорил с журналистом (Лайсендером Уиксом) в 2010-м. Стоит ли обратиться к нему? По словам Уикса, Риттер служит уборщиком в манчестерском муниципалитете. Надо бы проверить, не работает ли сам Уикс над книгой. (Ни за, ни против)

• Загадочные исчезновения людей, связанных с Арн-Сейлсом: Маурицио Джуссани, Стэнли Овендена, Сильвии Д'Агостино. (Сильная приманка для читателей, поэтому безусловное «за». Если я сам не исчезну, в таком случае «против».)

• Долгая работа над книгой про крайне неприятного человека может вымотать эмоционально. Все согласны, что Арн-Сейлс злобная, мстительная, бессовестная, наглая сволочь и полный мудак. (Против)

Не совсем понимаю, что получается в итоге.

Очень незначительный перевес в сторону «за»?

Это очень мало что рассказало мне о самом Арн-Сейлсе. Наиболее содержательной оказалась последняя запись. Она была озаглавлена:

Заметки к докладу на Фестивале альтернативных идей «Обиженные и ослепленные», Гластонбери, 24–27 мая 2013 г.

Арн-Сейлс начал с идеи, что древние иначе воспринимали мир, ощущали его как нечто находящееся с ними в постоянном взаимодействии. Когда они смотрели на мир, мир смотрел на них. Если, например, они плыли по реке в лодке, то река каким-то образом понимала, что их несет, и даже соглашалась это делать. Когда они смотрели на небо, созвездия были не просто геометрическими формами, позволяющими организовать увиденное, а носителями смыслов, неисчерпаемыми источниками информации. Мир постоянно говорил с Древним Человеком.

Все это более или менее укладывается в рамки современной истории философии, но Арн-Сейлс, в отличие от остального научного сообщества, утверждал, что этот диалог между древними и миром шел не только у них в голове, что все это происходило в реальности. Древние воспринимали

мир таким, каков он на самом деле. Это давало им невероятное могущество. Реальность не просто принимала участие в диалоге — внятно и понятно, — она еще и поддавалась убеждению. Природа покорялась желаниям человека, наделяла его своими качествами. Моря расступались, люди могли превращаться в птиц и летали, оборачивались лисицами и прятались в чащах, они умели строить замки из облаков.

Со временем древние перестали говорить с Миром, перестали его слушать. Когда это случилось, Мир не просто умолк, он изменился. Те аспекты Мира, что были в постоянном общении с Человеком, — энергии, силы, духи, ангелы, демоны, как ни называй, — ушли, потому что сделались не нужны. Так, по утверждению Арн-Сейлса, Мир буквально был раз-очарован.

В первой опубликованной работе на эту тему («Крик кулика»[31], Аллен энд Анвин, 1969) Арн-Сейлс писал, что способности древних утрачены безвозвратно, но уже ко времени второй книги («Что унес ветер», Аллен энд Анвин, 1976) его взгляды изменились. Он экспериментировал

---

[31] Примечания: 31

«Крик кулика» — образ, не раз встречающийся в ранней поэзии Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939): он связан с воспоминаниями о навсегда ушедшем прошлом.

с ритуальной магией и пришел к выводу, что некоторые способности можно вернуть через физический контакт с человеком, некогда ими обладавшим. Предпочтительнее всего контакт с реальными останками — телом либо частью тела интересующего вас человека.

В 1976 г. в собрании Манчестерского музея находились четыре «болотных человека» — тела, сохранившиеся в торфяниках и датируемые промежутком от 10 г. до н. э. до 200 г. н. э. Все четыре были названы по месту находки: Мэрепул в графстве Чешир.

• Мэрепул I[32] (безголовое тело)

• Мэрепул II (целиком сохранившееся тело)

• Мэрепул III (голова, но не та, что принадлежала Мэрепул II)

• и Мэрепул IV (второе целиком сохранившееся тело)

Арн-Сейлса больше всего интересовал Мэрепул III, голова. Якобы посредством ворожбы ему открылось, что она принадлежала королю-ведуну. Ведун этот обладал ровно теми знаниями, которые требовались Арн-Сейлсу для дальнейших

---

[32] Примечания: 32

Мэрепул — вымышленное место.

исследований. Если соединить эти знания с его собственными теориями, они станут водоразделом для человеческого миропонимания. В мае 1976-го Арн-Сейлс написал директору музея письмо с просьбой временно предоставить ему голову, дабы он мог совершить магический ритуал собственного изобретения, получить знания ведуна и таким образом открыть для человечества Новую Эру. К изумлению Арн-Сейлса, директор отказал ему в просьбе. В июне Арн-Сейлс убедил с полсотни своих учеников провести перед музеем демонстрацию против косного и устарелого мышления. Студенты несли плакаты с надписью «Свободу голове!». Через десять дней прошла вторая демонстрация, которая сопровождалась битьем окон и закончилась стычкой с полицией. После этого Арн-Сейлс как будто потерял интерес к «болотным людям».

В конце зимы музей закрылся на рождественские каникулы. Когда после Нового года он вновь открылся, сотрудники обнаружили следы взлома. Судя по всему, в музее долгое время находились посторонние: в залах валялись крошки, обертки из-под печенья и другой мусор. Пахло марихуаной. На полу остались свечные огарки, а на стене вновь появилась надпись «Свободу голове!». Огарки

составляли круг. Все экспонаты вроде были на месте, но витрину, в которой лежал Мэрепул III, вскрывали и голову из нее доставали. На ней обнаружились свечной воск и обрывки омелы.

Полиция и сотрудники музея, естественно, заподозрили Арн-Сейлса. У того, впрочем, оказалось алиби: он провел Праздник Зимнего солнцестояния у богатых неоязычников на ферме в Эксмуре[33]. Неоязычники (семейная пара по фамилии Брукер) это подтвердили. Брукеры чтили Арн-Сейлса как гения и своего рода языческого святого. Полиция не поверила их свидетельству, но опровергнуть его не смогла.

Обвинения в незаконном проникновении никому предъявлены не были, однако в следующей книге («Полузримая дверь», Аллен энд Анвин, 1979) Арн-Сейлс говорит о римско-британском ведуне по

[33] Примечания: 33

Эксмур — область на юго-западе Англии, на границе Сомерсета и Девона, более чем в двухстах милях от Манчестера.

имени Аддедомар[34], умевшем ходить по тропе между мирами.

В 2001 г., когда Арн-Сейлс находился в тюрьме, человек по имени Том Майерс пришел в лондонский полицейский участок и сделал добровольное признание. В бытность студентом Манчестерского университета он участвовал в незаконном проникновении в музей на Рождество 1976 г. Он разбил окно, залез в здание и открыл дверь остальным. Он видел, как Арн-Сейлс совершил ритуал вместе с двумя учениками. Майер предположил, что это были Валентайн Кеттерли и Робин Баннерман, но добавил, что дело было давно и он не может сказать наверняка.

Майер сообщил, что видел, как во время ритуала губы Мэрепул III зашевелились, но слов не слышал.

Дело против Майера не возбуждалось.

Сам Арн-Сейлс никогда не писал о ритуале, со-

---

[34] Примечания: 34

Аддедомар — король юго-восточной Британии во второй половине I в. до н. э. Его имя, означающее, вероятно, «(Великий) колесничий», известно благодаря надписям на монетах, которые он чеканил. Память о короле надолго пережила его: как полагают, именно Аддедомар стал прототипом легендарного владыки древности Аэдда Великого (Aedd Mawr), упоминаемого в средневековых валлийских текстах («Триады острова Британия»). Возможное место погребения Аддедомара — Лексденский курган в графстве Эссекс. Как тело короля могло оказаться в болоте графства Чешир, на северо-западе Англии, знает только Арн-Сейлс.

вершенном над Мэрепул III, да к тому же к концу семидесятых его взгляды изменились. Теперь его меньше интересовали утраченные верования и возможности, больше — то, куда они делись. Основываясь на своих прежних идеях, что утраченные верования и способности представляют собой некоего рода энергию, он пришел к выводу, что эта энергия не могла просто исчезнуть; она должна была куда-то переместиться. Так возникла самая знаменитая его идея, теория Иных Миров. Попросту говоря, она утверждала, что знание либо сила, ушедшие из нашего мира, во-первых, создали иной мир, а во-вторых, оставили дыру между миром, где существовали раньше, и тем, который создали.

Вообразите, говорил Арн-Сейлс, залитое дождем поле. На следующий день оно уже сухое. Куда делась дождевая вода? Часть испарилась. Часть выпили растения и животные. Однако сколько-то просочилось в землю. Так происходит снова и снова. Десятилетиями, веками, тысячелетиями вода, просачиваясь в землю, точит лежащее под ней каменное основание, размывает трещину. Мало-помалу трещина становится дырой, дыра — входом в пещеру, своего рода дверью. За дверью вода течет дальше, вымывает залы, вытачива-

ет колонны. Где-то, говорил Арн-Сейлс, должен быть проход, дверь между нами и местом, куда ушла магия. Проход может быть очень мал и не обязательно устойчив. Подобно входу в пещеру, он может грозить обрушением. Однако он точно есть. А раз он есть, его можно найти.

В 1979 г. Арн-Сейлс опубликовал свою третью, самую знаменитую книгу «Полузримая дверь», в которой рассматривает идею иных миров и рассказывает, как ценой определенных усилий сумел проникнуть в один из этих миров.

Выдержки из «Полузримой двери» Лоренса Арн-Сейлса

После того как дверь найдена, она уже с вами всегда. Просто ищете ее глазами и находите. Самое трудное — найти ее первый раз. Следуя откровению, полученному от Аддедомара, я постепенно пришел к выводу, что дверь не увидеть, пока не очистишь зрение. Для этого надо вернуться в такое место, такую географическую точку, где последний раз воспринимал мир как пластичный, отзывающийся на тебя и твои мысли. Короче, туда, где последний раз был до того, как железная рука современной рациональности стиснула твой мозг.

Для меня это сад дома в Лайм-Риджесе[35], где я вырос. К несчастью, за прошедшие годы дом сменил нескольких хозяев, и нынешние (типичная мещанская посредственность) не отозвались на мою просьбу и не позволили мне простоять в саду несколько часов, совершая древнекельтский ритуал. Меня это, впрочем, не остановило. Через общительного молочника я узнал, когда они уезжают в отпуск, вернулся в это время и «незаконно проник» в сад.

День был дождливый, серый, промозглый. Я стоял на газоне под проливным дождем в окружении роз, посаженных моей матерью (хотя теперь они вынужденно соседствовали с невыносимо вульгарными садовыми цветами). Сквозь ливень проступали белые, абрикосовые, розовые, желтые и алые кусты.

Я постарался вспомнить себя ребенком в этом саду, последний раз, когда и мир, и мой разум были свободны. Я стоял перед розами в синем шерстяном комбинезончике и сжимал в руке оловянного солдатика. Краска на солдатике чуть-чуть облупилась.

К своему изумлению, я убедился, что мощь

---

[35] Примечания: 35

Лайм-Риджес — городок в Западном Дорсете, на берегу Ла-Манша.

воспоминаний удивительно велика. Разум мгновенно освободился, зрение очистилось. Долгий, тщательно подготовленный ритуал оказался совершенно не нужен. Я больше не видел и не чувствовал дождя. Я стоял в солнечном свете раннего детства. Розы обрели сверхъестественно яркие цвета.

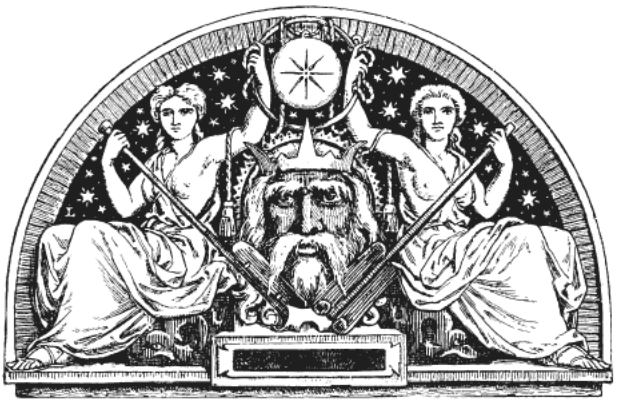
Вокруг меня начали появляться двери в иные миры, но я сразу узнал нужную — в мир, куда утекает забытое. Края ее были истерты идеями, уходящими из нашего мира.

Теперь дверь была видна совершенно отчетливо. Она располагалась между кустами Антуан Ривуар и Кокетт де Бланш. Я шагнул в нее.

Я стоял в обширном помещении с каменным полом и мраморными стенами. Вокруг меня были восемь массивных статуй, не повторяющих одна другую, и каждая изображала минотавра. Огромная мраморная лестница уходила в умопомрачительную высь и спускалась в столь же головокружительную глубину. Странный рокот — как будто шум моря — наполнил мой слух…

Я сохраняю спокойствие

Третья запись от Девятнадцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Теории Лоренса Арн-Сейлса, изложенные в моих Дневниках, близки к тому, что говорил Пророк. (Новые подтверждения того, что они — один и тот же человек!) Я был рад увидеть имя «Аддедомар» и узнать, как оно пишется правильно. Это имя Другой выкликал во время ритуала три

месяца назад. Я не сомневаюсь, Другой услышал про Аддедомара от Лоренса Арн-Сейлса. («Все его идеи — мои», — сказал Пророк.)

Одно предложение меня озадачило. *Мир постоянно говорил с Древним Человеком.* Не понимаю, почему тут употреблено прошедшее время. Мир говорит со мной каждый день.

Теперь мне легче читать дневниковые записи, чем поначалу. Я сохраняю спокойствие, даже когда сталкиваюсь с самым мудреным языком. Слова и сочетания, пульсирующие загадочной энергией, — такие как «Манчестер» и «полицейский участок» — больше не выводят меня из душевного равновесия. Я почти бессознательно научился воспринимать их как писания оракула либо ведуна, того, кто в экстазе или по вдохновению делится знанием, пусть даже облеченным в странную и маловразумительную форму.

Быть может, я и впрямь писал это в измененном состоянии сознания? Гипотеза довольно убедительная, но она оставляет ряд вопросов. Каким образом я достиг этого состояния? И зачем я, всегда считавший себя ученым, вообще таким занялся?

Будет Великий Потоп

Запись от Двадцать первого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Одна из моих постоянных задач — вести Таблицу Приливов. В этом я полагаюсь на свои наблюдения и на выведенные мною формулы. Каждые несколько месяцев я делаю расчеты и убеждаюсь, что в следующие недели не будет

Чрезвычайных Событий. В последнее время я был так занят, что забросил эту работу. Сегодня утром я засел за нее и тут же обнаружил нечто Крайне Тревожное — Совпадение четырех Приливов меньше чем через неделю!

Я пришел в ужас. Это Событие едва не застало меня врасплох! Период, для которого я просчитал Приливы, закончился две недели назад. Я пренебрег своими обязанностями и подверг себя и Другого смертельной опасности!

В волнении я вскочил и принялся мерить шагами Зал. «Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! — говорил я себе. — Черт! Черт! Черт! Черт!» Проходив так минуту-две, я строго себя отчитал, сказав, что бесполезно убиваться из-за Прошлого; надо позаботиться о Будущем.

Я сел и проделал другие вычисления, дабы яснее понять, что произойдет. В зависимости от Силы и Объема Воды — которые трудно предсказать точно — затопить могло от сорока до ста Залов.

По счастью, была пятница — один из дней, когда я встречаюсь с Другим. Я пришел во Второй юго-западный Зал почти за полчаса до назначенного времени, так хотел скорее с ним поговорить.

Как только он появился, я крикнул:

— Мне нужно кое-что тебе сказать!

Другой нахмурился и собрался меня перебить: он не любит, когда я перехватываю инициативу. Однако на сей раз я не дал заткнуть мне рот.

— Будет Великий Потоп! — объявил я. — Если не подготовиться как следует, есть серьезная опасность, что нас унесет и мы утонем.

Он тут же стал весь внимание:

— Утонем? Когда?

— Через шесть дней. В четверг. Вода начнет подниматься примерно за полчаса до полудня. За Приливом Восточных Залов последует…

— В четверг? — Он сразу успокоился. — Это о'кей. В четверг меня здесь не будет.

— А где ты будешь? — удивленно спросил я.

— В другом месте, — ответил он. — Это не важно. Не волнуйся.

— Ясно, — сказал я. — Ладно, это хорошо. Центр Потопа будет на расстоянии ноль целых восемь десятых километра к северо-западу от Первого Вестибюля. Важно, чтобы ты не оказался на пути Воды.

— Со мной все будет хорошо, — сказал Другой. — А ты не пострадаешь?

— Не пострадаю. Спасибо, что спросил. Я уйду в Южные Залы.

— Хорошо.

— Значит, остается только номер шестнадцать, — сказал я, не подумав. — Надо... — Я умолк. — То есть... — снова начал я и опять умолк.

Наступило молчание.

— Что? — резко спросил Другой. — О чем ты говоришь? Каким боком тут номер шестнадцать?

— Я всего лишь хочу сказать, что номер шестнадцать чужая в этих Залах. Она не знает о грядущем Потопе.

— Не знает, наверное. И что?

— Я не хочу, чтобы она утонула.

— Доверься мне, Пиранези. Это разом устранит все затруднения. Да и в любом случае не важно, как к этому относиться. Ты не можешь войти в контакт с номером шестнадцать, так что не сумеешь ее предупредить, даже если захочешь.

Опять молчание.

— Ведь это же правда? — спросил Другой. — Ты с ней не разговаривал?

Он пристально, испытующе поглядел на меня.

— Не разговаривал, — ответил я.

— Ни сейчас? Ни в прошлом?

— Ни сейчас. Ни в прошлом.

— Ну, значит, все как я сказал. Ты за нее не отвечаешь. На твоем месте я бы не волновался.

Снова молчание.

— Что ж, — сказал наконец Другой. — У тебя, полагаю, есть свои дела.

— Много дел.

— Готовиться к наводнению и так далее.

— О да.

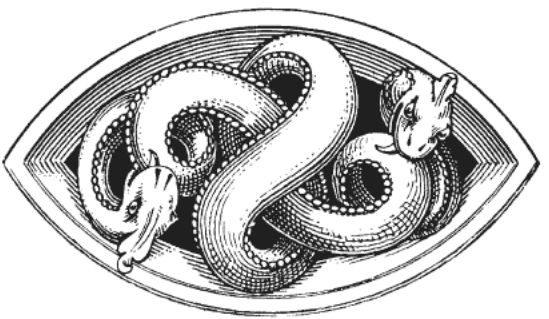
— Ладно, не буду тебя от них отвлекать.

Он повернулся и пошел в сторону Первого Вестибюля.

— До свиданья! — крикнул я. — До свиданья!

Ты Мэтью Роуз Соренсен?

Вторая запись от Двадцать первого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Я точно знал, что надо делать: немедленно пойти в Шестой северо-западный Зал и написать 16 о предстоящем Потопе!

По пути я думал о том, что написал ей в прошлый раз, — о своем послании с просьбой покинуть эти Залы. Возможно, она уже успела ответить. Возможно, ее ответ будет примерно таким:

Дорогой Пиранези!

Ты был прав. Сегодня я вернусь в мои собственные Залы.

Искренне твоя,

16

В таком случае я могу не тревожиться, что ее смоет.

Но в глубине души я надеялся, что она не ушла в свои собственные Залы. Как ни странно, я знал, что буду о ней скучать. Помимо 16, в Мире есть только я и Другой, и (ты, возможно, удивишься, прочтя эти слова) с Другим не всегда приятно общаться. Я мечтал, чтобы 16 написала мне еще одно послание, пусть даже я не осмелюсь его прочесть. Наверное, я надеялся, что она написала примерно так:

Дорогой Пиранези!

Прочтя твое полезное и очень содержательное послание, я осознала, что мы с тобой подружимся, только если я отброшу свою гнусность. Давай встретимся и поговорим. Обещаю не сводить тебя с ума. А за это ты научишь меня, как быть хорошей?

С надеждой на встречу,

16

Я пришел в Шестой северо-западный Зал. Грачи встретили меня шумно. На Плитах я увидел остатки послания 16 и мой ответ. Ничего нового не появилось. 16 мне не написала. Я огорчился, но сказал себе, что этого следовало ожидать: если я стираю послания 16, не читая, вряд ли она будет писать еще.

Я достал мел, встал на колени и под своим последним посланием вывел:

ДОРОГАЯ 16!

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ДНЕЙ В ЭТИХ ЗАЛАХ БУДЕТ СИЛЬНОЕ НАВОДНЕНИЕ. ВСЕ ЗАЛЬЕТ ВОДОЙ ВЫШЕ МОЕГО И ТВОЕГО РОСТА.

ПО МОИМ ОЦЕНКАМ, ОПАСНАЯ ОБЛАСТЬ ПРОТЯНЕТСЯ НА:

ШЕСТЬ ЗАЛОВ К ЗАПАДУ ОТСЮДА

ЧЕТЫРЕ ЗАЛА К СЕВЕРУ ОТСЮДА

ПЯТЬ ЗАЛОВ К ВОСТОКУ ОТСЮДА
ШЕСТЬ ЗАЛОВ К ЮГУ ОТСЮДА.
ПОТОП ПРОДЛИТСЯ ОТ ТРЕХ ДО ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ. ПОСЛЕ ЭТОГО ВОДА НАЧНЕТ СПАДАТЬ.
ПОЖАЛУЙСТА, ИЗБЕГАЙ ЭТИХ ЗАЛОВ В УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ, ИНАЧЕ ТЕБЕ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ. БУДЕТ **СИЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ**. ЕСЛИ ПОТОП ТЕБЯ ЗАСТИГНЕТ, ЛЕЗЬ ВВЕРХ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ! СТАТУИ МИЛОСЕРДНЫ, ОНИ ТЕБЯ ЗАЩИТЯТ.
ПИРАНЕЗИ

Я тщательно обдумал послание. Оно было очень простым и понятным, за одним исключением. Слова «через шесть дней» имели смысл, только если 16 знает день, в который я это написал, а как ей это узнать?

Я мог бы написать сегодняшнюю дату, но я пользуюсь календарем собственного изобретения, и вряд ли 16 изобрела такой же календарь, как и я.

ПОСТСКРИПТУМ: СЕГОДНЯ ВТОРОЙ ДЕНЬ НОВОЛУНИЯ. ПОТОП БУДЕТ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПЕРВОЙ ЛУННОЙ ЧЕТВЕРТИ.

Теперь оставалось только надеяться, что 16 не перестала бывать в этом Зале и увидит мое

предостережение.

До начала Потопа мне следовало убрать все мои пластмассовые миски — те, в которые я собираю Пресную Воду, — чтобы их не унесло. Две из них стояли неподалеку от Шестого северо-западного Зала, в Восемнадцатом северо-западном Зале по другую сторону Двадцать четвертого Вестибюля. Я решил забрать их сразу, коли уж оказался поблизости.

Я вошел в Двадцать четвертый Вестибюль. Он примечателен мелким отлогим валом из белой мраморной гальки, частично закрывающим вход на Лестницу в Нижние Залы. Гальку эту за долгие годы нанесли сюда Приливы. Она гладкая, округлая, приятная на ощупь, белая-пребелая и немного просвечивает. Я много раз перебирался через этот вал, когда шел ловить рыбу и собирать моллюсков. Случалось, что при этом несколько камешков осыпались, но не столько, чтобы изменилась общая форма вала.

Сейчас, войдя в Зал, я первым делом заметил, что часть гальки забрали: сбоку у вала была выемка, которой прежде не было. Я изумился. Кто мог такое сделать? Грачи и вороны иногда берут в клюв камешки, чтобы разбивать моллюсков, но птицы не станут без причины перетаскивать

столько гальки.

Я огляделся. Что-то белое было разбросано на Плитах в северо-восточном углу Вестибюля.

Я подошел туда. Слишком поздно до меня дошло, что камешки составляют формы. Слова! Слова, которые сложила 16! Прежде чем отвести глаза, я успел прочесть всю надпись. Буквы примерно 25 сантиметров высотой гласили:

ТЫ МЭТЬЮ РОУЗ СОРЕНСЕН?

Мэтью Роуз Соренсен. Имя. Три слова, составляющие имя.

Мэтью Роуз Соренсен…

Во мне возник образ, словно память или видение.

…Я как будто стоял на пересечении множества улиц в городе. Темный дождь лился на меня с темного неба. Огни, огни, огни горели повсюду! Они были многоцветные и все отражались в мокром асфальте. Здания высились со всех сторон. Мимо проносились автомобили. На зданиях были написаны слова и нарисованы изображения. Темные формы наполняли улицы; я сперва подумал, это статуи, но они двигались, и я понял, что это — люди. Тысячи тысяч людей. Много больше, чем я когда-либо воображал. Слишком много людей. Разум не мог вместить мысль о таком

многолюдстве. И все пахло дождем, металлом и затхлостью. У видения было имя, и это имя было…

Но в тот самый миг, когда слово забрезжило на краю сознания, оно исчезло, и видение тоже. Я снова был в Реальном Мире.

Я зашатался и чуть не упал. В голове плыло, я задыхался, во рту пересохло.

Я посмотрел на Статуи по Стенам Вестибюля.

— Воды, — обратился я к ним. — Дайте мне попить.

Однако они всего лишь Статуи и не могли принести мне воды. Они лишь смотрели на меня с Благородным Спокойствием.

Я…

Третья запись от Двадцать первого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

16 нашла способ исполнить свой черный замысел и свести меня с ума! Я стер ее последнее послание, и что она сделала? Сложила послание, которое я не мог уничтожить, не прочитав!

Ты Мэтью Роуз Соренсен?

Я… Я запнулся. *Я…*

Поначалу мне не удавалось выговорить больше ни слова.

Я… Я Возлюбленное Дитя Дома.

Да.

И тут же я почти успокоился. Нужно ли мне быть кем-то еще? Вряд ли. Следом пришла еще

одна мысль.

Я — Пиранези.

Однако я знал, что не верю в это по-настоящему. Пиранези не мое имя. (Я почти уверен, что Пиранези не мое имя.)

Как-то я спросил Другого, почему он называет меня Пиранези.

Он рассмеялся неловким смехом. *А, это* (сказал он). *Ну, наверное, поначалу это была вроде как шутка. Надо же было как-то тебя называть. А имя тебе подходит. Оно ассоциируется с лабиринтами. Ты ведь не против? Если против, я не буду.*

Я не против, ответил я. *И тебе действительно надо как-то меня называть.*

Сейчас, когда я пишу, Тишина Дома как будто наэлектризована предчувствием. Он словно чего-то ждет.

Ты Мэтью Роуз Соренсен?

Как я могу ответить на вопрос, если не знаю, кто такой Мэтью Роуз Соренсен? Быть может, надо посмотреть Мэтью Роуза Соренсена в Указателе?

Я пошел в Восемнадцатый северо-западный Зал и долго пил воду. Она была свежайшей (всего несколько часов назад в Зале висело Облако) и восхитительно вкусной. Я немного постоял, затем пошел во Второй северный Зал, где держу

Дневники и Указатель.

Ты Мэтью Роуз Соренсен?

Из-за того что у Мэтью Роуза Соренсена три имени, его не сразу удалось найти в Указателе. Сперва я искал его на «С». Ничего. Посмотрел на «Р». Там было три рубрики:

Роуз Соренсен, Мэтью: публикации 2006–2010: д. 21, с. 6

Роуз Соренсен, Мэтью: публикации 2011–2012: д. 21, с. 144–145

Роуз Соренсен, Мэтью: биографическая справка для «Отверженных и ослепленных»: д. 22, с. 200

Последняя рубрика выглядела многообещающе.

Мэтью Роуз Соренсен — англичанин, сын полудатчанина-полушотландца и уроженки Ганы. Поступил сперва на математический факультет, однако вскоре заинтересовался другими областями (философия математики, история идей). В настоящее время изучает трансгрессивное мышление. Пишет книгу о Лоренсе Арн-Сейлсе, человеке, который пошел против науки, разума и закона.

Интересно, что Мэтью Роуз Соренсен считал Лоренса Арн-Сейлса врагом Науки и Разума. Тут он

ошибся. Пророк — ученый и поборник Разума.

— Я с тобой не согласен, — произнес я вслух.

Мне хотелось вызвать Мэтью Роуза Соренсена, каким-то способом выманить его наружу. Если он и впрямь некая забытая часть меня, то не любит возражений — он будет отстаивать свою позицию.

Не сработало. Он не выглянул из какого-то потайного уголка души. Он оставался пустотой, молчанием, лакуной.

Я перешел к следующим двум записям.

Первая представляла собой просто список.

«Сейчас и здесь, сейчас, всегда»[36]: Пьесы о времени Дж. Б. Пристли[37] // Темпус. — Т. 6. — С. 85–92.

Принять / Потерпеть / Ошельмовать / Уничтожить: Как научный мир обходится с нетрадици-

---

[36] Примечания: 36

«Сейчас и здесь, сейчас, всегда»… — строка из стихотворения Т. С. Элиота (1888–1965) «Литтл-Гиддинг» (1942; перев. А. Блейз).

[37] Примечания: 37

Пьесы о времени Дж. Б. Пристли. — Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) — английский драматург и прозаик. «Пьесами о времени» называют его произведения, написанные под влиянием идей Дж. У. Данна (см. прим. к с. 153). Так, в драме «Опасный поворот» (1932) мы видим два возможных варианта событий, один из которых приводит к трагическому финалу. Второе действие «Времени и семьи Конвей» (1937) показывает события, которые произойдут/произошли через восемнадцать лет после первого и третьего актов — это героиня прозревает будущее, а точнее, выходит за пределы линейного времени.

онными идеями. — Издательство Манчестерского университета, 2008.

Источники нетрадиционной математики: Сриниваса Рамануджан и богиня // Ежеквартальный сборник истории мысли. — Т. 25. — С. 204–238. Издательство Манчестерского университета.

Следующая запись была в таком же духе.

Время-шремя: «Не моргай» Стивена Моффата и теория времени Дж. У. Данна // Журнал времени, пространства и всего остального[38]. — Т. 64. — С. 42–68. Издательство Миннесотского университета.

«Крыльев мельничных круженье у тебя в воображенье».[39] Роль лабиринтов в эксплуатации Арн-Сейлсом своих последователей // Обозрение психоделики и контркультуры. — Т. 35. — Вып. 4.

---

[38] Примечания: 38

Время-шремя: «Не моргай» Стивена Моффата и теория времени Дж. У. Данна // Журнал времени, пространства и всего остального. — «Время-шремя» — ставший поговоркой и мемом оборот из серии «Не моргай» (2007) британского фантастического сериала «Доктор Кто» (1963–1989, 1996, 2005 — наст. вр.). Выражение «timey-wimey» («время-шремя» — в перев. М. Шмидт) означает нелинейную природу времени, как его видит инопланетянин, главный герой сериала. В 2009 г. Стивен Моффат (р. 1961), сценарист «Не моргай», принял на себя руководство сериалом, и «петли времени», когда причины и следствия меняются местами, стали отличительной чертой «Доктора Кто» на следующие шесть сезонов, до 2017 г. включительно. «Журнал времени, пространства и всего остального» назван так в честь «главного вопроса Жизни, Вселенной и всего остального» из «Путеводителя по Галактике для путешествующих автостопом» (1978) Дугласа Адамса (1952–2001).

Кстати, Адамс в 1979–1980 гг. был главным редактором «Доктора Кто».

[39] Примечания: 39

«Крыльев мельничных круженье у тебя в воображенье» — строки из песни Мишеля Леграна на слова Алана и Мэрилин Бергман «The Windmills of Your Mind» (1968). С лабиринтами ассоциируются многие отрывки из песни («подобно кругу в спирали, подобно колесу в колесе», «подобно туннелю, из которого попадаешь в другой туннель» и пр.).

Горгулья на крыше собора. Лоренс Арн-Сейлс и научный мир // Ежеквартальный сборник истории мысли. — Т. 28. — С. 119–152. Издательство Манчестерского университета.

Особое мышление: очень короткое введение в тему. — Издательство Оксфордского университета, пуб. 31, май 2012.

«Архитектура путешествий во времени»: статья о Поле Енохе и Брэдфорде[40] в «Гардиан», 28 июля 2012.

Я разочарованно фыркнул. Никаких новых сведений! Ровным счетом ничего, помимо того, что Мэтью Роуз Соренсен интересовался Лоренсом Арн-Сейлсом (а это никак не выделяло его среди других обитателей Мира). У меня было сильнейшее желание встряхнуть Дневник, как будто из него можно вытрясти больше сведений.

Долгое время я сидел и раздумывал.

Одного человека я еще в Указателе не искал — Другого. До сих пор мне такая мысль не приходила. Но возможно, если почитать про Другого и там найдутся упоминания Мэтью Роуза Соренсена, то… То что? Я задумался. Возможно, удастся

---

[40] Примечания: 40

…статья о Поле Енохе и Брэдфорде… — Брэдфорд — город в Западном Йоркшире. Пол Енох — вымышленный архитектор.

понять, знал ли Другой Мэтью Роуза Соренсена и, в конечном счете, действительно ли я был Мэтью Роузом Соренсеном.

Я рассудил, что вреда от этого не будет. Собственно, из всех имен Мира, которые я мог посмотреть, имя Другого сулило наименьшую опасность. Мы с ним много лет дружим. Я открыл указатель на «О», где, я помнил, была рубрика «Обитатель Дома Другой». Я насчитал семьдесят четыре подрубрики. О Другом я писал больше, чем почти на все остальные темы. Собственно, мне даже пришлось отвести под букву «О» две страницы от «П», чтобы все уместить.

Я нашел:

О. Д. Другой, ритуалы, которые он совершает

О. Д. Другой, рассуждения о Великом Тайном Знании

О. Д. Другой одалживает мне фотоаппарат, чтобы я сфотографировал Затопленные Залы

О. Д. Другой просит меня составить для него карту Звезд

О. Д. Другой просит меня нарисовать карту Залов, непосредственно примыкающих к Первому Вестибюлю

О. Д. Другой высказывает предположение, что Статуи образуют своего рода шифр, который мы

можем разгадать

И так далее, и так далее до самых свежих рубрик:

О. Д. Другой произносит бессмысленное слово «Шарф-бери», чтобы проверить мою память
О. Д. Другой дарит мне ботинки

Я по диагонали просмотрел несколько записей. Прочел, как Другой совершал различные Ритуалы, в которых я участвовал. Прочел, как умен Другой, как талантлив и красив, как научно он мыслит. Прочел подробные описания его костюмов. Все это было занятно, однако не помогало разрешить нынешнее затруднение. В отличие от записей о Стэнли Овендене, Маурицио Джуссани, Сильвии Д'Агостино и Лоренсе Арн-Сейлсе, записи о Другом не содержали ничего для меня нового. Там не было мудреных слов и фраз, как будто пульсирующих потаенным смыслом (таких как «Уэлли-Рейндж» или «медицинская клиника»). Все те события я отчетливо помнил. И ни в одной записи не упоминался Мэтью Роуз Соренсен.

Я вспомнил, что Пророк называл Другого «Кеттерли», и открыл букву «К».

Там нашлось восемь записей. Первая была на странице 187 Дневника № 2 (бывшего Дневника

№ 22).

Д-р Валентайн Эндрю Кеттерли. Родился в 1955 г. в Барселоне. Вырос в Пуле, графство Дорсетшир. (Кеттерли — старинный дорсетширский род.) Отец — полковник Ранульф Эндрю Кеттерли, военный и оккультист.

Валентайн Кеттерли учился у Лоренса Арн-Сейлса, затем получил место научного сотрудника на кафедре социальной антропологии Манчестерского университета.

Женился на Клеменс Юбер в 1985 г. Развелся в 1991 г. Двое детей. В 1992-м Кеттерли уехал из Манчестера и получил место преподавателя в Лондонском университетском колледже. В июне того же года написал в «Таймс» письмо, где публично обличил Лоренса Арн-Сейлса, обвиняя его в том, что он злонамеренно обманывал студентов, пичкая их псевдомистицизмом и сказочками про иные миры. Кеттерли призвал Манчестерский университет уволить Арн-Сейлса. (Что и было сделано, однако лишь в 1997 г., когда Арн-Сейлса арестовали за незаконное удержание человека.)

В последующие годы Кеттерли отказывался отвечать на вопросы об Арн-Сейлсе.

Вопрос: стоит ли связаться с Кеттерли и про-

верить, не скажет ли он что-нибудь мне? Живет где-то в районе Шафтсбери-парка[41].

Задание для себя: подготовить список вопросов к д-ру Кеттерли.

Я снова читал привычную мешанину слов, имеющих четкий смысл, и слов, значенье которых темно, — если они вообще что-нибудь значат. Я с интересом отметил новое появление загадочного «Шафтсбери» (и узнал, что оно пишется несколько иначе, чем я услышал, и без дефиса).

Я вернулся к Указателю, чтобы найти следующую запись, и тут заметил некоторую странность. Оставшиеся записи — всего семь — шли одна за другой. Последние десять страниц Дневника № 22 и первые тридцать две Дневника № 23 были целиком посвящены Кеттерли.

Я открыл Дневник № 2 (бывший Дневник № 22). Последние десять страниц — те самые, нужные — отсутствовали; остались только оборванные края у самого корешка. Я открыл Дневник № 3 (бывший Дневник № 23) — то же самое. Первые тридцать две страницы со сведениями о Кеттерли были вырваны.

Это чрезвычайно меня озадачило.

---

[41] Примечания: 41

Шафтсбери-парк — жилой район в Баттерси (юго-западный Лондон).

Кто мог вырвать страницы? Пророк? Он очень не любит Кеттерли. Возможно, он по злобе уничтожил записи о своем враге? Или 16? Она ненавидит Разум и Знания. Быть может, она также ненавидит Письмо, ибо через него Знания передаются от одного человека к другому. Нет, вряд ли. 16 прибегла к Письму, чтобы оставить мне длинное сообщение. Да и в любом случае как бы Пророк или 16 нашли мои Дневники? Они (как я уже объяснял) хранятся в сумке, спрятанной за Статуей Ангела, застрявшего в Розовом Кусте, в северо-восточном углу Второго северного Зала. Это одна Статуя из тысяч, из миллионов. Откуда он или она знали бы, где искать?

Я сидел и думал долгое время. Я не помнил, чтобы вырывал эти страницы. Но кто еще мог их вырвать? И я уже убедился, что не помню многих событий. Не помню многое из того, что делал сам (например, писал эти страницы). А значит, я мог их вырвать.

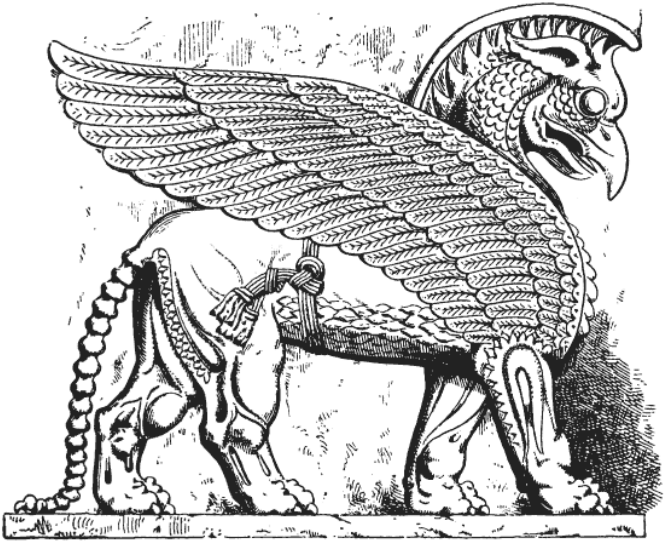
Но если я вырвал страницы, то что с ними сталось? Куда я их дел?

Я взял клочки, которые нашел в Восемьдесят восьмом западном Зале, и разложил некоторые перед собой, чтобы получше рассмотреть. На одном — угловом — стояло число 231. Это был

номер страницы из Дневника № 2.

Быстро — почти лихорадочно — я принялся складывать обрывки. Примерно тридцать записей относились к периоду, который я обозначил «15 сентября 2012 г. — 20 декабря 2012 г.». Самая длинная из них была озаглавлена: «События 15 ноября 2012 г.»

Часть пятая
Валентайн Кеттерли



События 15 ноября 2012 г.

Я пришел к нему в середине ноября. Был пятый час, холодные синие сумерки. День выдался непогожий, фары машин дробились на пиксели дождем, асфальт пестрел коллажем из мокрых листьев.

На подходе к дому я услышал музыку. Реквием. Под Берлиоза я нажал кнопку звонка и стал ждать.

Дверь открылась.

— Доктор Кеттерли? — спросил я.

Передо мной стоял высокий худощавый мужчина на шестом десятке. Красивый. Голова аскета с высокими скулами и лбом. Глаза и волосы темные, кожа смуглая. Залысины, но небольшие. Аккуратная, чуть заостренная бородка. Проседь в бородке заметнее, чем в волосах.

— Да, — сказал он. — А вы Мэтью Роуз Соренсен.

Я подтвердил.

— Заходите, — сказал он.

Помню, что запах дождя, пронизывающий улицу, не исчез в прихожей, а как будто усилился; в доме пахло дождем, облаками и воздухом — безграничным пространством. Пахло морем.

Что было очень странно для многоподъездного викторианского дома в Шафтсбери-парке.

Он провел меня в гостиную. Все еще звучал Берлиоз[42]. Кеттерли прикрутил звук, но музыка оставалась фоном нашего разговора: саундтрек

---

[42] Примечания: 42

Все еще звучал Берлиоз… саундтрек катастрофы. — Драматичное звучание «Реквиема» (1837) французского композитора Гектора Берлиоза (1803–1869) достигается в том числе необычайно большим количеством исполнителей: свыше четырехсот музыкантов и хористов (а в некоторых частях, по авторскому замыслу, петь должны семьсот-восемьсот человек).

катастрофы.

Я снял сумку с плеча и положил на пол. Кеттерли принес кофе.

— Насколько я знаю, вы ученый, — начал я.

— Был ученым, — чуть устало объяснил он. — Лет пятнадцать назад. Сейчас я частнопрактикующий психолог. Научный мир меня не принял. У меня были неправильные идеи, неправильные друзья.

— Как я понимаю, сотрудничество с Арн-Сейлсом не прибавило вам симпатий со стороны коллег?

— Именно. Люди по-прежнему думают, будто я знал о его преступлениях. Это неправда.

— Вы с ним видитесь? — спросил я.

— О господи, нет, конечно! Уже лет двадцать. — Он раздумчиво глянул на меня. — А вы говорили с Лоренсом?

— Нет. Разумеется, я ему писал. Однако он пока отказывается со мной встречаться.

— Похоже на него.

— Я думал, может быть, он не хочет со мной говорить, потому что стыдится прошлого.

Кеттерли коротко, невесело хохотнул.

— Вряд ли. Лоренс ничего не стыдится. Он просто все делает назло. Если кто-нибудь скажет

«белое», он скажет «черное». Если вы говорите, что хотите с ним увидеться, он не захочет вас принять. Вот такой он.

Я поднял с пола сумку и достал дневник. Помимо нынешнего дневника, со мной был предыдущий (к которому я обращался почти каждый день), указатель к дневникам и пустая тетрадь, в которой я собирался начать следующий (нынешняя была исписана почти до конца).

Я открыл нынешний дневник и начал писать.

Кеттерли смотрел на меня с интересом.

— Вы пишете ручкой на бумаге?

— Я пишу заметки в формате дневника. Для меня это самый удобный способ упорядочить информацию.

— А вы хороший архивист? — спросил он. — В целом.

— Я превосходный архивист. В целом.

— Занятно, — проговорил он.

— А что? Хотите предложить мне работу? — спросил я.

Кеттерли рассмеялся.

— Не знаю. Может быть. — Он помолчал. — Так зачем вы ко мне пришли?

Я объяснил, что интересуюсь трансгрессивными идеями, людьми, которые их выдвигают, и

тем, как их принимают в различных областях — религии, живописи, литературе, естественных науках, математике и так далее.

— А Лоренс Арн-Сейлс — идеальный образец трансгрессивного мыслителя, — продолжал я. — Он преступил множество границ. Он писал о магии, делая вид, будто это наука. Он убедил группу чрезвычайно умных людей в существовании иных миров, куда якобы может их взять. Он был геем, когда это преследовали по закону. Он похитил человека, и никто до сих пор не знает зачем.

Кеттерли не отвечал. К своей досаде, я ничего не мог прочесть на его лице. Если оно что и выражало, то, скорее, скуку.

— Понимаю, все это было давно, — добавил я, стараясь изобразить сочувствие.

— У меня превосходная память, — холодно ответил он.

— О. Замечательно. Сейчас я пытаюсь восстановить картину того, что происходило в Манчестере в середине восьмидесятых. Каково это было — работать с Арн-Сейлсом. Какая была атмосфера. О чем он с вами разговаривал. Чем вас заворожил. Все такое.

— Да-а, — задумчиво протянул Кеттерли, обращаясь к самому себе, — говоря о Лоренсе, всегда

употребляют это слово. «Заворожил».

— Вам оно не нравится?

— Конечно, это чертово слово мне не нравится, — раздраженно ответил он. — Вы говорите так, будто Лоренс был кем-то вроде циркового фокусника, а мы — восторженными идиотиками. Все было совершенно иначе. Он любил, когда с ним спорят. Когда защищают рационалистическую точку зрения.

— А потом?..

— Потом он разбивал вас в пух и прах. Его теории были не просто дым и зеркала. Далеко не так. Он все продумал. Не оставил ни одного логического изъяна. И он не боялся соединять разум с воображением. О мышлении досовременного человека он рассказывал убедительнее всех, кого я знаю. — Кеттерли помолчал. — Я не отрицаю, что он прибегал к манипуляциям. Безусловно, и такое бывало.

— Но вы же только что сказали…

— На личном уровне. В личных отношениях Лоренс еще тот манипулятор. На интеллектуальном уровне он был честен, на личном — хитер, как черт. Взять хоть Сильвию.

— Сильвию Д'Агостино?

— Странная девушка. Беззаветно преданная

Лоренсу. Единственный ребенок в семье. Очень любила родителей, особенно отца. Оба они — Сильвия и ее отец — были талантливыми поэтами. Лоренс велел ей порвать с родителями, и она послушалась. Послушалась, потому что Лоренс так велел и потому что Лоренс — это волхв[43] и великий чародей, который поведет нас в новую эру человечества. Он ничего не выигрывал от ее разрыва с родителями. Это не обещало ему ни малейших выгод. Лоренс так поступил, потому что ему нравилась власть над людьми. Ему хотелось причинить боль ей и ее родителям. Он поступил так из жестокости.

— Сильвия Д'Агостино — одна из исчезнувших, — заметил я.

— Мне ничего об этом не известно, — ответил Кеттерли.

— Я не думаю, что вы вправе назвать его интеллектуально честным. Он говорил, что бывал

---

[43] Примечания: 43

...Лоренс — это волхв... — Вероятно, отсылка к роману английского прозаика Джона Фаулза (1926–2005) «Волхв» (1965), главный герой которого — «чародей», манипулирующий наивным повествователем. Последние сорок лет жизни, как раз с 1965 г., писатель провел неподалеку от Лайм-Риджеса — того самого города, откуда родом Арн-Сейлс (см. прим. к с. 219). Фаулз, как и герой Кларк, любил говорить о своей ненависти к «мещанской посредственности» и «вульгарности». В интервью 2004 г. Кларк назвала Фаулза в числе самых переоцененных, по ее мнению, авторов.

в иных мирах. Он говорил, что другие там тоже бывали. Как-то это не совсем честно, а?

Возможно, я произнес это с некоторым высокомерием, которое лучше было бы скрыть, но я всегда любил побеждать в спорах.

Кеттерли нахмурился. Он как будто боролся с желанием что-то сказать. Он открыл рот, но передумал и, чуть помолчав, заметил:

— Вы мне не слишком нравитесь.

Я рассмеялся:

— Переживу.

Наступило молчание.

— Как по-вашему, отчего лабиринт? — спросил я.

— О чем вы?

— Отчего, по-вашему, он описывал иной мир — тот, в котором, по его словам, бывал чаще всего, — как лабиринт?

Кеттерли пожал плечами:

— Видение космического величия, думаю. Символ двуединства красоты и ужаса бытия. Никто не выходит оттуда живым.

— О'кей. Но я все равно не понимаю, как он убедил вас в его существовании. Мира-лабиринта то есть.

— По его указанию мы совершили ритуал,

который должен был нас туда перенести. Некоторые аспекты ритуала обладали определенным… воздействием, наверное. В них присутствовал элемент внушения.

— Ритуал? Серьезно? Мне казалось, Арн-Сейлс считал ритуалы чепухой. Если не ошибаюсь, он писал об этом в «Полузримой двери».

— Да. Лоренс утверждал, что сам может попасть в мир-лабиринт без всяких ритуалов — ему достаточно изменить состояние своего ума, вернуться к детскому дорациональному мышлению, восприятию мира как чуда. Лоренс уверял, будто может делать это по собственному желанию. Неудивительно, что почти все мы — его ученики — ничего таким способом не добились, поэтому он создал ритуал, с помощью которого мы должны были попадать в лабиринт. Однако Лоренс много раз повторял, что это — уступка нашей неспособности.

— Ясно. Почти все?

— Что?

— Вы сказали, почти все его ученики не могли войти в лабиринт без ритуала. Это подразумевает, что кто-то мог.

Короткое молчание.

— Сильвия. Сильвия думала, что может по-

падать туда так же, как Лоренс. Возвращаясь к восприятию мира как чуда. Она была странная девушка, я же говорил. Поэтесса. Жила в собственных фантазиях. Кто знает, что ей там чудилось.

— А вы его когда-нибудь видели? Лабиринт?

Кеттерли задумался.

— По большей части я ощущал то, что можно назвать намеками. Это было чувство, будто я стою в очень большом пространстве — не только широком, но и бесконечно высоком. И, как ни трудно это признать, да, однажды я его видел. В смысле, один раз думал, что увидел.

— И как это выглядело?

— Как описывал Лоренс. Бесконечная череда классических помещений.

— И что, по-вашему, это значило? — спросил я.

— Ничего. Думаю, это не значило ровным счетом ничего.

Недолгое молчание. Внезапно он спросил:

— Кто-нибудь знает, что вы здесь?

— Простите? — Вопрос показался мне странным.

— Вы сказали, что знакомство с Арн-Сейлсом загубило мою научную карьеру. Однако вы сами, ученый, задаете вопросы, снова вытаскиваете все это на свет. Мне просто любопытно, отчего вы

не проявили чуть больше осторожности. Вы не боитесь запятнать свою безупречную научную репутацию?

— Не думаю, что мой подход кого-нибудь смутит, — сказал я. — Книга об Арн-Сейлсе — часть более обширного исследования, посвященного трансгрессивному мышлению. Я вроде бы уже объяснял.

— А, ясно. Так вы многим рассказали, что едете ко мне? Всем вашим друзьям?

Я нахмурился:

— Нет, никому не говорил. У меня нет привычки рассказывать, куда я еду. Но не потому, что…

— Любопытно, — заметил он.

Мы глядели друг на друга со взаимной неприязнью. Я уже собирался встать и уйти, когда Кеттерли вдруг сказал:

— Вам правда хочется понять Лоренса и почему мы ему верили?

— Да, — ответил я. — Конечно.

— В таком случае нам нужно совершить ритуал.

— Ритуал? — удивился я

— Да.

— Тот самый, что…

— Тот самый, что открывает путь в лабиринт.

Да.

— Что? Сейчас? — Его предложение слегка выбило меня из колеи. (Но не испугало. Чего тут было бояться?) — Вы его еще помните?

— О да. Как я уже говорил, у меня превосходная память.

— Я… э… Надолго это? А то мне нужно…

— Это займет двенадцать минут, — ответил он.

— О! Ну, о'кей. Конечно. Почему бы нет? — Я встал. — Мне же не придется принимать наркотики? Это как-то не очень…

Кеттерли рассмеялся тем же презрительным смехом.

— Вы только что выпили чашку кофе. Этого вполне достаточно.

Он опустил жалюзи. Взял с каминной полки подсвечник со свечой. Подсвечник был старинный, бронзовый, с квадратным основанием и выбивался из остальной обстановки — современной, минималистичной, европейской.

Кеттерли велел мне встать перед дверью гостиной, лицом к коридору, на месте, где не было мебели.

Он взял мою сумку — ту, где лежали дневники, указатель, ручки, — и повесил мне на плечо.

— Это зачем? — хмурясь, спросил я.

— Вам понадобятся ваши тетради для заметок, — ответил он. — Когда попадете в лабиринт.

У него своеобразное чувство юмора.

(Выводя эти строки, я чувствую, как на меня накатывает ужас. Я знаю, что будет. Рука дрожит, мне приходится сделать перерыв, чтобы унять дрожь. Однако тогда я ничего не ощутил, никакого зловещего предчувствия.)

Он зажег свечу и поставил ее в коридоре сразу за дверью. Пол в коридоре был такой же, как в гостиной: толстые дубовые доски. Я заметил темное пятно там, куда Кеттерли поставил свечу, как будто от воска, а внутри пятна — более светлый квадрат точно по размеру подсвечника.

— Сосредоточьтесь на свече, — велел Кеттерли.

Я стал смотреть на пламя.

Однако думал о темном пятне и светлом квадрате точно по размеру подсвечника. Тогда-то я и понял, что Кеттерли лжет. Свеча стояла на этом самом месте много-много раз, он совершал ритуал снова и снова. Он по-прежнему верит. По-прежнему думает, что может проникнуть в иной мир.

Я не боялся, мне было, скорее, забавно. Я начал сочинять вопросы, которые задам после ритуала,

чтобы уличить его в обмане.

Он выключил свет. В доме стало темно, только на полу горела свеча и сквозь жалюзи пробивался оранжевый свет уличных фонарей.

Кеттерли встал у меня за спиной и велел мне не сводить глаз со свечи. Потом заговорил речитативом на языке, которого я прежде не слышал. По сходству с валлийским и корнуэльским я предположил, что это бриттский. Думаю, если бы я не разгадал его секрет раньше, то к этому времени точно бы догадался. Он декламировал с убеждением, с жаром, как будто безусловно верит в то, что делает.

Я несколько раз слышал имя «Аддедомар».

— Теперь закройте глаза, — сказал Кеттерли.

Я подчинился.

Он продолжил декламацию. Некоторое время я радовался, что разгадал его секрет, потом мне стало скучно. Кеттерли уже не говорил, а завывал по-звериному: звук начинался у него в животе, очень низкий, затем становился выше, громче, противоестественней.

Все изменилось.

Ощущение было, как будто мир просто остановился. Кеттерли умолк. Берлиоз оборвался на полузвуке. Я по-прежнему стоял с закрытыми

глазами, но темнота за сомкнутыми веками стала другой — более серой. Воздух стал холоднее, сырее, как в тумане. Я подумал, не распахнулась ли дверь, но на это было не похоже, поскольку в то же мгновение оборвался лондонский шум. Вокруг меня волны разбивались о стены, глухой рокот гулко отдавался в колоссальном пустом пространстве. Я открыл глаза.

Перед мной вставали исполинские стены. Восемь мраморных минотавров нависали надо мной, омрачая своими громадами помещение, их мощные рога пронзали воздух, звериные морды были угрюмы и непроницаемы.

Я, не веря своим глазам, обернулся.

Кеттерли стоял в рубашке без пиджака, абсолютно спокойный и смотрел на меня с улыбкой, как будто я — исключительно удачно прошедший эксперимент.

— Извините, что не сказал ничего раньше, — улыбнулся он, — но я правда очень рад вас видеть. Здоровый молодой человек — как раз то, что мне нужно.

— Верните все обратно! — заорал я.

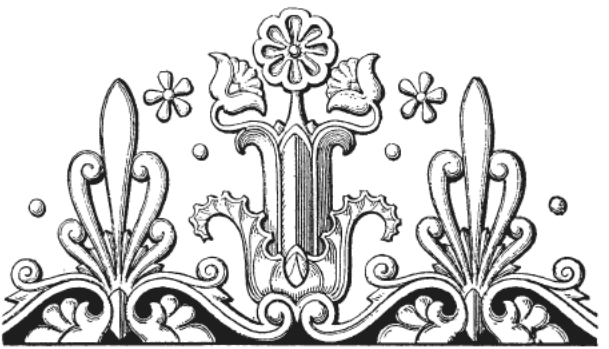
Он рассмеялся.

И смеялся, и смеялся, и смеялся.

Часть шестая
Волна

Я ошибался!

Четвертая запись от Двадцать первого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Я сидел, скрестив ноги, с Дневниками на коленях, передо мной были сложенные обрывки бумаги. Я чуть повернулся, боясь их забрызгать, и сблевал на Плиты. Меня трясло.

Я принес себе попить, а заодно тряпку и еще немного воды, чтобы убрать рвоту.

Я ошибался. Другой мне не друг. И никогда им

не был. Другой мне враг.

Меня по-прежнему трясло. Настолько, что я не мог поднести к губам чашку с водой.

Когда-то я знал, что Другой мне враг. Вернее, это знал Мэтью Роуз Соренсен. Но, забыв Мэтью Роуза Соренсена, я забыл и это.

Я забыл, но Другой-то помнил. Теперь я понимал: он боится, что я вспомню. Он называл меня Пиранези, чтобы не произносить имя Мэтью Роуза Соренсена. Он говорил слова вроде «Шафтсбери» и смотрел, не пробудят ли они воспоминания. Я ошибался, когда сказал, что Шафтсбери — бессмыслица. Это слово, имевшее смысл для Мэтью Роуза Соренсена.

Но почему Другой помнит, а я — нет?

Потому что он не остается в Доме, а возвращается в Иной Мир.

Озарения приходили одно за другим. Голова как будто трещала под их весом. Я стиснул ее руками и застонал.

Я не могу долго тут оставаться, сказал Пророк. *Я слишком хорошо знаю, чем чревато долгое пребывание в этом месте: амнезией, полной утратой рассудка, и так далее, и так далее.* Другой, подобно Пророку, никогда надолго тут не задерживается. Наши с ним встречи длятся не больше

часа. Потом он уходит — уходит в Иной Мир.

Но что сделать, чтобы наверняка не забыть снова? Я представил, что все забываю, вновь становлюсь его другом и бегаю по дому — измеряю, фотографирую, собираю для него сведения, а он все это время надо мной смеется! Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет! Ни за что! Я сжал голову руками, как будто мог силой удержать в ней воспоминания.

Я возьму пример с 16, соберу в Вестибюлях мраморную гальку и выложу буквы. Метровые буквы! ПОМНИ! ДРУГОЙ ТЕБЕ НЕ ДРУГ! ОН ХИТРОСТЬЮ ЗАМАНИЛ МЭТЬЮ РОУЗА СОРЕНСЕНА В ЭТОТ МИР РАДИ СОБСТВЕННОЙ ВЫГОДЫ! Если надо будет, я наполню один Зал за другим огромными надписями!

…ради собственной выгоды… Да, да! Вот и объяснение! Вот зачем он заманил сюда Мэтью Роуза Соренсена. Другому нужен был кто-то — раб! — кто жил бы в этих Залах и собирал для него сведения. Сам он боялся этим заниматься — боялся, что Дом сотрет его воспоминания.

Во мне вскипела жгучая ярость.

Зачем, зачем я сказал ему о Потопе? Если бы только я прочел это все раньше! Я бы мог умолчать про Потоп! Дождался бы четверга, ушел в

Высокое Безопасное Место и оттуда смотрел бы, как он тонет. Да! Именно этого я теперь хочу! Я вернусь к Другому. Буду улыбаться, смотреть, как обычно, и обману его, как он обманул меня. Скажу, что ошибся насчет Потопа. Никакого Потопа не будет. Приходи в четверг! Будь в этих Залах, прямо посередине!

Но конечно, Другой сказал, что не будет здесь в четверг. Он никогда не бывает здесь по четвергам. Он будет в безопасности в своем Мире. Не важно! Ярость подсказала мне хитрый план. Во вторник Другой придет на встречу — он всегда приходит по вторникам. Я схвачу его и — вот этими руками! — свяжу рыболовной сетью. У меня две сети. Они из синтетического волокна и очень прочные. Я привяжу его к Статуям во Втором юго-западном Зале. Два дня он будет связан. Будет мучиться, зная, что грядет Потоп. Может, я принесу ему попить. Может, нет. Может, я скажу: «Скоро у тебя будет вдоволь Воды!» А в четверг Приливы хлынут в Двери, и он будет вопить и вопить. А я буду смеяться и смеяться. Буду смеяться так же громко и долго, как он смеялся над Мэтью Роузом Соренсеном, когда обманом заманил его сюда…

И тут я забылся…

Я забылся в долгих, отвратительных мечтах о

мести. Я не вспоминал об отдыхе. Не думал о том, чтобы поесть или попить. Шли часы. Не знаю сколько. Я бродил по Залам, и вновь и вновь в моем воображении Другой тонул или падал с Высоты. Иногда я выкрикивал ему в лицо обвинения, иногда надменно молчал, а он тщетно молил объяснить, за что я на него ополчился. И каждый раз я мог его спасти, но не спасал.

Эти фантазии совершенно меня опустошили. Вряд ли я бы так изнемог и обессилел, если бы и впрямь убил кого-нибудь сто раз подряд. У меня болели ноги, спина, голова. Глаза и горло саднило от слез и крика.

Когда наступила ночь, я вернулся в Третий северный Зал, рухнул на лежанку и уснул.

Мой друг — 16, а вовсе не Другой

Запись от Двадцать второго дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром я проснулся разбитый после вчерашнего. Я пошел в Девятый Вестибюль набрать водорослей и моллюсков на завтрак. Все чувства ушли, притупились, желание злиться пропало. Но, несмотря на эту душевную пустоту, иногда с моих губ срывалось рыдание или всхлип — тихий возглас отчаяния.

Вряд ли рыдал я сам. Думаю, рыдал Мэтью Роуз Соренсен, который метался в беспамятстве где-то внутри меня.

Он страдал. Он был один на один с врагом. Он не мог этого вынести. Быть может, Другой насмехался над ним. Мэтью Роуз Соренсен вырвал из Дневника рассказ о том, как попал в рабство,

и разбросал клочки по Восемьдесят восьмому западному Залу. Потом Дом в своем Милосердии погрузил несчастного в сон и упрятал внутри меня.

Собственное имя, написанное галькой в Двадцать четвертом Вестибюле, растревожило его, и он беспокойно заворочался, а осознание того, что сделал Другой, еще ухудшило дело. Я боялся, что он проснется окончательно и меня вновь охватит его гнев.

Я положил руку себе на грудь. *Ш-ш-ш,* сказал я. *Не бойся. Все хорошо. Спи дальше. Я позабочусь о нас обоих.*

И Мэтью Роуз Соренсен вроде бы уснул.

Я вспомнил все те записи в Дневнике, что прочитал раньше, — о Джуссани, Овендене, Д'Агостино и бедном Джеймсе Риттере. Я-то думал, что писал их в помрачении рассудка. Теперь я видел, что ошибся. Их писал не я, а *он.* Более того, он писал их в Ином Мире, где, несомненно, действовали иные Правила, Обстоятельства и Условия. Насколько я могу судить, Мэтью Роуз Соренсен писал это все в здравом уме. Ни он, ни я никогда не были сумасшедшими.

И вновь меня осенило: мое безумие было нужно Другому, а вовсе не 16. Другой лгал, когда говорил,

будто 16 хочет свести меня с ума.

Я сварил бульон из моллюсков и водорослей, позавтракал. Важно было поддерживать телесные силы. Потом я снова взял Дневник и нашел сообщение 16, которое стер, так что остались только фрагменты.

ВАЛЕНТАЙН
КЕТТЕР(ЛИ)
(Б)ЫЛИ НАМЕЧЕНЫ
ДРУГИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ,
И Я
УЧЕНИК ОККУЛЬТИСТА ЛОРЕНСА
АРН-СЕЙ(ЛСА)

Теперь я понимал, что весь этот абзац относится к Кеттерли. 16 говорила не о своих жертвах, а (скорее всего) о жертвах Кеттерли. Заманил ли он в Мир кого-то еще? Или Мэтью Роуз Соренсен был его единственной жертвой? Судя по слову «потенциальный», 16 считала, что других, кроме меня, не было.

(ДУ)МАЮ ОН ЗНАЕТ, ЧТО Я ПРОНИК(ЛА СЮДА)

Это тоже относилось к Кеттерли. 16 сообщала: Кеттерли знает, что она добралась до этих Залов. (А знал он с моих слов. Я мысленно обругал себя

за глупость.)

Так зачем 16 сюда пришла?

Она искала Мэтью Роуза Соренсена. Хотела вызволить его из рабства у Другого. Теперь я отчетливо это понимал. Понимал, что мой друг — 16, а вовсе не Другой.

У меня на глаза навернулись слезы. Она — мой единственный друг, а я от нее прятался.

— Я здесь! Я здесь! — выкрикнул я в Пустоту. — Вернись! Я больше не буду прятаться!

Сколько раз я мог ее найти. Мог заговорить с ней в ту ночь, когда она стояла на коленях в Шестом северо-западном Зале и писала мне сообщение. Мог дождаться ее в Первом Вестибюле, там, где оставался запах духов. А вдруг она меня больше не ищет? Вдруг она обиделась, что я прячусь и стираю ее послания?

Но нет. Она выложила в Двадцать четвертом Вестибюле эти слова: ТЫ МЭТЬЮ РОУЗ СОРЕНСЕН? Нужно очень много времени, чтобы составить слова из гальки. 16 изобретательна, настойчива и терпелива. Она по-прежнему меня ищет.

Может быть, она уже нашла мое предостережение насчет Потопа. И даже написала что-нибудь в ответ. Я вымыл миску и ковшик, в котором варил суп, убрал свои вещи и пошел в Шестой

северо-западный Зал.

При моем появлении грачи загалдели. «Да, да, я тоже рад вас видеть, — сказал я им. — Только у меня сегодня дела, так что я не могу долго с вами разговаривать».

Нового послания от 16 не было. Однако я заметил нечто очень меня встревожившее. Мое предупреждение о Потопе исчезло. Все другие послания были на месте, кроме этого. Я озадаченно смотрел на пустые Плиты. Как такое могло случиться? Да, я многое забываю — неужели я начал вспоминать то, чего не было? Неужели я на самом деле не оставлял этого предупреждения?

Я прошел из Шестого северо-западного Зала в Двадцать четвертый Вестибюль, где 16 сложила для меня слова ТЫ МЭТЬЮ РОУЗ СОРЕНСЕН? Галька была разбросана по Плитам. От надписи ничего не осталось.

Другой. Это он разбросал гальку. У меня не было и тени сомнений.

Я вернулся в Шестой северо-западный Зал и рассмотрел Плиты. На них различались следы мела. Другой стер и это сообщение.

Зачем?

Он разбросал гальку, чтобы я не узнал про Мэтью Роуза Соренсена; это понятно. Однако

зачем стирать предупреждение? В надежде, что 16 случайно забредет в Опасную Область и ее смоет? Нет. Другой не надеется. Он планирует и действует. Он хочет, чтобы 16 утонула, и принимает к этому меры.

Три месяца назад, когда Другой впервые сказал мне про 16, он упомянул, что разговаривал с ней, но, когда я спросил, где происходил их разговор, смутился и не ответил. Это потому, что они встречались в Ином Мире, существование которого он от меня скрывал.

Другой встретится с 16 в Ином Мире и убедит ее прийти в эти Залы в час Потопа. Может быть, уже убедил. 16 в опасности.

Я встал на колени и быстро восстановил предупреждение, стертое Другим. Если 16 придет между сегодняшним днем и четвергом, она увидит послание и узнает о Потопе. И все же… До четверга всего пять дней. Что, если она за это время не придет? Я допускал, что это вполне вероятно. Теперь, когда я знаю, что она приходит откуда-то еще (из Иного Мира), я понимаю, что ее визиты нерегулярны и непредсказуемы. Есть риск, что она не увидит предупреждения, и я за нее волнуюсь. Постоянно думаю о ней, но не могу сообразить, как ее уберечь.

Подготовка к Потопу

Запись от Двадцать шестого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Все Мертвые, за исключением Завалившегося Человека, находятся на пути Потопа. В воскресенье я начал перетаскивать их в безопасность.

Я взял одеяло и переложил на него все кости Человека с Коробкой из-под Печенья — за исключением тех, что в коробке. Потом веревкой

из водорослей стянул одеяло так, что получился тюк, отнес его во Второй Вестибюль и дальше по Лестнице в Верхние Залы. Здесь я развязал одеяло и положил кости на Пьедестал Статуи Пастушки с Ягненком на Руках. Затем сходил за коробкой из-под печенья.

Обитателей Ниши и Скорченное Дитя я тоже перенес по Лестнице — в каждом случае по той, какая ближе к их обычному Местопребыванию, — и аккуратно сложил в каком-нибудь из Верхних Залов. Человека с Рыбьей Кожей я оставил завернутым в одеяло, не стал вынимать (у него столько мелких фрагментов, что я боялся, как бы они не затерялись). Скорченное Дитя я тоже оставил укутанной в одеяло, но больше для того, чтобы ей было не так страшно в незнакомом месте.

На это у меня ушло почти три дня. Кости каждого из Мертвых весят от 2,5 до 4,5 килограмма, а Лестницы имеют высоту 25 метров. Однако я чувствовал, что тяжелая физическая работа мне на пользу, — она отвлекала от беспрерывных мыслей о тех обидах, что причинил мне Другой, и тревоги за 16.

Я не забыл про птенца альбатроса (он уже вырос в очень большую птицу). Я проделал расчеты,

чтобы узнать, насколько сильно зальет Сорок третий Вестибюль, и, к своему облегчению, понял, что если Вода и дойдет туда, то лишь немного намочит Плиты. Альбатросы считают меня другом, но вряд ли позволят мне нести своего птенца по Лестнице — а случись между нами потасовка, они бы меня победили!

Вчера был вторник, день, когда я обычно встречаюсь с Другим. Я не пошел. Заподозрил ли он что-нибудь? Или просто решил, что я занят подготовкой к Потопу?

Статуя Ангела, застрявшего в Розовом Кусте (за которой я храню Указатель и Дневники), стоит примерно в пяти метрах от Пола, так что ее почти наверняка не зальет. Однако, поскольку Указатель и Дневники дороги мне почти как моя Жизнь, я сложил их в сумку, сумку обмотал плотным полиэтиленом, отнес в Верхние Залы и положил возле Человека с Коробкой из-под Печенья. Рыболовные снасти, спальные мешки, кастрюльки, миски, ложки и прочие свои вещи я положил там, где их точно не смоет. Оставалось отнести в надежное место оставшиеся пластмассовые миски (те, в которые я собираю Пресную Воду).

Я как раз забрал последнюю в Четырнадцатом

юго-западном Зале и шел назад в Третий северный. Мой путь проходил через Первый западный Зал — тот, где Рогатые Великаны с Перекошенными Лицами рвутся из Стен по обе стороны восточной Двери.

Я заметил что-то новое в северо-восточном углу и пошел взглянуть. Это оказалась сумка из какой-то серой ткани. Рядом лежали два черных брезентовых предмета. Сумка была примерно 80 сантиметров в длину, 50 в ширину и 40 в высоту и снабжена двумя брезентовыми ручками, тоже серыми. Я поднял ее; она была очень тяжелая, и я поставил ее обратно. Она закрывалась на две металлические пряжки; я расстегнул их, открыл сумку и вытащил содержимое. Там лежали:

• Пистолет

• что-то из плотного тяжелого пластика — синего, черного и серого. Оно было сложено и занимало почти всю сумку.

• маленькая цилиндрическая емкость с герметичной пробкой. Там лежали маленькие предметы неведомого назначения.

• нечто вроде срезанной наискосок части большого цилиндра. От нее отходил желтый шланг.

• две черные пластмассовые палки, которые раздвигались примерно на два метра

• 4 черные лопасти

С минуту я изучал это все и понял, что лопасти надеваются на черные палки. Я развернул пластик — получилось нечто плоское, длинное, заостренное с обоих концов. Лодка. Срезанный цилиндр был чем-то вроде мехов или насоса. Закачиваешь им Воздух в длинное плоское, оно надувается и становится лодкой длиной примерно четыре метра и шириной в метр.

Я осмотрел два черных брезентовых предмета рядом с сумкой. От них отходили многочисленные лямки. Я заключил, что оба они относятся к лодке, однако назначения их угадать не смог.

Почему накануне Потопа в Доме внезапно появилась лодка? Дом подарил ее мне, чтобы я не пострадал? Я обдумал такую возможность. Потопы случались и раньше, но никаких лодок не появлялось, и хотя я мог представить, что Дом послал мне лодку, я не мог вообразить, чтобы он послал мне Пистолет. Нет, Пистолет четко указывал, что хозяин сумки — Другой.

Я сложил лодку и аккуратно убрал все обратно в сумку. Все, кроме Пистолета. Его я некоторое время держал в руках, размышляя. Я мог пойти в Первый Вестибюль и спуститься по Большой Лестнице в Нижние Залы. И там бросить Писто-

лет в Прилив.

Я положил Пистолет в сумку, застегнул пряжки и вернулся в Третий северный Зал.

Волна

Запись от Двадцать седьмого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня был день Потопа. Я проснулся в обыч-

ное время. Все нервы были напряжены, живот сводило от беспокойства.

Похолодало, и по ощущению Воздуха на коже я мог сказать, что в Вестибюлях уже начался дождь.

Есть не хотелось, тем не менее я согрел немного бульона и заставил себя позавтракать. Важно поддерживать телесные силы. Я помыл котелок и миску, потом спрятал последние неубранные вещи за Высокие Статуи. Надел часы.

Было без четверти восемь.

Главнейшей моей задачей было разыскать 16 и обеспечить ее безопасность, но как это сделать, я толком не знал. Я был уверен, что Другой приготовил ей западню. Скорее всего, условился встретиться с ней в определенном Зале в определенное время и рассказать, как найти Мэтью Роуза Соренсена. Это значило, что самый верный способ разыскать 16 — высмотреть Другого, но я предпочел бы держаться от него подальше. Я помнил слова Пророка:

Чем ближе 16, тем опаснее будет Кеттерли.

Оставалось надеяться, что я разыщу 16 раньше, чем она встретится с Другим.

Я пошел в Первый Вестибюль. Постоял под серым дождем, надеясь, что она появится. Между

девятью и десятью обошел соседние Залы. Никого. В десять вернулся в Первый Вестибюль.

В половине одиннадцатого я стал ходить из Первого Вестибюля в Шестой северо-западный Зал, следуя указаниям 16. Я прошел этим маршрутом шесть раз, но так ее и не встретил. Тревога моя росла.

Я вернулся в Первый Вестибюль. Было половина двенадцатого. В двух Залах к северо-западу, в Девятом Вестибюле, по Восточной Лестнице уже катился первый Прилив. В соседних Залах по Плитам понемногу растекалась Вода.

Ничего не оставалось, кроме как искать Другого. Едва я пришел к этому решению, как он сам появился передо мной. (Ну почему он, а не 16?) Низко наклонив голову из-за дождя, он быстрым шагом прошел через Первый Вестибюль в направлении с востока на запад. Одежда на нем была совсем не такая, как обычно: джинсы, старый свитер, кеды, а поверх свитера что-то странное, затянутое ремешками. *Спасжилет*, подумал я. (Вернее, подумал Мэтью Роуз Соренсен у меня в голове.)

Меня Другой не заметил. Он прошел в Первый западный Зал. Я бесшумно прокрался за ним и спрятался в Нише у Двери.

Другой тут же направился к сумке с надувной лодкой и принялся ее вытаскивать. Я ждал, поминутно оглядываясь, не появится ли 16. Другой в мою сторону не смотрел, и у меня оставалась надежда перехватить 16 до того, как она войдет в Зал.

На некотором расстоянии от Другого, в западном конце Зала, вспыхивали блики — Вода тонким слоем втекала в северо-западную Дверь. Я глянул на часы. В пяти Залах к юго-западу отсюда, в Двадцать втором Вестибюле, уже поднимался по Лестнице следующий Прилив.

Другой развернул лодку, присоединил к ней насос и начал давить ногой. Лодка быстро надувалась.

Вода заполнила Второй и Третий юго-западные Залы; было слышно, как Волны глухо плещут о Стены.

И тут до меня дошло. 16 умна. Возможно, даже умнее меня. И уж точно не глупее. Она не знает про Потоп, но не станет доверять Другому. Будет, как и я, ждать в надежде, что появится Мэтью Роуз Соренсен. Я вдруг отчетливо представил, как мы с ней прячемся в Первом западном Зале: она ждет, что войду я, а я — что она. Дольше тянуть было нельзя. Я выступил из Ниши и зашагал к

Другому.

При моем приближении он поднял голову и недовольно скривился, продолжая качать насос. Метрах в двух слева от него лежала серая сумка, теперь пустая, а рядом с ней, на Плитах, — серебристый Пистолет.

— Где тебя черти носили? — раздраженно спросил Другой. — Ты почему во вторник не пришел? Я тебя повсюду искал. Не мог вспомнить, как ты сказал, десять помещений затопит или сто.

Теперь он давил насос медленнее — лодка почти наполнилась Воздухом, и нога встречала сопротивление.

— Мне пришлось изменить планы. Неприятно, конечно, но никуда не деться. Рафаэль идет сюда, и, хочешь ты или не хочешь, мы с ней покончим. Так что без глупостей, хорошо? Потому что, Пиранези, честное слово, меня это все достало.

— *Я пришел к нему в середине ноября,* — сказал я. — *Был пятый час, холодные синие сумерки.*

Он перестал качать. Лодка теперь была округлая, с туго натянутыми бортами.

— Давай установим сиденья. Вон те черные. Передай-ка их мне. — Он указал на два предмета, назначения которых я не разгадал. — Когда помещение затопит, мы с тобой сядем в этот каяк. Если

Рафаэль попытается к нам залезть или уцепится за борт, бей ее веслом по рукам и по голове.

— *День выдался непогожий,* — продолжал я, — *фары машин дробились на пиксели дождем, асфальт пестрел коллажем из мокрых листьев.*

Другой возился с клапаном, через который входит Воздух.

— Что? — с досадой спросил он. — Что ты мелешь? Нельзя ли побыстрее? Надо закрепить сиденья. Она вот-вот придет.

— *На подходе к дому я услышал музыку,* — сказал я. — *Реквием. Под Берлиоза я нажал кнопку звонка и стал ждать.*

— Берлиоз? — Он выпрямился и впервые за сегодня посмотрел прямо на меня. — Я не… Берлиоз?

Я сказал:

— *Дверь открылась. «Доктор Кеттерли?»* — спросил я.

При звуке своего имени Другой замер. Глаза расширились.

— О чем ты? — спросил он хриплым от страха голосом.

— Шафтсбери, — ответил я. — Ты как-то спрашивал, помню ли я Шафтсбери. Теперь помню.

Бум!.. Бум!..Прилив из Двадцать второго Вести-

бюля набирал силу; Волны яростнее били в Стены Второго и Третьего юго-западных Залов.

— Ты увидел ее послание, — сказал Другой.

— Да.

Первая Волна разлилась по Плитам, замочив мне ноги. За ней последовала вторая.

Другой внезапно рассмеялся. Странный звук — паника, выдающая себя за облегчение.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Меня так легко не провести. Это не твои слова, а чьи-то еще. На самом деле ты не помнишь. Рафаэль тебя подучила. Серьезно, Мэтью, не держи меня за полного дурака.

Он метнулся вправо, к Пистолету. Однако я предусмотрительно встал ближе и сейчас одним сильным, быстрым ударом ноги отшвырнул Пистолет в сторону. Он отлетел по мраморным Плитам метров на пятнадцать, к северной Стене. Новые Волны — теперь уже повыше — прокатывались у нас под ногами в сторону Пистолета, как будто мы играли с ними в одну игру — кто первый его схватит.

— Что… Что ты задумал? — спросил Другой.

— Где номер шестнадцать?

Он открыл было рот, но тут раздался голос:

— Кеттерли!

Женский голос. 16 была здесь!

По звуку я заключил, что 16 пряталась за одной из южных Дверей. Другой, не привычный к тому, как эхо отдается в Залах, растерянно оглядывался.

— Кеттерли! — вновь крикнула она. — Я пришла за Мэтью Роузом Соренсеном!

Другой схватил меня за правый локоть.

— Он здесь! У меня! Хотите его забрать — так идите сюда!

Грохот Прибоев нарастал. Весь Зал гудел от ударов Волн. Вода вливалась в южные Двери.

— Берегись! — крикнул я. — Он хочет тебе зла! У него Пистолет!

Маленькая стройная фигурка выступила из Дверного Проема, ведущего в Первый южный Зал. Она была в джинсах и зеленом джемпере, длинные волосы стянуты на затылке в хвост.

Теперь Другой держал меня левой рукой, а правую сжал в кулак и чуть отклонился назад, чтобы ударить меня с размаху. Однако я отклонился вместе с ним, так что он потерял равновесие и чуть не упал на Плиты. Я вырвался и побежал к 16.

На бегу я кричал:

— Начинается Потоп! Нам надо лезть вверх!

Не знаю, что из моих слов 16 услышала, но общий тон она поняла. Я схватил ее за руку, и мы вместе побежали к восточной Стене.

Статуи Рогатых Великанов были прямо перед нами, по обе стороны восточной Двери, но на них мы забраться не могли: их Тела выступают из Стены на двухметровой высоте, а ниже уцепиться не за что. Рядом с тем, что левее, расположена Статуя Отца с Маленьким Сыном на Руках; Отец вынимает Сыну занозу из Пятки. Я взобрался в их Нишу, потом на их Пьедестал, оттуда на Колени Отцу. Держась за одну из боковых Колонн, я по Руке, Плечу и Голове Отца перелез на Фронтон, венчающий Нишу. 16 пыталась лезть за мной, но она ниже меня ростом и, подозреваю, не привыкла карабкаться. Она сумела взобраться на Колени Статуи, но здесь застряла. Я быстро спустился и приподнял ее; с моей помощью она вползла на Фронтон.

Был полдень. В Десятом и Двадцать четвертом Вестибюлях поднимались последние два Прилива, заливая все вокруг бушующими Волнами.

В полуметре над Фронтоном был глубокий Карниз, идущий по всей длине Зала. Мы проползли по Фронтону и перебрались на Карниз. Теперь мы были в семи метрах от Пола. 16 побледнела

и дрожала (она определенно боялась Высоты), однако лицо ее выражало яростную решимость.

Внезапно Воздух разорвали резкие звуки — четыре, наверное, один за другим. На какой-то ужасный миг я подумал, что Зал рушится под Весом и Ударами Воды. Я поглядел вниз. Другой так и не сел в лодку (где был бы в безопасности), а добежал до северной Стены и схватил Пистолет. Теперь он стрелял в нас.

— В лодку! — крикнул я ему. — Садись в лодку, пока не поздно!

Он снова выстрелил, попал в Статую у нас над головой. Мой лоб пронзила резкая боль. Я вскрикнул, схватился за лоб, а когда отвел руку, она была в крови.

Другой двинулся к нам поперек Течения — видимо, чтобы стрелять с меньшего расстояния.

Я снова закричал, что-то в том смысле, что Приливы уже совсем близко! — но со всех сторон грохотала Вода, и он вряд ли меня услышал.

Если бы в нас не стреляли из Пистолета, мы бы пересидели Потоп на Карнизе. (А если бы Вода поднялась выше, чем я рассчитывал, то вскарабкались по следующему ярусу Статуй.) Однако в нас стреляли, а мы были полностью на виду, безо всякого укрытия.

Примерно в метре ниже нас были Спина и Плечи лезущего из Стены Рогатого Великана, а между ним и Стеной — что-то вроде мраморного углубления. Я прыгнул — это было примерно два метра в длину и метр вниз, для меня совсем немного. Я глянул на 16. Она смотрела с ужасом. Я протянул руки. Она прыгнула, я ее поймал.

Теперь Статуя закрывала нас от Другого с его Пистолетом. Я влез на мраморную Спину Великана и выглянул из-за его Плеча.

Другой отвернулся от нас и ловил надувную лодку. Однако ему следовало сделать это раньше. Вода уже доходила ему до колен, Волны мешали идти. Казалось, он с каждым шагом делается все тяжелее, лодка — все легче, свободнее. Она выплясывала на Воде, шныряя по всему Залу: вот она у северной Стены, а через мгновение — на полпути к западной. Другой все время поворачивал, пытаясь за ней угнаться, но пока он с трудом преодолевал метр-полтора в ее сторону, она уже оказывалась в совершенно другом месте.

Внезапно лодка как будто вспомнила, зачем ее сюда принесли; как будто решила прийти ему на выручку. Она развернулась и поплыла прямо к Другому. Он нагнулся и протянул к ней руки. Еще полметра, и он бы ее схватил. Мне даже по-

казалось на миг, что он ее держит; и тут же она ускользнула в западный конец Зала.

— Лезь! Лезь! — кричал я.

Лодку было уже не поймать, но я подумал, он еще может спастись, если полезет по Статуям. Однако Другой не слышал меня за Грохотом хлещущей в Зал Воды. Он по-прежнему тяжело плескал по Воде, силясь угнаться за лодкой.

Оглушительный Грохот и Плеск донеслись из соседнего Зала; Вода всей Тяжестью ударила в южную Стену с той стороны. Бу-у-ум!!! И тут я порадовался, что мы за Рогатым Великаном. Останься мы на Карнизе, нас бы сбросило со Стены. Однако Рогатый Великан надежно держал нас своим Телом.

Брызги из северных Дверей взметнулись до Потолка и вспыхнули на Солнце, будто в Зал высыпали сотню бочек алмазов.

Исполинские Волны хлынули в северные Двери. Одна подхватила Другого и бросила в южную Стену, на Статуи в пятнадцати метрах от Пола. Думаю, он умер сразу.

Волна откатилась; Другого я больше не видел.

Тем временем надувная лодочка кружила на Воде, иногда скрываясь в Волнах на мгновенье-другое, но тут же выныривая. Если бы он только

до нее добрался, она бы его спасла.

Рафаэль

Вторая запись от Двадцать седьмого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Волны били в южную Стену, взметая фонтаны Брызг. Вода затопила нижний ярус Статуй; она была мутно-серая наверху и черная в Глубине. Несколько раз Волны накрывали нас с головой,

но лишь на считаные мгновения. Мы вымокли, задубели, ослепли, оглохли, но всякий раз оставались живы.

Шло время.

Волны улеглись. Вода мало-помалу утекала по Лестницам в Нижние Залы. Над ней выступили Головы нижнего яруса Статуй.

За все это время мы с 16 не обменялись ни словом. Рев Волн все равно бы заглушил любую попытку говорить, мы были заняты тем, чтобы нас не смыло, и больше ни о чем не думали. Теперь мы поглядели друг на друга.

У 16 было тонкое лицо и большие темные глаза — серьезные и немного печальные. Мне подумалось, что она постарше меня — лет сорока, наверное. Волосы у нее были черные и мокрые.

— Ты Шестна… Ты Рафаэль, — сказал я.

— Я Сара Рафаэль, — ответила она. — А ты Мэтью Роуз Соренсен.

А ты Мэтью Роуз Соренсен. На сей раз она сформулировала это как утверждение, не как вопрос. А зря. Лучше бы фраза оставалась вопросом. С другой стороны, прозвучи это как вопрос, я бы не нашелся с ответом.

— Он был с тобой знаком? — спросил я.

— Кто?

— Мэтью Роуз Соренсен. Мэтью Роуз Соренсен был с тобой знаком? Оттого ты и пришла сюда?

Она помолчала, осмысляя мои слова. Потом осторожно проговорила:

— Нет. Мы с тобой знакомы не были.

— Тогда почему?

— Я офицер полиции, — ответила она.

— А…

Мы снова замолчали. Мы еще не отошли от недавних событий; в глазах у нас стояли Бушующие Волны, в ушах рокотал их Грохот, миг, когда Другого швырнуло о Стену Статуй, заполнял все наши мысли. Сейчас нам нечего было друг другу сказать.

Рафаэль переключила внимание на вещи практические. Она осмотрела ранку у меня на лбу и сказала, что та не очень глубокая и что задела меня не пуля, а, скорее, мраморный осколок Статуи.

Вода по-прежнему спадала. Когда над ней выступили Пьедесталы нижнего яруса Статуй, я задумался, как нам слезть с Рогатого Великана. Вернуться прежним путем мы не могли — Рафаэль не запрыгнула бы обратно на Карниз. (Да и сам я не уверен, что справился бы.)

— Пойду добуду что-нибудь, чтобы ты могла

слезть, — сказал я. — Не волнуйся. Я вернусь как можно скорее.

Я повис на Туловище Рогатого Великана и спрыгнул. Вода была мне ниже пояса. Я добрел до Третьего северного Зала и взобрался по Статуям туда, где спрятал свои вещи. Все было забрызгано Водой, однако не промокло. Я взял рыболовные сети, бутылку Пресной Воды и немного сухих водорослей. (Важно поддерживать тело пищей и не допускать обезвоживания.)

Я вернулся в Первый западный Зал. Вода уже была мне только по колено. Я снова залез на Рогатого Великана, дал Рафаэль попить и убедил ее съесть немного сушеных водорослей (хотя, мне кажется, ей не очень понравилось). Потом связал рыболовные сети вместе и закрепил на Руке Великана. Они не доходили до Плит на полметра. Я показал Рафаэль, как по ним спуститься.

Мы прошли через Первый Вестибюль, поднялись по Большой Лестнице — подальше от Воды — и сели на Ступени. Мокрая одежда липла к телу. Мои волосы — темные и курчавые — были все в капельках, как Облако. При каждом движении я сеял дождем.

Здесь нас нашли птицы. Чайки, грачи, черные дрозды и воробьи расселись на Статуях и Пери-

лах и защебетали, закричали, обращаясь ко мне разными голосами.

— Не надо волноваться, это скоро кончится, — сказал я.

— Что? — Рафаэль даже вздрогнула от неожиданности. — Не поняла.

— Я говорил с птицами. Они тревожатся, что везде так много воды. Я им говорю, что скоро она уйдет.

— А! — воскликнула Рафаэль. — Ты… Ты часто разговариваешь с птицами?

— Да, — ответил я. — Но тебе незачем делать удивленное лицо. Ты и сама с ними разговаривала. В Шестом северо-западном Зале. Я слышал.

Она удивилась еще больше:

— Что я им сказала?

— Ты велела им отвалить. Ты писала мне послание, а они тебе мешали, летали у тебя перед лицом и над словами, пытались сообразить, что ты делаешь.

Рафаэль на мгновение задумалась.

— Это было то послание, которое ты стер? — спросила она.

— Да.

— А почему ты его стер?

— Потому что Дру… Потому что доктор Кет-

терли сказал, ты мне враг и если я прочту, что ты мне пишешь, то сойду с ума. Поэтому я стер послание. Но в то же время мне хотелось его прочесть, и я стер его не до конца. Я не очень логично поступил.

— Он устроил тебе ужасную жизнь.

— Да, наверное.

Мы помолчали.

— Мы оба промокли насквозь и замерзли, — сказала Рафаэль. — Может, пойдем?

— Куда? — спросил я.

— Домой. В смысле, мы можем пойти ко мне и обсушиться. А потом я отведу тебя домой.

— Я дома.

Рафаэль поглядела, как плещет о Стены мутная серая Вода, на Статуи, с которых по-прежнему капало.

— Здесь обычно гораздо суше, — быстро сказал я на случай, если она решила, будто в Доме всегда так сыро и неприветливо.

Но Рафаэль думала о другом.

— Я кое-что должна тебе сказать. Не знаю, помнишь ли ты, но у тебя есть мама и папа. И две сестры. И друзья. — Она заглянула мне в лицо. — Помнишь?

Я мотнул головой.

— Они тебя искали. Только не знали, где на самом деле надо искать. Беспокоились о тебе. Они… — Она отвела взгляд, подыскивая правильные слова. — Им было плохо, потому что они не знали, где ты.

Я задумался.

— Мне грустно думать, что папе, маме, сестрам и друзьям Мэтью Роуза Соренсена плохо, — сказал я. — Но не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

— Ты не считаешь себя Мэтью Роузом Соренсеном?

— Не считаю.

— Но у тебя его лицо.

— Да.

— И его руки.

— Да.

— Его ноги. Его тело.

— Все это правда. Но сознание — не его, и я не помню того, что было с ним. Это не значит, что его нет. Он здесь. — Я прикоснулся к груди. — Но я думаю, он спит. С ним все хорошо. Не надо о нем тревожиться.

Рафаэль кивнула. Она была не такая, как Другой, не лезла спорить и возражать по любому поводу. Мне в ней это нравилось.

— Кто ты? — спросила она. — Если не он.

— Я — Возлюбленное Дитя Дома.

— Дома? Что за дом?

Странный вопрос! Я развел руки, показывал Первый Вестибюль, Залы за Первым Вестибюлем, Всё.

— Вот Дом. Смотри!

— А. Поняла.

Мы ненадолго замолчали.

Потом Рафаэль сказала:

— Я должна кое о чем тебя спросить. Готов ли ты пойти со мной к родителям и сестрам Мэтью Роуза Соренсена — чтобы они вновь увидели твое лицо? Им станет куда легче, если они узнают, что он жив. Даже если ты уйдешь — я хочу сказать, если ты решишь вернуться сюда, — им все равно будет легче. Что ты об этом думаешь?

— Я не могу сейчас об этом думать.

— О'кей.

— Здесь у меня Человек с Коробкой из-под Печенья… и Скорченное Дитя… и Обитатели Ниши. Я должен учитывать их нужды. Они в непривычной обстановке, им может быть не по себе. Я должен вернуть их в положенное место.

— Здесь есть другие люди? — изумилась Рафаэль.

— Да.

— Сколько?

— Тринадцать. Те, кого я сейчас назвал, и еще Завалившийся Человек. Но Завалившийся Человек обитает в одном из Верхних Залов, а дотуда Потоп не дошел, так что его или ее переносить не надо.

— Тринадцать человек! — Темные глаза Рафаэль расширились от удивления. — Господи! С ними все хорошо?

— Да, — ответил я. — Я о них забочусь.

— Но кто они? Можешь отвести меня к ним? Стэнли Овенден здесь? А Сильвия Д'Агостино? Маурицио Джуссани?

— Да, очень вероятно, что кто-то из них — Стэнли Овенден. Во всяком случае, Про… Во всяком случае, Лоренс Арн-Сейлс думал так. Возможно, Сильвия Д'Агостино и Маурицио Джуссани тоже в их числе. К сожалению, у меня нет способа узнать, кто из них кто.

— Почему? Они забыли свои имена? Что они говорят?

— Они, вообще-то, не особенно говорят. Они все мертвые.

— Мертвые!

— Да.

— Ой. — Рафаэль некоторое время переваривала услышанное. — Они были уже мертвые, когда ты сюда попал?

— Я… — Вопрос был интересный; я раньше об этом не задумывался. — Наверное, да. Думаю, они все были мертвыми уже давно, но уверенно сказать не могу, потому что не помню, как сюда попал. Сюда попал Мэтью Роуз Соренсен, не я.

— Да, наверное. Но ты сказал, что заботишься о них. Это как?

— Слежу, чтобы они были в хорошем состоянии: чистые и по возможности комплектные. Оставляю им подношения: воду, еду и кувшинки. Разговариваю. У тебя в твоих Залах нет своих Мертвых?

— Есть.

— Ты не оставляешь им подношения? Не разговариваешь с ними?

Прежде чем Рафаэль успела ответить, мне пришла в голову еще одна мысль.

— Я сказал, что здесь тринадцать Мертвых, но это неправда. Теперь к ним присоединился доктор Кеттерли. Мне нужно найти его тело и положить рядом с остальными. — Я хлопнул в ладоши. — Как видишь, у меня много дел, и я не могу сейчас думать о том, чтобы уйти из этих

Залов.

Рафаэль медленно кивнула.

— О'кей. Спешить некуда. — Она неуверенно — но при том ласково — положила руку мне на плечо.

И тут, к своему великому смущению, я заплакал. Громкие хриплые рыдания рвались из моей груди, слезы текли по щекам. Не думаю, что плакал я. Нет, Мэтью Роуз Соренсен плакал моими глазами. Это продолжалось долго, пока не перешло в икоту и судорожные всхлипы.

Рафаэль по-прежнему держала меня за плечо. Она деликатно смотрела в сторону, пока я тыльной стороной ладони вытирал глаза и нос.

— Ты вернешься? — спросил я. — Даже если я не иду с тобой, ты еще вернешься сюда?

— Я вернусь завтра. Довольно поздно вечером. Тебе это удобно? Как мы друг друга найдем?

— Я буду тебя ждать. Как бы поздно это ни было. Буду ждать, пока ты не придешь.

— И ты подумаешь о моих словах? О том, чтобы повидаться с твоими… с родителями и сестрами Мэтью Роуза Соренсена?

— Да, — пообещал я. — Подумаю.

Рафаэль ушла, растворилась в Тени между двумя Минотаврами в юго-восточном углу Ве-

стибюля.

Часы остановились, но, по моим прикидкам, был поздний вечер. Я остался один, голодный, мокрый и обессиленный. Я добрел до Третьего северного Зала — Вода все еще стояла по колено, — залез туда, где оставил свои пожитки, и оглядел сухие водоросли, из которых обычно складываю костер. Увы, Высокие Волны промочили их насквозь. Я не мог развести огонь. Не мог приготовить еду.

Я взял спальный мешок (он тоже отсырел), отнес в Первый Вестибюль и лег на сухой высокой Ступеньке Большой Лестницы.

Последняя мысль до того, как я заснул, была: *Он умер. Мой единственный друг. Мой единственный враг.*

Я утешаю доктора Кеттерли

Запись от Двадцать восьмого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я нашел тело доктора Кеттерли в Восьмом Вестибюле; его прибило Волнами к углу Лестницы. Он сильно пострадал от ударов о Стены и Статуи, одежда была изорвана в клочья. Я отцепил тело от Перил, положил на спину, расправил руки и ноги. Примостил его бедную разбитую голову себе на колени и начал баюкать.

— Твоя красота загублена, — сказал я, — но не тревожься. Этот неприглядный вид не навсегда. Не горюй. Не бойся. Я устрою тебя там, где рыбы и птицы уберут все побитое мясо. Скоро его не останется. Ты будешь красивым черепом и

красивыми костями. Я приведу тебя в должное состояние. Будешь мирно лежать в Свете Солнца и Звезд. Статуи благословят тебя своими взглядами. Извини, что сердился на тебя. Прости меня.

Пистолета я не нашел — наверное, Приливы унесли его в свои Глубины, — однако рано утром я увидел лодку доктора Кеттерли. Она по-прежнему болталась в Первом западном Зале, где Воды осталось примерно по щиколотку. И она была совершенно целая.

— Жалко, что ты его не спасла, — сказал я ей.

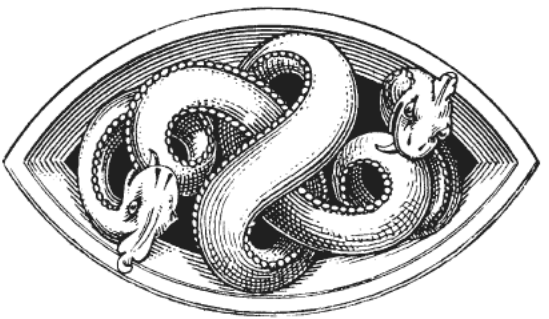
Лодка вроде бы никак не отозвалась. Она казалась сонной, вялой, едва живой. Без Стремительных Вод, наполнявших ее движением, она уже не была тем чертенком, что выплясывал на волнах и сперва насмехался над доктором Кеттерли, а затем бросил его на погибель.

Я думал про слова Рафаэль о том, чтобы навестить маму, папу, сестер и друзей Мэтью Роуза Соренсена. Может быть, я отправлю им послание: объясню, что Мэтью Роуз Соренсен живет теперь во мне, он без сознания, но ему ничто не угрожает: я сильный, предприимчивый и усердно о нем забочусь, точно так же, как о всех остальных Мертвых.

Я спрошу Рафаэль, что она об этом думает.

Когда в Первом Вестибюле пролегли тени, Рафаэль вернулась

Вторая запись от Двадцать восьмого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Когда в Первом Вестибюле пролегли тени, Рафаэль вернулась. Мы, как в прошлый раз, сели на Ступени Большой Лестницы. Рафаэль принесла с собой блестящее устройство, вроде того, что было у Другого. Она тронула его пальцем, и оно осветило бело-желтым Светом Статуи и наши лица.

Я рассказал про свой план написать маме, папе,

двум сестрам и друзьям Мэтью Роуза Соренсена, но Рафаэль эта мысль почему-то не очень понравилась.

— Как мне тебя называть? — спросила она.

— Называть?

— Каким именем. Если ты не Мэтью Роуз Соренсен, то как мне к тебе обращаться?

— А, понял. Наверное, ты можешь звать меня Пи… — Я оборвал себя на полуслове. — Доктор Кеттерли называл меня Пиранези. Он объяснил, что это имя связано с лабиринтами, но думаю, он так надо мной насмехался.

— Возможно, — согласилась Рафаэль. — Это было бы в его духе.

Она немного помолчала и добавила:

— Хочешь знать, как я тебя нашла?

— Очень, — ответил я.

— Есть одна женщина. Вряд ли ты ее помнишь. Ее зовут Ангарад Скотт. Она написала книгу о Лоренсе Арн-Сейлсе. Шесть лет назад ты к ней обратился. Сказал, что тоже подумываешь написать книгу об Арн-Сейлсе. У вас был долгий разговор. Больше ты к ней не обращался. В мае этого года она позвонила в лондонский колледж, где ты раньше работал. Хотела выяснить судьбу книги — по-прежнему ли ты ее пишешь. В колледже

ответили, что ты исчез; исчез почти сразу после разговора с ней. У миссис Скотт тут же включились тревожные звоночки — она ведь знала, что рядом с Арн-Сейлсом исчезают люди. Ты был четвертым — пятым, если считать Джимми Риттера. Так что она обратилась к нам. Тогда-то мы — я хочу сказать, полиция — впервые узнали о связи между тобой и Арн-Сейлсом. Когда мы поговорили с оставшимися людьми из его круга — Баннерманом, Хьюз, Кеттерли и самим Арн-Сейлсом, — стало ясно: что-то произошло. Тали Хьюз плакала и твердила, что очень сожалеет. Арн-Сейлс был в восторге от внимания к своей персоне, а Кеттерли врал через слово. — Она помолчала. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Немножко, — ответил я. — Мэтью Роуз Соренсен писал обо всех этих людях. Я знаю, что они связаны с Проро… с Лоренсом Арн-Сейлсом. Это он тебе сказал, где я? Он говорил, что скажет.

— Кто?

— Лоренс Арн-Сейлс.

Рафаэль мгновение переваривала услышанное.

— Ты с ним разговаривал? — спросила она таким тоном, будто этого не может быть.

— Да.

— Он приходил *сюда*?

— Да.

— Когда?

— Месяца два назад.

— И не предложил тебе помочь? Не предложил вывести тебя отсюда?

— Нет. Но скажу честно: если бы он предложил, я бы не захотел уйти. Я и сейчас не уверен, что хочу.

Из Первого восточного Зала в Первый Вестибюль влетела сова. Она опустилась на Статую высоко на южной Стене и осталась сидеть, смутно белея в Полутьме. Я видел мраморных сов — на многих Статуях они есть, — но с живыми до сих пор не встречался. Я уверен, что ее появление связано с приходом Рафаэль и уходом доктора Кеттерли: принцип Жизни пришел на смену принципу Смерти. События ускоряются, подумал я.

Рафаэль сову не заметила. Она сказала:

— Ты прав. Арн-Сейлс прямо сказал нам, что ты в лабиринте. И конечно… И конечно, мы подумали, будто он над нами издевается. Что тоже было правдой. Он действительно над нами издевался. Мои коллеги пытались что-нибудь из него вытянуть, потом бросили. Я рассуждала

иначе. Я подумала: ему нравится говорить. Пусть говорит. В конце концов выболтает что-нибудь существенное.

Она тронула пальцем блестящее устройство, и оно заговорило надменным, тягучим голосом Арн-Сейлса:

— Вы думаете, мои слова про иные миры не имеют отношения к делу. А зря. В них-то и разгадка. Мэтью Роуз Соренсен попытался войти в иной мир. Если бы не это, он бы не «исчез», как вы выражаетесь.

Голос Рафаэль ответил:

— Он исчез из-за этой попытки?

— Да. — (Снова Арн-Сейлс.)

— Что-то произошло с ним во время… во время ритуала? Почему? Где эти ритуалы проводятся?

— Вы думаете, мы проводили ритуал на краю пропасти и Мэтью Роуз Соренсен просто сорвался вниз? Нет, ничего подобного. К тому же ритуал совершенно не обязателен. Я так никогда к нему не прибегаю.

— Но для чего вообще он в этом участвовал? В ритуале или что еще там было? — спросила Рафаэль. *— В его работах нет и намека, что он верил в ваши теории. Собственно, из них следует прямо противоположное.*

— А, «вера». — Арн-Сейлс ехидно подчеркнул голосом это слово. *— Почему все убеждены, что это вопрос веры? Ничего подобного. Пусть «верят» во что угодно. Мне глубоко безразличны их взгляды.*

— Да, но если он не верил, то зачем вообще стал в этом участвовать?

— Потому что у него есть мозги. Он видел, что я — один из величайших умов двадцатого столетия. Возможно, величайший. И он хотел меня понять. Оттого и попытался войти в иной мир — не потому, что верил в существование этого мира. Нет, он думал, что сама попытка даст ему заглянуть в мое мышление. В меня. И вы сделаете то же самое.

— Я? — В голосе Рафаэль сквозило изумление.

— Да. И ровно потому же, почему это сделал Мэтью Роуз Соренсен. Он хотел понять меня. Вы хотите понять его. Настройте свое восприятие, как я сейчас скажу. Выполните действия, которые я опишу, и узнаете.

— Что я узнаю, Лоренс?

— Вы узнаете, что случилось с Мэтью Роузом Соренсеном.

— Так просто?

— О да. Так просто.

Рафаэль тронула устройство. Голоса умолкли.

— Я решила, отчего бы не попробовать. Возможно, я пойму, что ты думал в момент исчезновения. Арн-Сейлс рассказал, что надо делать, как вернуться к дорациональному мышлению. Он пообещал, что я увижу вокруг пути, и объяснил, какой выбрать. Я думала, он говорит о метафорических путях. И меня потрясло, когда пути оказались самые буквальные.

— Да, — сказал я. — Мэтью Роуз Соренсен был потрясен, когда сюда попал. Потрясен и напуган. А потом он заснул, и родился я. Позже я нашел у себя в Дневниках записи, и они меня напугали. Я думал, будто писал их в помрачении рассудка. Теперь я понимаю, что это слова Мэтью Роуза Соренсена и в них он описывает Иной Мир.

— Да.

— А в Ином Мире есть много разного. Здесь слова «Манчестер» и «полицейский участок» лишены смысла. Поскольку здесь такого нет. Слова «река» или «гора» имеют смысл, но лишь потому, что такое изображено в Статуях. Полагаю, что в Ином Мире они существуют. Статуи в этом Мире изображают то, что есть в Ином Мире.

— Да, — сказала Рафаэль. — Здесь ты можешь увидеть лишь изображения реки или горы, но в нашем мире — в ином мире — ты увидел бы

настоящую реку и настоящую гору.

Слова эти меня задели.

— Не понимаю, почему ты говоришь, что в этом Мире я могу видеть «лишь» изображения, — произнес я немного резко. — Слово «лишь» подразумевает сравнение в пользу чего-то одного. У тебя получается, будто Статуя каким-то образом ниже того, что она изображает. Я так не думаю. Я бы возразил, что Статуя выше изображаемого, Статуя совершенна, вечна и не подвержена тлению.

— Извини, — сказала Рафаэль. — Я не хотела принижать твой мир.

Наступило молчание.

— А каков он, Иной Мир? — спросил я.

Рафаэль задумалась, как ответить на мой вопрос.

— Там больше людей, — сказала она наконец.

— Намного больше?

— Да.

— Больше семидесяти? — Я нарочно выбрал огромное, невероятное число.

— Да, — ответила она. И улыбнулась.

— Чему ты улыбаешься? — спросил я.

— Тому, как ты поднял брови. Скептически, чуть заносчиво. Знаешь, на кого ты при этом становишься похож?

— Нет. На кого?

— На Мэтью Роуза Соренсена. На те его фотографии, которые я видела.

— Откуда ты знаешь, что там больше семидесяти человек? — спросил я. — Ты сама их считала?

— Нет, но я совершенно уверена. Это не всегда приятный мир. Там много печального. — Рафаэль помолчала и повторила: — Много печального. Не как здесь. — Она вздохнула. — Пойми, пожалуйста. Вернешься ты со мной или нет, решать тебе. Кеттерли заманил тебя хитростью и удерживал обманом. Я не хочу тебя обманывать. Ты пойдешь со мной, только если сам захочешь.

— А если я останусь, ты будешь меня навещать? — спросил я.

— Конечно, — ответила она.

Другие люди

Запись от Двадцать девятого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сколько я себя помню, мне всегда хотелось показать кому-нибудь Дом. Я воображал Шестнадцатое Лицо рядом со мной, воображал, как говорю ему что-нибудь вроде:

Сейчас мы входим в Первый северный Зал. Посмотри на множество прекрасных Статуй. Справа ты видишь Статую Старика, держащего Модель Корабля, а слева — Статую Крылатой Лошади и ее Жеребенка.

Я воображал, как мы вместе посещаем Затопленные Залы:

Сейчас мы спустимся через Пролом в Полу, пролезем вниз по Обломкам Кладки и окажемся

в Зале. Ставь ногу туда же, куда ставлю я, и не упадешь. На исполинских Статуях, составляющих отличительную черту этого Зала, удобно сидеть. Посмотри на темные недвижные Воды. Мы можем набрать кувшинок и преподнести их Мертвым…

Сегодня мои мечты сбылись. Шестнадцатое Лицо и я вместе гуляли по Дому, и я многое ей показал.

Сегодня она пришла в Первый Вестибюль рано утром.

— Можно тебя кое о чем попросить? — сказала она.

— Конечно, — ответил я. — О чем угодно.

— Покажи мне лабиринт.

— С радостью. Что ты хочешь увидеть?

— Не знаю, — сказала она. — Что ты захочешь мне показать. Самое красивое.

Конечно, на самом деле я хотел показать ей *всё*, но это невозможно. Первым делом я подумал про Затопленные Залы, но вспомнил, что Рафаэль не любит карабкаться, и остановился на Коралловых Залах — длинной Анфиладе, идущей на юго-запад от Тридцать восьмого южного Зала.

Мы прошли через Южные Залы. Лицо у Рафаэль было спокойное и счастливое. (Я тоже был

счастлив.) На каждом шагу она оглядывалась с восторгом и восхищением.

Она сказала:

— Какое удивительное место! Совершенное. Я немножко его посмотрела, пока тебя искала, но мне приходилось останавливаться в дверях и делать пометки, как вернуться в помещение с минотаврами. Это отнимало кучу времени, и, конечно, я не отваживалась заходить далеко, чтобы не заблудиться.

— Ты бы не заблудилась. Твои указания были идеально точны.

— Сколько времени у тебя на это ушло? На то, чтобы запомнить лабиринт?

Я хотел громко и хвастливо объявить, что знал его всегда, что я и Дом нераздельны. Но, не успев открыть рот, я понял, что это неправда. Я помнил, что помечал мелом Дверные Косяки в точности как Рафаэль. И помнил, что боялся заблудиться.

Я помотал головой:

— Не знаю. Не помню.

— А ничего, если я пофотографирую? — Рафаэль показала блестящее устройство. — Или это… Это не будет неуважением?

— Конечно, ты можешь фотографировать, — ответил я. — Я иногда фотографировал для Дру…

для доктора Кеттерли.

Но мне понравилось, что она спросила разрешения. Вопрос показывал, что она, как и я, испытывает почтение к Дому. (Доктор Кеттерли так и не научился уважать Дом. Отчего-то он был не способен к такому чувству.)

Из Десятого южного Зала я завернул в Четырнадцатый юго-западный и показал Рафаэль Обитателей Ниши. Там (как я уже говорил) их десять, и еще скелет обезьянки.

Рафаэль печально на них посмотрела и ласково положила руку на кость — большую берцовую одного из мужчин, — утешая и успокаивая. *Не бойся. Все будет хорошо. Я здесь.*

— Бедные. Мы не знаем, кто они, — сказала она.

— Они — Обитатели Ниши, — ответил я.

— Кого-то из них, вероятно, убил Арн-Сейлс. Может быть, всех.

Слова были страшные. Я не успел еще решить, что за чувство они во мне вызвали, как Рафаэль повернулась ко мне и с жаром проговорила:

— Извини. Извини, я очень виновата.

Я изумился, даже немного встревожился. Никто не был ко мне добрее Рафаэль; никто не сделал для меня больше. Неправильно, что она просит

у меня прощенья. Я поднял руки, отгораживаясь от ее слов.

Но Рафаэль продолжала с тоскливой злостью:

— Он никогда не ответит за то, что с тобой сделал. За то, что сделал с ними. Я снова и снова прокручивала в голове и поняла, что ничего не выйдет. Ему нечего предъявить. Если не объяснять то, во что буквально никто не поверит. — Она глубоко вздохнула. — Я сказала, что это совершенный мир. Но я ошиблась. Здесь есть преступления, как и повсюду.

На меня накатили грусть и беспомощность. Я хотел сказать, что Арн-Сейлс не убивал Обитателей Ниши (хотя не мог подтвердить своих слов, и, скорее всего, по меньшей мере одного он правда убил). Но главным образом мне хотелось, чтобы Рафаэль отошла от Мертвых. Тогда я не думал бы, как она, что это убитые, а думал бы, как прежде, что они добрые, благородные и у них все хорошо.

Мы пошли дальше, то и дело останавливаясь полюбоваться особо выдающейся Статуей. На сердце у нас вновь стало легко, а дойдя до Коралловых Залов, мы утешились зрелищем тамошних чудес.

Хотя Коралловые Залы сейчас сухие, в прошлом они, видимо, были долгое время заполнены

Морской Водой. Кораллы преобразили Статуи неожиданным и странным образом. Например, здесь есть Женщина, увенчанная кораллами, ее Руки превратились то ли в звезды, то ли в цветы. Есть Фигуры с коралловыми рогами, или распятые на кораллах, или пронзенные коралловыми стрелами. Есть Лев в коралловой клетке и Мужчина, держащий Шкатулочку, — его левая сторона так обросла кораллами, что как будто объята красно-розовым пламенем, а правая — нет.

Ближе к вечеру мы вернулись в Первый Вестибюль. Перед самым расставанием Рафаэль сказала:

— Мне нравится, как тут тихо. Людей совсем нет!

Последние слова она произнесла так, будто говорит о чем-то очень хорошем.

— Ты не любишь людей в твоих собственных Залах? — удивился я.

— Люблю, — без особого пыла ответила она. — По большей части люблю. Некоторых. Я не всегда их понимаю. Они не всегда понимают меня.

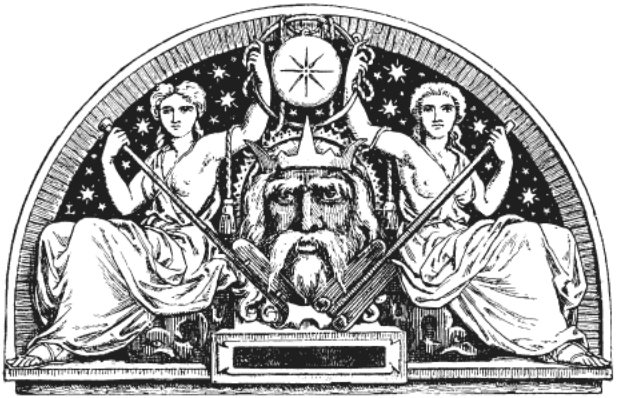
После ухода Рафаэль я задумался о ее словах. Я не мог вообразить, как можно не хотеть человеческого общества. (Хотя доктор Кеттерли и впрямь иногда меня раздражал.) Я вспомнил, как

Рафаэль задумалась про Обитателей Ниши, кто из них убитый, и просто от мысли, что ей пришел в голову такой вопрос, Мир сразу стал мрачнее, печальнее.

Может, так всегда бывает, когда ты с другими людьми. Может, люди, которых ты любишь и которыми бесконечно восхищаешься, иногда показывают тебе Мир таким, каким ты его видеть не хочешь. Может, Рафаэль именно это имела в виду.

Странные чувства

Запись от Тридцатого дня Девятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос



Однажды я записал в Дневнике:

Я убежден, что Мир (или, если угодно, Дом, поскольку в практическом смысле это одно и то же) желает для себя Обитателей, дабы те созерцали его Красоту и пользовались его Благодеяниями.

Если я уйду, в Доме не станет Обитателей. И как я переживу мысль, что он Пуст?

И все же я понимал: если я останусь в этих Залах, то буду один. В каком-то смысле я буду один не больше, чем раньше. Рафаэль обещала ко мне приходить, в точности как приходил Другой.

И Рафаэль действительно мне друг — а Другой испытывал ко мне смешанные чувства, если не сказать больше. Всякий раз, уходя от меня, Другой возвращался в свой Мир, но я тогда этого не знал, думал, он где-то в своей части Дома, и от этой уверенности мне было не так одиноко. Теперь, когда Рафаэль возвращается в Иной Мир, я знаю, что я один.

И поэтому я решил уйти с Рафаэль.

Я перенес всех Мертвых на их места. Сегодня я обошел Залы, как тысячу раз прежде. Навестил все самые любимые Статуи и, глядя на каждую, думал: *Возможно, я последний раз гляжу в твое Лицо. Прощай! Прощай!*

Я ухожу

Запись от Первого дня Десятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром я достал коробку с надписью «АКВАРИУМ», на которой изображен осьминог. Там прежде лежали ботинки, которые принес мне доктор Кеттерли. Когда доктор Кеттерли велел мне прятаться от 16, я вынул украшения из волос и убрал в эту коробку. Теперь, желая вступить в Новый Мир как можно более приглядным, я часа два-три вплетал обратно все те красивые вещи, что нашел или сделал своими руками: раковины, коралловые бусины, жемчужины, камешки и причудливые рыбьи кости.

Когда пришла Рафаэль, мой нарядный вид ее изумил.

Я взял сумку с Дневниками и любимыми ручками, и мы пошли к Минотаврам в юго-восточном углу. Их тень слегка колыхалась, как будто там коридор или улица между тускло различимыми стенами, а в конце — огни и мелькание непонятных цветных пятен.

Я последний раз оглянулся на Вечный Дом. Меня пробила дрожь. Рафаэль взяла меня за руку. И мы вместе вошли в коридор.

Часть седьмая
Мэтью Роуз Соренсен

Валентайн Кеттерли исчез

Запись от 26 ноября 2018 г.

Валентайн Кеттерли, психолог и антрополог, исчез. Полиция провела расследование и выяснила, что незадолго до этого он сделал довольно неожиданные приобретения. Он купил пистолет, надувной каяк и спасательный жилет; все его знакомые в один голос сказали, что приобретения эти совершенно не в его духе — он никогда прежде не выказывал склонности к водным походам.

Ни одного из перечисленных предметов не

нашли в его доме или офисе.

Полиция предполагает, что он отправился на надувном каяке в какое-то отдаленное место и там застрелился, но один офицер, Джейми Аскилл, думает иначе. Он уверен, что внезапное исчезновение доктора Кеттерли как-то связано с внезапным появлением Мэтью Роуза Соренсена. По теории Аскилла, Кеттерли насильно удерживал Роуза Соренсена, как бывший научный руководитель Кеттерли, Лоренс Арн-Сейлс, много лет назад удерживал в своем доме Джеймса Риттера. Мотивы Кеттерли, считает Аскилл, были те же, что и у Арн-Сейлса: сфабриковать подтверждение теории об Иных Мирах. Кеттерли встревожился, что полиция установила связь между ним и Роузом Соренсеном. Перед угрозой разоблачения своих преступлений Кеттерли выпустил Роуза Соренсена и покончил с собой.

Теория Аскилла хороша тем, что объясняет, почему Мэтью Роуз Соренсен появился в то же время — плюс-минус день или два, — когда исчез Кеттерли; в противном случае это очень странное совпадение. Главный недостаток теории заключается в том, что ни Арн-Сейлс, ни Кеттерли никогда не пользовались сфабрикованными таким образом свидетельствами. Более

того, Кеттерли много лет публично изобличал Арн-Сейлса.

Аскилл, не останавливаясь перед этой трудностью, дважды меня допрашивал. Это молодой человек с приятным располагающим лицом, густыми каштановыми кудрями и умным выражением лица. Он носит темно-синий костюм, серую рубашку и говорит с йоркширским акцентом.

— Вы были знакомы с Валентайном Кеттерли? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я. — Я приходил к нему в середине ноября две тысячи двенадцатого года.

Аскилл вроде бы доволен моим ответом.

— То есть перед самым вашим исчезновением, — замечает он.

— Да, — говорю я.

— И где вы были? — спрашивает он. — Пока вас не было здесь?

— Я был в доме с множеством помещений. Через дом прокатывает море. Иногда оно прокатывало надо мной, но я всякий раз оставался жив.

Аскилл молчит и хмурится.

— Это не… Вы не… — начинает он. Задумывается. — Я хочу сказать, у вас были проблемы. Что-то вроде нервного срыва. По крайней мере, мне так

сказали. Вы лечитесь?

— Мои родные договорились с психотерапевтом, и я его посещаю. Против этого у меня возражений нет. Но я отказываюсь от медикаментозного лечения, и никто пока не настаивает.

— Что ж, надеюсь, это поможет, — ласково говорит он.

— Спасибо.

— Я, собственно, пытаюсь выяснить, убедил ли вас доктор Кеттерли куда-нибудь с ним отправиться. Удерживал ли он вас где-либо против вашей воли. Могли ли вы свободно приходить и уходить.

— Да. Я был свободен. Я приходил и уходил. Я не оставался на одном месте. Я прошел сотни, может быть, тысячи километров.

— Э… о'кей. А доктор Кеттерли ходил с вами?

— Нет.

— Был с вами кто-нибудь другой?

— Нет, я был совершенно один.

— А. Ясно.

Джейми Аскилл слегка огорчен. Я тоже огорчен; огорчен, что огорчил его.

— Ладно, — продолжает он, — не хочу отнимать у вас слишком много времени. Знаю, вы уже говорили с сержантом уголовного розыска Рафаэль.

— Да.

— Она замечательная, правда? Рафаэль?

— Да.

— Я не удивляюсь, что она вас нашла. В смысле, если кто и мог вас найти, то не иначе как она. — Пауза. — Конечно, она может быть немного… В смысле, она не всегда… — Он щелкает в воздухе пальцами, ловя ускользающее слово. — В смысле, с ней не всегда легко работается. А пунктуальность? Определенно не самая сильная ее сторона. Но если честно, мы все ее очень уважаем.

— Правильно уважаете, — говорю я. — Рафаэль — исключительный человек.

— Да. Вам не рассказывали про Пинни Уиллера?

— Нет, — отвечаю я. — Кто такой Пинни Уиллер?

— Чувак из города в центральных графствах, где Рафаэль начинала работать в полиции. Он был такой неуравновешенный тип, обиженный на весь свет. Из тех, с какими у нас всегда бывают проблемы.

— Это нехорошо.

— Да уж. Так вот, что-то его разозлило, он забрался на верхнюю галерею собора и принялся грязными словами ругать тех, кто внизу. У него

были кипы старых газет, которые он повсюду таскал с собой. Он начал их поджигать и бросать на людей.

— Какой ужас.

— Вот-вот. Страшно, правда? Когда мы — в смысле полицейские — прибыли на место, был уже вечер. Темно, в воздухе порхают горящие листы газет, люди мечутся с огнетушителями и ведрами песка. Рафаэль и еще один полицейский стали подниматься по винтовой лестнице — она там очень крутая, в узком замкнутом пространстве, — и Пинни Уиллер бросил на них еще кучу горящих газет. Одна газета облепила полицейскому лицо, и он вынужден был отступить.

— А Рафаэль не отступила, — сказал я без тени сомнения.

— Да. По инструкции, наверное, должна была отступить, но не отступила. У нее волосы были в огне, когда она вышла на галерею. Но вы же знаете Рафаэль. Она, небось, даже и не заметила, пока люди снизу не закричали, чтобы она сбила пламя. Села с Пинни Уиллером, уговорила его не бросать горящие газеты, потом убедила спуститься. Отважный поступок, да?

— Более отважный, чем вы думаете. Она боится высоты.

— Правда?

— Правда.

— Но ее это не остановило, — говорит он.

— Да.

— Слава богу, в вашем случае обошлось без подвигов. В смысле, ей не надо было пробиваться через огонь или что-нибудь в таком роде. Рафаэль просто поехала на море. По крайней мере, так мне говорили — что она нашла вас на побережье.

— Да. Я был на берегу моря.

— Многих пропавших находят в прибрежных городках, — задумчиво говорит он. — Наверное, все дело в море. Оно успокаивает.

— Меня оно точно успокаивало, — говорю я.

Джеймс Аскилл весело улыбается.

— Отлично, — говорит он.

Мэтью Роуз Соренсен нашелся

Запись от 27 ноября 2018 г.

Мать, отец, сестры и друзья Мэтью Роуза Соренсена спрашивают меня, где я был.

Я отвечаю им то же, что Джейми Аскиллу: я был в доме с множеством помещений. Через дом прокатывает море. Иногда оно прокатывало надо мной, но я всякий раз оставался жив.

Мать, отец, сестры и друзья Мэтью Роуза Соренсена говорят друг другу, что это описание нервного срыва изнутри. Такое объяснение их устраивает, возможно — даже успокаивает. Они снова получили Мэтью Роуза Соренсена, — по крайней мере, они так думают. В мире живет человек с его лицом, голосом и манерами — им этого достаточно.

Я теперь не похож на Пиранези. У меня в волосах нет коралловых бусин и рыбьих костей. Сами волосы аккуратно подстрижены и причесаны, щеки чисто выбриты. Я ношу одежду, которую мне принесли из хранилища, куда сестры Мэтью Роуза Соренсена поместили его вещи. У Роуза Соренсена было очень много одежды, хорошей и в прекрасном состоянии. Одних костюмов больше десяти (что меня удивило, учитывая, что доход у него был не такой уж большой). Любовь к одежде роднит его с Пиранези. Пиранези в дневнике часто описывал, во что одет доктор Кеттерли, и горевал, что сам в сравнении с ним выглядит жалким оборванцем. В этом я отличаюсь от обоих — и от Мэтью Роуза Соренсена, и от Пиранези; меня не особо заботит, что на мне надето.

Помимо одежды, мне привезли из хранилища много других вещей и, главное, недостающие дневники Мэтью Роуза Соренсена. Они охватывают период с 2000 года (когда он поступил на первый курс) до декабря 2011-го. От остального его имущества я в основном избавился. Пиранези не может смириться с таким количеством вещей. *«Мне все это не нужно!»* — твердит он.

Пиранези постоянно со мной, а от Мэтью Роуза Соренсена — только редкие намеки. Я собираю

его из вещей, которые от него остались, из того, что говорят о нем другие, и, конечно, из его дневников. Без дневников я был бы в полном мраке.

Я помню, как устроен его мир — более или менее. Помню, что такое Манчестер, что значит «полиция» и как пользоваться смартфоном. Могу расплачиваться деньгами — хотя процесс по-прежнему кажется мне искусственным и несуразным. Пиранези ненавидит деньги. Ему хочется сказать: *«У тебя есть то, что мне нужно, давай ты мне это подаришь? А когда у меня будет что-то тебе нужное, я это подарю тебе. Так куда проще и лучше!»*

Но я не Пиранези (или, по крайней мере, не только он) и понимаю, что ничего хорошего из этого, скорее всего, не выйдет.

Я решил написать книгу про Лоренса Арн-Сейлса. Этого хотел Мэтью Роуз Соренсен и хочу я. В конце концов, кто знает работу Арн-Сейлса лучше меня?

Рафаэль показала мне то, чему научил ее Арн-Сейлс: как находить дорогу в лабиринт и дорогу оттуда. Я могу ходить туда-обратно сколько угодно. На прошлой неделе я поехал на поезде до Манчестера и дальше на автобусе до Майлз-Пл-

эттинга[44]. Дошел по унылой осенней улице до многоквартирного дома, поднялся на лифте и позвонил в дверь. Мне открыл изможденный прокуренный мужчина.

— Ты Джеймс Риттер? — спросил я.

Он кивнул.

— Я пришел отвести тебя обратно, — сказал я.

Я провел его теневым коридором, и, когда перед нами возникли величавые минотавры первого вестибюля, Джеймс Риттер заплакал — не от страха, от счастья. Он тут же побежал и сел под огромной мраморной лестницей, где спал в прежние времена. Закрыл глаза и стал слушать приливы. Когда пришло время уходить, он попросил оставить его там, но я отказался.

— Ты не сумеешь себя прокормить, — сказал я. — Ты так и не научился. Если я не буду тебя кормить, ты умрешь, а я не могу брать на себя такую ответственность. Но я буду приводить тебя в это место всякий раз, как ты захочешь. И если решу уйти сюда навсегда, обещаю взять тебя с собой.

---

[44] Примечания: 44

Майлз-Плэттинг — район Манчестера, к северу от центра.

Тело Валентайна Кеттерли, ученого и чародея

Запись от 28 ноября 2018 г.

Тело Валентайна Кеттерли, ученого и чародея, омывают приливы. Я перенес его в тот нижний зал, куда можно попасть из восьмого вестибюля, и привязал к статуе полулежащего мужчины. Глаза у статуи закрыты. Мужчина, возможно, спит; его плотно обвивают толстые змеи.

Тело убрано в пластиковую сетку. Ячейки у

сетки такие, что рыба может сквозь них куснуть, а птица — клюнуть, но даже маленькие косточки из нее не выпадут.

Я прикинул, что через полгода кости станут белые и чистые. Тогда я перенесу их в пустую нишу третьего северо-западного зала. Я положу Валентайна Кеттерли подле человека с коробкой из-под печенья. Длинные кости, перевязанные бечевкой, будут лежать посередине, череп — справа. Слева я поставлю коробку с маленькими костями.

Доктор Кеттерли будет лежать со своими коллегами — Стэнли Овенденом, Маурицио Джуссани и Сильвией Д'Агостино.

Вновь статуи

Запись от 29 ноября 2018 г.

Пиранези жил среди статуй; их безмолвное присутствие утешало его и поучало.

Я думал, в новом (старом) мире статуи будут не важны. У меня и мысли не было, что они и дальше будут мне помогать. Но я ошибался. При встрече с человеком или непонятной ситуацией я первым

делом ищу статую, которая меня просветит.[45]

Я думаю о докторе Кеттерли, и в голове возникает образ. Это воспоминание о статуе в девятнадцатом северо-западном зале. Мужчина стоит на коленях, рядом с ним меч, разбитый на пять частей. Рядом лежат осколки шара. Мужчина разбил шар мечом, потому что хотел его понять, а теперь видит, что загубил и шар, и меч[46]. Он озадачен и отказывается принять, что шар разбит и ни на что не годен. Он собрал часть осколков и пристально смотрит на них в надежде, что когда-нибудь они откроют ему новое знание.

Я думаю о Лоренсе Арн-Сейлсе, и в голове возникает образ. Это воспоминание о статуе в верхнем вестибюле. Статуя обращена к лестнице (той, что идет из тридцать второго вестибюля). Она

---

[45] Примечания: 45

При встрече с человеком или непонятной ситуацией я первым делом ищу статую, которая меня просветит. — Для героя Дом становится аналогом Дворца памяти — мнемотехники, известной со времен античности. В воображении необходимо создать любое достаточно обширное помещение, а в нем разместить предметы — например, статуи, — вызывающие ассоциации с тем, что необходимо запомнить. Затем, мысленно проходя по зданию от предмета к предмету, вы будете вспоминать то, что хотите, в правильной последовательности. Далее, говоря о статуях, Мэтью использует образы карт Таро. Сам Пиранези, очевидно, соотносится с картой «Шут» («Дурак»): человек в рванине, с котомкой, символизирующий наивность, чистосердечность и даже безумие, а в тех вариантах карты, где он стоит на краю пропасти, — еще и неведение опасностей.

[46] Примечания: 46

Мужчина стоит на коленях, рядом с ним меч, разбитый на пять частей. Рядом лежат осколки шара. Мужчина разбил шар мечом, потому что хотел его понять, а теперь видит, что загубил и шар, и меч. — Человек с мечом — это карта «Маг», а Сфера — «Мир». В видении Мэтью Маг пытается силой завладеть Миром и терпит поражение. Его меч разбивается на пять частей: пятерка мечей означает «обман».

изображает папу-еретика на троне. Он жирный, обрюзгший, обмяк на троне бесформенным мешком[47]. Трон великолепен, но непомерно тяжелая фигура грозит развалить его надвое. Папа-еретик знает, что омерзителен, однако по лицу видно: ему это приятно. Он упивается мыслью о том, что на него страшно смотреть. На его лице смех и торжество. *Глядите на меня,* словно говорит он. *Глядите на меня!*

Я думаю о Рафаэль, и в голове возникает образ. Вернее, два образа.

В сознании Пиранези ее изображает статуя из сорок четвертого западного зала: королева на колеснице, защитница своего народа[48]. Она — воплощение доброты, мягкости, мудрости и материнства. Так Пиранези видит Рафаэль, потому что Рафаэль его спасла.

Но я выбираю другую статую. Для меня Рафа-

---

[47] Примечания: 47

Статуя… изображает папу-еретика на троне. Он жирный, обрюзгший, обмяк на троне бесформенным мешком. — Подразумевается или перевернутая карта «Иерофант» (перевернутая, потому что папа ложный, еретический), или же карта «Дьявол» (где Нечистый также восседает на троне). Во втором случае Арн-Сейлс — это дьявол, маскирующийся под первосвященника.

[48] Примечания: 48

…королева на колеснице, защитница своего народа. Она — воплощение доброты, мягкости, мудрости и материнства. — Карта «Колесница»: помощь, провидение, также воздаяние.

эль — статуя в небольшой комнате между сорок пятым и шестьдесят вторым северными залами. Это идущая фигура с фонарем. Очертания ее андрогинны — не угадаешь, мужчина или женщина. По тому, как она (или он) держит фонарь и вглядывается вперед, понимаешь, что вокруг необъятная тьма. А главное, я чувствую, что она тут одна[49] — то ли по собственному выбору, то ли потому, что никому не хватило отваги пойти с ней во тьму.

Из миллиардов людей этого мира Рафаэль я знаю лучше всех и больше всего люблю. Теперь я понимаю — куда яснее, чем мог бы понять Пиранези, — насколько огромно то, что она для меня сделала, как велика мера ее отваги.

Я знаю, что она часто возвращается в лабиринт. Иногда мы идем вместе, иногда она ходит туда одна. Ее влекут тишина и одиночество. В них она надеется обрести то, что ей нужно.

Меня это тревожит.

— Не исчезай, — строго говорю я ей. — Не исчезай.

---

[49] Примечания: 49

Это идущая фигура с фонарем. Очертания ее андрогинны — не угадаешь, мужчина или женщина… А главное, я чувствую, что она тут одна… — Карта «Отшельник»: осмотрительность, благоразумие, одинокое искание истины.

Она делает скорбно-веселую гримасу и отвечает:

— Не исчезну.

— Мы не можем все время друг друга спасать, — говорю я. — Это нелепо.

Она улыбается. Улыбка у нее тоже немного печальная.

Но она по-прежнему душится теми же духами — первым, что я о ней узнал, — и для меня это по-прежнему запах Солнечного Света и Счастья.

В голове у меня все приливы

Запись от 30 ноября 2018 г.

В голове у меня все приливы, их время, высота и направление. В голове у меня все залы, вся их бесконечная череда, все запутанные переходы. Когда я устаю от этого мира, от шума, грязи и людей, я закрываю глаза и называю конкретный вестибюль; потом называю зал. Мысленно я иду из вестибюля в зал, точно отсчитываю двери, в которые мне надо пройти, повороты налево и направо, статуи, мимо которых лежит мой путь.

Вчера мне приснилось, что я стою в пятом северном зале перед гориллой. Она спустилась с пьедестала и медленно шла ко мне, опираясь на кулаки. В лунном свете она была серовато-белой;

я обвил руками ее мощную шею и рассказал, как рад оказаться дома.

Проснувшись, я подумал: *Я не дома. Я здесь.*

Пошел снег

Запись от 1 декабря 2018 г.

Сегодня я шел через город в кафе, где встречался с Рафаэль. Было половина третьего в день, когда света почти нет.

Пошел снег. Облака накрыли город серым потолком, рев машин, приглушенный снегом, сделался почти ритмичным, словно мерный, нескончаемый плеск прибоя, бьющего в мраморные стены.

Я закрыл глаза. Мне было хорошо.

Впереди начинался парк. Я вошел в ворота и зашагал по аллее высоких старых деревьев между мглистыми заросшими газонами. Белый снег сыпал сквозь голые зимние ветки. Меж деревьями мелькали отсветы далеких автомобильных огней: красные, белые, желтые. Было очень тихо. Еще не стемнело, но фонари уже горели призрачным светом.

По дорожке сновали люди. Мимо прошел старик. Он выглядел усталым и грустным. У него были лопнувшие сосуды на лице и седая щетина. Когда он сощурился из-за снега, я понял, что знаю его. Он изображен на северной стене сорок восьмого западного зала. Там он король: в одной руке он держит маленький макет города, обнесенного стеной, а другую поднял в благословении. Мне хотелось схватить его и сказать: *«В другом мире ты король, добрый и благородный! Я видел!»* Но я промедлил лишнее мгновение, и он исчез в толпе.

Мимо прошла женщина с двумя детьми. У одного в руке была деревянная блок-флейта. Их я тоже знал. Они изображены в двадцать седьмом южном зале: двое мраморных детей играют, один из них держит флейту.

Я вышел из парка. Вокруг меня вставали дома. Я шел мимо дворика гостиницы, где в хорошую погоду можно посидеть за столиками. Сейчас занесенные снегом металлические столы и стулья выглядели грустными и сиротливыми. Над ними была натянута проволока, а на ней висели бумажные фонари. Ветер качал оранжевые шары; облака, сизые как море, неслись по небу, и фонари трепетали на их фоне.

Красота Дома несказанна; Доброта его беспредельна.

Михаил Назаренко
Примечания

Благодарю Екатерину Доброхотову-Майкову и Ефрема Лихтенштейна за помощь в работе над примечаниями.

Михаил Назаренко

В 2005 году, завершив промотур, посвященный выходу «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла», Сюзанна Кларк слегла с болезнью, которую так и не удалось однозначно определить (диагностировали то болезнь Лайма, то вирус Эпштейна-Барр, то синдром хронической усталости). Симптомами были истощение, мигрени, туманность сознания, светочувствительность, тошнота; следствиями — депрессия, социальная тревожность и агорафобия.

Теперь Кларк хотя бы может шутить об этом: «Мне уже не раз говорили, что я написала длинную книгу, где рассказано о болезни XIX века [50], а теперь сама подхватила такую же. Или что я написала длинную книгу о чарах, а потом сама

---

[50] Примечания: 50

о хронической усталости леди Поул, причиной которой была эльфийская магия

оказалась в их власти. Так оно и есть. Не стоит докучать эльфам, а тем более писать о них — им это совсем не нравится».

Задуманный и начатый роман — продолжение «Стренджа и Норрелла» — был оставлен: помимо того, что книга о викторианской эпохе требовала работы с источниками, Кларк обнаружила, что из-за болезни оказалась не способна принимать решения: «Я не могла выбрать между разными вариантами одной и той же фразы или определить, в какую сторону будет двигаться сюжет». И незаконченный роман стал напоминать, по словам писательницы, разросшийся куст или густой лес.

«Я долго злилась на свою болезнь: как это нечестно, сколького я лишена. Но теперь я понимаю, и сколько у меня осталось… вся история, вся литература, духовность, математика, искусство, наука». В 2013-м Кларк приехала на съемки телесериала по ее роману и была ошарашена тем, что все относились к ней как к *автору*. «Я-то уже привыкла думать о себе как об инвалиде, больной женщине средних лет. А тут никто на меня так не смотрел. Поразительно!»

Болезнь несколько отступила, и Кларк решила написать книгу, в которой не будет сотен персо-

нажей и которая не потребует дополнительных исследований. «Я ощущала вес тех лет, когда я ничего не писала, и всех нерассказанных историй». Она вернулась к старому замыслу, возникшему еще в 1980-е годы, когда она посещала литературные курсы, посвященные творчеству Борхеса. Особо ее впечатлил рассказ «Дом Астерия» (1947) из сборника «Алеф» — рассказ о Минотавре с точки зрения самого чудовища, для которого и он сам, и его мир совершенно нормальны и привычны.

Борхесовский лабиринт соединился в сознании Кларк с образами из книги Клайва Стейплза Льюиса «Племянник чародея» (1955): недаром из нее взят эпиграф к роману. Поиск параллелей мы предоставляем читателям; отметим только, что один из героев «Пиранези» — почти полный тезка льюисовского мага и, в определенном смысле, его ровесник: он появился на свет в тот же год, что и сказка.

В эссе «Воображенные миры» (2009) Сюзанна Кларк рассказала о своей любви к «Хроникам Нарнии»:

> «Все книги суть двери; а иные из них — платяные шкафы. В Оксфорде середи-

ны XX века К. С. Льюис провел нас сквозь шкаф в Нарнию; в „Хоббите“ и „Властелине Колец“ его друг Дж. Р. Р. Толкин подарил нам Средиземье, которое стало образцом для других миров. Чтобы создать Нарнию, Льюис соединил северный пейзаж, существ из древнегреческой мифологии и Белфаст своего детства. Что бы там ни говорили критики, Нарния — страна телесных наслаждений и страданий, там есть и танцы, и пиры, и вакхические празднества; но случалось так, что в Нарнии я чувствовала себя вымокшей насквозь, холодной и несчастной куда сильнее, чем в Средиземье.

Пуристы от фэнтези бывают очень озабочены внутренней согласованностью иных миров[51]; они одобряют аккуратное обращение Толкина с германскими культурами и языками, но возмущаются тем, что Льюис позволил нарнийским бобрам и фавнам читать книги и шить

[51] Примечания: 51

Не исключено, что это выпад в адрес Урсулы Ле Гуин, которая обвиняла Кларк именно во внутренней противоречивости ее мира (эссе «Даже в Волшебной стране очаровательного стиля недостаточно», 2006). Впрочем, в том же Льюиса упрекал Толкин.

на швейных машинках. Такие читатели не понимают самой сути: эти вещи воплощают домашний уют, тепло, безопасность, добро. В воображенных мирах мы встречаем наши страхи, радости и потребности, преображенные в живых существ, предметы и пейзажи. Мы прикасаемся к символам и вступаем с ними в бой. Потому-то для нас воображенные миры зачастую более цельны, чем наш. Возникает странное чувство узнавания: да, вот таким мир и должен быть. Сколько детей в сердце своем ощущают, что они более принадлежат Нарнии, чем Шотландии, Англии или Калифорнии?»

(Далее в числе своих любимых авторов фэнтези Кларк назвала, помимо Льюиса, Толкина, Филипа Пуллмана, Терри Пратчетта и Урсулу Ле Гуин.)

В романе Сюзанны Кларк можно обнаружить отсылки (оставляем в стороне вопрос, насколько осознанные) к «Горменгасту» Мервина Пика, «Лотерее» Кристофера Приста, «Мосту» Иэна Бэнкса, «Острову накануне» Умберто Эко, «Дому листьев» Марка Данилевского. А главный герой романа получил свое прозвание в честь итальян-

ского художника-графика Джованни Баттисты Пиранези (1720–1778), который бóльшую часть жизни провел, изучая и зарисовывая римские здания, памятники и руины (циклы «Виды Рима», «Римские древности»). На некоторых гравюрах, как, например, на «Аппиевой дороге», фантазия художника нагромоздила фантастические статуи. Но самое прославленное творение Пиранези — цикл «Воображаемые темницы»: его огромные, почти гротескные сводчатые здания с бесконечными лестницами и переходами повлияли на искусство романтиков и сюрреалистов. По легенде, эти образы Пиранези увидел в бреду, во время приступа малярийной лихорадки. В романе сказано, что имя Пиранези «ассоциируется с лабиринтами»; замена «темниц» на «лабиринты» в речи героя неслучайна, хотя творения итальянского гравера, конечно, лабиринтоподобны. Однако в романе Кларк и помещения Дома, и расположенные в нем Статуи не списаны с гравюр Пиранези: писательница опиралась только на свои воспоминания о них.

Первая же сцена романа, в которой Пиранези карабкается вверх по стене, возможно, восходит к описанию гравюры из цикла «Темницы», которое сделал Томас Де Квинси в книге «Исповедь

англичанина, любителя опиума» (1822): «Пробираясь вдоль стен, вы начинаете различать лестницу и на ней — самого Пиранези, на ощупь пролагающего себе путь наверх» (перев. С. Сухарева). Де Квинси по памяти передает то, что ему рассказывал Сэмюель Тейлор Кольридж, поэтому ни одной реальной гравюре данный пассаж не соответствует.

Кларк давно любит работы Пиранези и была бы не прочь прогуляться внутри них; неудивительно, что художник упоминается и в других ее книгах. В «Стрендже и Норрелле» гравюры, изображающие мир по ту сторону зеркал, описаны так:

> «…Тянулись бесконечные коридоры, построенные скорее из теней, чем из чего-либо другого. Темные проемы в стенах намекали на существование других коридоров, так что гравюры казались лишь центром огромного лабиринта… Один из рисунков изображал мост через бескрайнюю туманную пропасть — возможно, через само небо. Хотя мост был сложен из того же камня, что коридоры и каналы, с каждой его стороны вились крошечные

лесенки, прилепившиеся к массивным опорам. Лесенки выглядели крайне ненадежно, словно построены совсем не так искусно, как мост, однако множество их вело через облака невесть куда» (перев. С. Самуйлова).

Как заметил Стрендж, дороги Короля-Ворона выглядят несколько иначе, а гравюры получились «слишком похожими на работы Палладио[52] или Пиранези».

В рассказе «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби» (2001) из сборника «Дамы из Грейс-Адьё и другие истории» (2006) образцом для пресловутого моста послужило одно из сооружений «Темниц», — правда, «река оказалась мелкой для моста Пиранези» (перев. М. Клеветенко).

Только начав работу над «Пиранези», Кларк поняла, что роман будет отчасти автобиографическим — книгой о человеке, не способном покинуть дом, в котором обитает. «Закончить „Пиранези“ было чрезвычайно важно: ведь я даже не думала, что смогу написать еще одну

---

[52] Примечания: 52
Андреа Палладио (1508–1580) — итальянский архитектор.

книгу». Но писательница уже работает над следующей.